На чужих кривых дорогах
Арина Бугровская
18+

Арина Бугровская

На чужих кривых дорогах

https://litres.ru/73791269
SelfPub; 2026

Аннотация

Семья...

Эти люди ещё недавно не догадывались о существовании друг друга, но дороги свели их вместе.

Бабка... Помирать собиралась, но злая невестка, а может, болезнь, выгнали из дома.

Ксеня... Обычная бродяжка, каких на дорогах полным-полно. Только эта девушка умеет удивлять... Или пугать... Бабка ещё не разобралась.

Маруся. Что успела натворить эта малышка, если за ней ведётся настоящая охота?

Ольга. Невероятно красивая, но «дурочка». Хотя есть у бабки подозрение, что и здесь не всё так просто. Да и Ольга ли она?

Митька. Беглый крестьянский парнишка. Единственный мужчина в семье. И это его не пугает.

А кругом крепостное право. Это значит, что нет у них права жаловаться. И, кажется, помощи просить тоже не у кого.

Уважаемый читатель, в этом произведении несколько сюжетных линий, но одна из них начинается в романе «Не плачь, моя белая птица».

Содержание

Глава 1-2 9
Глава 2 12
Глава 3 17
Глава 4 20
Глава 5 24
Глава 6 28
Глава 7 35
Глава 8 38
Глава 9 42
Глава 10 45
Глава 11 49
Глава 12 53
Глава 13 57
Глава 14 62
Глава 15 66
Глава 16 69
Глава 17 74
Глава 18 79
Глава 19 83
Глава 20 87
Глава 21 94
Глава 22 96
Глава 23 99

Глава 24 103
Глава 25 107
Глава 26 113
Глава 27 117
Глава 28 122
Глава 29 128
Глава 30 133
Глава 31 139
Глава 32-33 142
Глава 33 147
Глава 34 151
Глава 35 155
Глава 36 159
Глава 37 162
Глава 38 166
Глава 39 169
Глава 40 173
Глава 41 176
Глава 42 179
Глава 43 185
Глава 44 191
Глава 45 196
Глава 46 200
Глава 47 205
Глава 48 210
Глава 49 215

Глава 50 221
Глава 51 224
Глава 52 228
Глава 53 231
Глава 54 237
Глава 55 242
Глава 56 247
Глава 57 251
Глава 58 257
Глава 59 262
Глава 60 266
Глава 61 272
Глава 62 277
Глава 63 281
Глава 64 285
Глава 65 292
Глава 66 295
Глава 67 298
Глава 68 Несколькими днями ранее 302
Глава 69 310
Глава 70 315
Глава 71 320
Глава 72 Несколькими днями ранее 323
Глава 73 На следующий день 327
Глава 74 В семнадцать лет 332
Глава 75 В семнадцать лет (продолжение) 336

Глава 76 Несколько дней назад 341
Глава 77 347
Глава 78 349
Глава 79 353
Глава 80 356
Глава 81 364
Глава 82 367
Глава 83 370
Глава 84 376
Глава 85 379
Глава 86 383
Глава 87 388
Глава 88 394
Глава 89 399
Глава 90 406
Глава 91 410
Глава 92 Этим же днём чуть ранее 418
Глава 93 423
Глава 94 427
Глава 95 431
Глава 96 434
Глава 97 442
Глава 98 449
Глава 99 453
Глава 100 458
Глава 101 463

Глава 102 469
Глава 103 473
Конец ознакомительного фрагмента. 479

Арина Бугровская
На чужих кривых дорогах

Глава 1-2

Дорога длинная-длинная, вьётся, петляет среди полей и лугов, ныряет в овраги, прячется в лесных чащах.

А Ксеня идёт и идёт по ней. Много лет.

Куда идёт? Никуда. Просто её жизнь такая – дорога. Просто её дом такой, вместо крыши - голубое высокое небо, вместо стен – зелёные просторы, вместо пола – мягкая пыль.

Далеко не всегда её дом такой уютный. Ох, не всегда.

Зато горницы в этом доме сменяют друг друга, и всё разные, никогда не повторяются.

Ксеня свернула за кусты орешника. Где-то здесь должны быть красивые пригорки. Она помнит...

Может, и не здесь, может, в другом похожем месте. Во множестве других мест.

Иногда Ксеня теряется и путаем свои остановки – слишком много их.

Но не теперь. Вот они, её зелёные холмики!

Девушка уселась на мягкую траву, потом легла. Любопытные ромашки тут же с интересом заглянули ей в лицо. Тоже, наверное, узнали. Тоже скучали. Почти год не виделись. Теперь вместе побудут немного и попрощаются до следующего лета.

В этих местах Ксеня будет проходить ещё осенью, зимой. Ксеня будет, а ромашки уже нет.

Может, и Ксени не будет

Вчера такая тоска навалилась. Заплутала в лесу, вышла к озеру. Вода тёмная-тёмная. Камень холодный на берегу.

А вокруг застыли ели. Мрачные. Укрыли её от мира. Никого не пропустят к ней. И её не выпустят.

Она села на камень, сжалась вся, задумалась, глядит на чёрную поверхность.

Зачем она?

Что поменяется в мире, если по пыльным дорогам не будут ступать её уставшие босые ноги?

Может... хватит уже идти? Может, дошла?

А тяжёлые воды согласно колышутся, зовут к себе, обещают навсегда укрыть от зимней лютой стужи, от бесконечных осенних дождей, от диких зверей, от чужих злых собак, от людских насмешек, от одиночества.

Сколько помнит себя Ксеня, всегда одна.

Только самое раннее воспоминание – улыбка. Добрая, красивая, любящая. Догадывается Ксеня, что раньше была с кем-то.

Но улыбка так быстро исчезают, что Ксеня не успевает в неё вглядеться. Не успевает понять – чья она. Только догадывается, что женская. Может, матери?

А потом сколько ни силится вспомнить, заглянуть в прошлое – не получается. Нет обратной дороги. Туда нет.

Может, вода откроет ей эту тайну? Может, она укажет путь к той далёкой улыбке?

Смотрит Ксеня в озеро. Глубокое, мрачное, тихое. Много человеческих тайн прячет на своём дне...

Но тут над головой защебетало. Ксеня даже чуть вздрогнула. Совсем тишина её околдовала. Оглянулась. Ласточки. Сидят на тонких ветках, прямо над её головой и чирикают, заливаются.

Очнулась Ксеня. Что это она? Ведь теперь лето. Сколько она его ждала? Сколько плакала о нём? Дни считала. Зарывшись в чужом стогу, посреди белого поля, слушала зимнюю холодную песню, закрывала глаза и представляла его лето.

Прочь... Встала с камня, повернула от озера.

«Расступитесь, глухие ели».

А ели не хотят отпускать, ветками цепляются, перекрывают путь.

И жутко вдруг стало Ксени. Побежала она напролом сквозь заросли, раня на бегу босые ноги.

И страшно ей было оглянутся, она и не оборачивалась долго-долго, пока не выбралась из леса. И снова увидела дорогу. Пыльную, петляющую, свою. И опустила израненные ступни в прохладную исцеляющую пыль, дальше пошла.

Глава 2

- Маня?.. - бабка осторожно то ли спросила, то ли позвала в спину, в густые струящиеся длинные волосы.

Спина не дрогнула, но бабка Нюра к этому уже почти привыкла.

- Тот раз она на «Ольге» дёрнулась, - подсказал взлохмаченный мальчишка в дырявой рубахе. Он сидел у небольшого костра. Временами поглядывал на красивую, чуть искрящуюся оранжевыми бликами, светлую волну, по которой бабка Нюра водила деревянным редкозубым гребешком.

- Ольга?.. – послушалась бабка и позвала по-другому.

И опять никакой реакции. Не дёрнулась спина. Мальчик разочарованно отвернулся.

- А тогда, кажется, откликнулась… - но теперь в его голосе не было уверенности.

- Ну пусть будет Ольга, - вздохнула бабка. – Надо же её как-то звать. Ну-ка, милая, обернись.

Девушка послушно повернулась лицом к Нюре. Митька вновь поднял глаза и тут же смущённо отвёл их. Красота девушки словно ударяла в сердце невидимым мягким кулаком. На мгновение становилось и очень приятно, и немного больно.

Приятно оттого, что редко увидишь такое лицо. Светлое, чистое, нежное.

А неприятно… Сразу и не разберёшься в причинах. Митька в них особо и не разбирался. Просто чувствовал, что не должна быть такая девица в их компании, и всё тут.

Их компания – это он и бабка. Ходят по белому свету никому не нужные.

Бабку помещик отпустил на волю, когда она постарела, а потом заболела. А невестка выгнала из дома, когда сын был на отходничестве в далёкой Московской губернии.

Правда, бабка не сильно налегала с обидой на невестку, рассказывала потом Митьке, что почти сама ушла.

У невестки и так характер был нелёгкий, а как настало время ещё и за больной свекровью ухаживать, так и вовсе озлилась. Дошло до того, что горшком швырнула, когда щи бабке несла. Хотела покормить, да злоба под руку толкнула, так бабку и окатила горячей капустой.

Бабка тогда ничего не сказала. А ночью, когда затихли в сонной избе внуки, да перестала вертеться на лежанке невестка, встала тихо со своего сундука, открыла скрипучую дверь и шагнула за порог.

Раз шагнула, второй… А потом и пошла куда глаза глядят.

То ли сама пошла, то ли болезнь погнала.

Думала – недолго осталось на этом свете мыкаться. А болезнь и морок рассыпались по дороге, и жизнь вернулась в старое тело. Теперь вот живёт.

Когда опомнилась, ужаснулась от того, что натворила. За внучку Агапку переживала. Та, наверное, наревелась, когда

с утра бабку на сундуке не обнаружила. У Агапки жалостливое сердечко. А что сын подумал, когда вернулся? Ещё поссорятся из-за неё.

Но не повернула к дому. Кто знает, когда силы закончатся, а болезнь снова одолевать начнёт? А так… Попереживали, погоревали и забыли. Зачем же теперь докучать?

У Митьки другая история. Он, конечно, сам виноват. Недоглядел за щенком, тот и подавился косточкой. Нет, со щенком ничего не случилось, обошлось всё. Но своего уха Митька за это чуть не лишился. Барин так его крутнул, рванул и приподнял, что внутри потекла горячая волна, и что-то страшно затрещало. Тогда Митька вырвался, рискуя совсем оставить ухо в руках у хозяина, и умчался в лес.

Вернуться в поместье не рискнул. Ухо-то и впрямь надорвалось и оглохло. Крови вытекло – у человека и не бывает столько крови – так казалось перепуганному пацану. Бродил несколько дней от одного стога к другому, пока не смог вылезти из последнего – мир крутился, пульсировал и обливал горячим теперь уже не только ухо, но и всего Митьку, с головы до ног.

Там бы и остался навсегда, если бы не бабка Нюра. Её в тот стог тоже неведомая дорожка привела. В нём и углядела Митьку. Не пошла искать помощь, и добрых людей не стала звать, поняла, что от них же и зарылся в соломе Митька с рваным ухом, сама ухаживала, решив, что, как его судьба дальше распорядится, так тому и быть.

Судьба на этот раз была благосклонна, и когда через пару недель Митька открыл глаза, в них светился хмурый интерес.

- Вернулся, значит… - горестно покачала головой Нюра. Первая радость схлынула, на её место пришла тревога – что дальше?

- Куда вернулся?

- Сюда… С того света в этот, - пояснила бабка.

Так и пошли дальше по этому свету уже вдвоём.

А потом встретили девицу. Привычное – «девка» к ней совсем не подходило и не держалось. Так и стали звать – девица, попутно пытаясь угадать имя. Сама она была неговорящая.

Она не только молчала. Видели бабка с Митей и немых, и всяких – кого только по пыльным дорогам не носило и рядом с ними, и навстречу, и наперерез. Девица была… как не от мира сего.

Дурочка? Как не страшились назвать такую красоту таким недобрым словом, но страшись – не страшись, а назвать надо. Потому что оно самое подходящее.

Моргала своими прекрасными глазами. Чуть-чуть улыбалась пухлым ртом и всё.

Нет, ещё была послушной, выполняла всё, что говорила ей бабка. Потом и Митьку стала слушаться. Всё понимала. Только к этому свету была слишком уж равнодушная.

Не напомнишь ей, что надо поесть, и не сунешь сухарь в

руку, она так и будет весь день улыбаться голодная. А захочет пить, или ещё по какой нужде, заплачет тихо и так беспомощно, что Митька не раз отворачивался, скрывая заблестевшие глаза. Нехорошо, когда так плачут.

Нашли её Митька и бабка на опушке леса. Сидела девица на пеньке. В чистом сарафане. Спокойная. Словно поджидала кого-то.

Митька и бабка прошли мимо, поглядели мельком на неё, завернули в деревню. Там пробыли до вечера - случай подвернул работу для обоих. Не скоро пошли обратной дорогой через ту же опушку. А на том самом пеньке всё ещё сидела девица и чуть наклонив голову набок, всё так же улыбалась.

Митька уже и прошёл мимо, бросив хмурый взгляд на красавицу. Странно, конечно, но не его ума дело. А бабка остановилась.

Глава 3

- Молчи, курва. Молчи лучше!

У Дарьи Васильевны смешалось множество чувств – и ненависть к собственной дочери за то, что она подвергла и себя, и её огромному риску, и жалость к ней же, как ни крути – дочь, хоть и безмерно виноватая, а всё же своя кровинка, и страх, что не удастся справиться тайно, а тут ещё она кричит. Но разбираться в этих чувствах Дарье Васильевне было недосуг, поэтому она дала волю самому сильному из них - раздражению.

Повернулась к повитухе:

- Сделай что-нибудь, чтобы она заткнулась.

- Сейчас, матушка.

Повитуха засуетилась и проворно завернула в тряпку какую-то палку. Затем ловко поймала момент, пока голова Анны металась из стороны в сторону, и вставила ей своё приспособление между зубов.

- Вот так, милая. Жми её. Кусай, тебе легче будет.

Но Анне легче, кажется, не становилось. Зато хоть кричать перестала.

Дарья Васильевна вгляделась в лицо дочери. Бледное, покрытое мелкими каплями пота. Нос заострился, под глазами тёмные круги. И впервые страх за её жизнь нашёл лазейку в сердце, подвинул в нём другие чувства и занял главное ме-

сто. Но ненадолго.

В дверь бани постучали.

- Агафья, ты? – наклонилась Дарья Васильевна к деревянному косяку.

О том, что она здесь, знала лишь горничная. Остальных графиня позаботилась отправить куда подальше.

- Я, матушка, - послушался с другой стороны двери женский голос. – Вернулся Георгий Лукич. Вас спрашивают.

- Ах, чтоб тебя…

Дарья Васильевна закусила губу. В растерянности бросила взгляды по сторонам, как будто где-то может быть хоть какая-то соломинка, за которую ей можно ухватиться, чтобы не потонуть. Заодно и дочь не потопить.

Тряпки… Вода… Камни… Жар раскалённой печи… Деревянные лавки. Много свечей, от которых уже заболела голова. Она, повитуха и дочь. И если повезёт, а может, не повезёт, то в скором времени должен появиться ещё один человечек. Собственно, из-за него они здесь собрались.

Но главное, чтобы Георгий Лукич здесь не появился, спохватилась Дарья Васильевна и поспешила к выходу.

- Фёкла, закрой за мной.

- Барыня, не беспокойтесь. Идите. Мы тут управимся.

Графиня бросила быстрый взгляд на дочь. Анна на самой широкой лавке крутилась от боли. Одеяло и простыни уже сбились на пол, и она металась на голых досках.

«Всё не так!» - ужаснулась Дарья Васильевна. И самым

неправильным было то, что Георгий Лукич неожиданно вернулся домой.

Глава 4

- Девка! – повитуха ловко подхватила малышку и повернулась к столу. Окунула локоть в кадку с водой – нормально, склонилась над ребёнком.

Анна закрыла глаза. Всё? О-о-о.

Не заметила, как провалилась в блаженное небытие. Ненадолго.

- Отметина, барышня, - голос повитухи вырвал Анну из сонного плена. Открыла глаза, не понимая, о чём та.

- Говорю, цветок родимый на груди.

- Цветок? – Анна с трудом прошептала вопрос.

Какой цветок? Разве бывают цветы среди зимы? В царской оранжерее есть, у графа Шереметева тоже... А в бане откуда им взяться?

- А вот, поглядите, - повитуха поднесла к Анне маленькое розовой тельце. Девочка была уже вымыта. Её животик часто поднимался и опускался от дыхания. А чуть выше, в том месте груди, где по мнению Анны, находилась всякая душа, красовалось золотистое пятнышко.

- Что это?

- А это на счастье. Счастливая, значит, будет, - повитуха прекрасно знала, как один и тот же факт можно повернуть по-разному. – Это раньше считалось плохим знаком, а теперь каждая дама рисует у себя на личике «мушку». А здесь уже

всё нарисовано. Прямо, цветок.

Анна несколько мгновений послушно рассматривала отметину на теле ребёнка. Чуть отстранённо заметила сходство. И вправду, как цветок. С тремя лепестками. Один чуть длиннее и загибается в сторону.

А когда Фёкла унесла девочку, снова закрыла глаза. И снова провалилась в уютную темноту.

- Ну-ка, милая, возьми, - голос повитухи снова не дал надолго расслабиться, раздался, кажется, сразу же. Но это кажется. На самом деле малышка была уже укутана в лённую светлую ткань.

Анна испугалась. Её надо взять? Ей?

Фёкла терпеливо ждала, пока молодая родительница собиралась с духом.

Анна осторожно протянула руки, взяла живой тёплый свёрток, вгляделась в лицо.

Глазки опухшие, словно тоже страдала, словно тоже плакала. Теперь закрыты. Носик… Такой чистый, вздёрнутый вверх… Губки. Маленькие, шлёпают.

Волна нежности, любви и счастья окутала Анну.

Это её? Этот чистый, новый, ясный человечек – её?

В дверь бани постучали. И тут же раздался голос Дарьи Васильевны:

- Фёкла, открой.

- Сейчас, барыня.

Но повитуха внезапно замерла. Острая догадка ужалила.

Кажется, она совершила оплошность. Но разве в родовой суматохе подумаешь обо всём? Вот и она забыла, что неспроста барыня развела такую скрытность.

Она подошла к Анне.

- Дайте-ка я её возьму… А вы отдыхайте.

Анна с сожалением выпустила из рук дитя.

И когда девочка лежала одна около кадки с мутной водой, Фёкла открыла дверь.

- Живая? – Дарья Васильевна круглыми от ужаса глазами впилась в дочь. И тут же напряжение спало. Живая.

- А как же иначе? – встрепенулась виноватая повитуха. – Всё хорошо. К вечеру уже сможет помаленьку садиться.

- А вставать? Надо сейчас идти в дом.

Анна со страхом поглядела на мать. Сейчас? Она не сможет. Но та уже засуетилась по другому поводу.

- А этот? – обернулась к Фёкле.

- Девка. Тоже живая. Здоровая. Красивая.

Но Дарью Васильевну эта новость, похоже, не очень порадовала. На внучку её любовь не распространилась. А забота была. Она подошла к девочке и, не всматриваясь в неё, завернула в шубу, которая лежала для этого часа в углу. Молча повернулась к двери и вышла.

- Матушка, вы куда? – голос Анны был совсем без сил, но в нём явно звучал и страх, и боль неясной догадки, и тоскливая беспомощность.

Но Дарья Васильевна не расслышала. Дверь за ней с дру-

гой стороны кто-то закрыл.

Глава 5

- Ба, сейчас вот такая щука ушла, - Митька вывалил из старой рубахи улов прямо в траву, раскинул с размахом руки в стороны, потом немного вернул их ближе друг к другу.

- Экая неудача, - покачала головой Нюра, усаживаясь перед рыбой. – Но ничего, нам и этой хватит. Плотва, кажись.

- Ага, плотва. А вот два окуня.

- Ну, значит, точно хватит. Вода уже закипает. Митька, брось чуток соли. Во, в этом узелке возьми. Только немного. Эта последняя.

Бабка вынула из котомки нож с таким тонким, узким и неровным лезвием, что было понятно, оно стачивалось несколько десятилетий, если не больше. Бабка нашла его на лесной дороге, долго вертела в руках. То ли какой-то грибник потерял, то ли привередливый хозяин посчитал, что закончился его век и выбросил.

Но бабка решила, что не закончился. Теперь пусть им послужит.

- Что там делает… Ольга? Не видно отсюда, - бабка повертела головой. Но старческая шея, как тот нож, тоже служила своей хозяйке несколько десятилетий. Подрастеряла поворотливость.

Имя девицы произнеслось с трудом. Вот не Ольга она, бабка чувствовала, но пусть хоть так.

- Цветы какие-то рассматривает.

- Пускай рассматривает. Ты только гляди за ней, чтобы не ушла никуда.

- Да она недалеко. На поляне. Я вижу.

- Во беда, - вздохнула по привычке Нюра. Митька понял о чём. И бабка тут же подтвердила его догадку. - Как так? Одному человеку дадено столько несравненной красоты, а ума – кот наплакал?

- А разве коты плачут?

- Не видала до сих годов.

Митька вгляделся в бабку, оценивая её возраст.

- А сколько тебе лет?

- Да я, честно говоря, не знаю. Считаю, что семьдесят. А как на самом деле – не ведаю. А тебе?

Митька поднял плечи до ушей.

- Мне никто не говорил.

Нюра прищурила глаз.

- Может, восемь?

- Наверное.

- Ну тогда прибавляй каждое лето по годку, вот и будешь знать.

- Ладно… Ба…

- Что?

- Сегодня опять урядников видел.

- В деревне?

- Ага. Так и шныряют…

- А тебе-то что? Пускай шныряют.

- А если это меня ищут? От хозяина всё же сбежал…

- Будут из-за тебя урядники беспокоиться, - махнула плотвой бабка.

- Ты думаешь, я им не нужен?

- Ну конечно. Это они ещё за кем-то гоняются.

Митька задумался.

- Может, за Ольгой? Надо бы завтра разведать. Послушать, что люди говорят.

Бабка привстала, повернулась к девушке. Помрачнела.

- Разведай…

Мальчик заглянул в котелок.

- Закипела уже.

- Ну беги, сполосни в ручье плотву да бросай в воду. Почистила уже. А я пойду кой-чего постираю.

Ночью Митька долго смотрел в небо. Там душа его мамки. Может быть, сейчас смотрит на него одной из звёзд. Только попробуй угадай, которой. Вон их сколько.

В раздражении потёр глаза кулаками – совсем забыл её лицо. Только глаза мелькают на короткое время. Серые, добрые. Он и не успевает их как следует разглядеть.

Захотелось плакать. Если так и дальше пойдёт, он и глаза забудет. И что тогда останется? Только звёзды в небе. И непонятно, какая из них мамкина.

Митьке стало тревожно. А если бабка тоже помрёт? Семь-

десят лет – это крепко много. Как он сам будет на свете? Да ещё и с Ольгой-дурочкой.

И слёзы побежали по щекам. И губы зашептали молитву-просьбу.

Глава 6

С утра Митька с бабкой недолго совещались. Решили пока остаться здесь, недалеко от села, в котором накануне

Митька видел урядников. Надо всё-таки разведать, кого они ищут. После ночных раздумий мальчик тоже забеспокоился об Ольге.

Потому что, даже на Митькин неприхотливый взгляд, странностей вокруг девицы было слишком много.

Она не нищенка. Сидела тогда на пеньке в новом синем сарафане, с ленточкой в туго и аккуратно заплетённой косе, в новых лаптях.

Словно кто-то за ней смотрел, отошёл и не вернулся.

Они с бабкой долго ждали. Весь вечер, всю ночь и весь следующий день. Но за девицей так и не явились.

Пришлось её взять с собой. А что делать? Не на пеньке же оставлять? Хотя головы поломали изрядно, пытаясь понять откуда она. Походили по окрестным деревням. Но девку показали только в первой. Потому что на такую красоту сразу нашлись охотники. Бабка тогда еле отбилась от мужских охальных насмешек.

Потом уже в дорогу стали переодевать девицу в лохмотья, правда, чистые. Нюра не любила грязь. Лицо Ольге вымазывали углями из остывшего кострища. И до бровей укутывали в дырявый платок. И после таких манипуляций Ольга и впрямь становилась дурочкой. Зато теперь никто не обращал на неё внимания. Таких дурочек на дорогах хватало.

Когда Ольга увидела своё новое отражение в лесном озере, дёрнулась, потом заплакала. С тех пор и Митька, и бабка старались не подпускать её в таком виде к воде. А на ночь,

когда отходили подальше от чужих деревень и останавливались около реки или озера, бабка вначале снимала платок, умывала девицу из котелка, а потом подводила к воде, показывала той, что она всё ещё есть.

С собой у Ольги был узелок. Стоял около пня. Бабка и Митька заглянули в него. Но содержимое ничем не помогло. Бумаг никаких не было. А была запасная одежда да платочек маленький, кружевной, барский, с красными буковками в углу. Но в буквах ни Митька, ни бабка не разбирались. А в том платочке были завёрнуты серьги с каменьями самоцветными да колечко.

И вот теперь урядники забеспокоили. Конечно, если девицу ищут добрые люди, то помочь отыскать надо. А если недобрые? А вдруг за серьги эти начнут с девицы спрашивать? А какой с неё спрос?

Митька побежал в деревню.

- Осторожней там, - напутствовала бабка в дорогу. – Близко никого не подпускай. Если что – ноги в руки, и чтоб тебя как ветром сдуло. Гляди, чтобы не окружили. Всегда оставляй место, куда отходит, если что.

Бабке страшно было Митьку отпускать одного. Всюду мерещились опасности.

В деревне Митька почти сразу увидел, как двое урядников вели по пыльной улице калику. Это был нищеброд Грызля. Приходилось встречаться на дорогах.

Митька, держась приличного расстояния, последовал за ними.

Грызлю ввели в избу.

«Колодничья», - догадался Митька и огляделся.

Изба была окружена высоким забором. У калитки сидел караульщик. Митька побежал вокруг забора, надеясь отыскать подходящую щель. Нашёл. Колик в углу болтался на верхнем гвозде, открывая узкую щель, как раз такую, в которую может протиснуться тощая Митькина фигура. Мальчик и нырнул в неё, замирая от страха.

В избе часть окон были заколочены. За ними держали заключённых, догадался Митька. Другие окна были распахнуты.

Мальчик глянул в сторону караульщика. Тот стоял спиной. Митька прошмыгнул к открытому окну. Из помещения доносился густой мужской голос. Митька уселся на завалинке, навострил уши.

- Ваше благородие, да какая девка? Никого не видел. Я же того… - последние слова прозвучали настолько неуверенно, что даже Митька криво усмехнулся.

Ну да. Грызля такой же слепой, как и он. Митька видел, как он со своими калунами, водку пил в овраге. Они с бабкой Нюрой как раз мимо проходили. Матюкались на всю округу. Митька даже дрогнул слегка. Да и бабка ускорила шаг. Все зрячие были. Вслед им ещё что-то буркнули. А по деревням ходили с поводырём да с косыми и закрытыми глазами.

- Ты эти басни оставь для дураков, какие тебе гроши подают, - не поверил Грызле и урядник, чем-то грюкнул в избе.

- Так я говорю, что этих девок пруд пруди. Не пойму, какая заинтересовала ваше благородие, - быстро сориентировался Грызля.

- Ты не хочешь пару месяцев в остроге посидеть? Подумать?

- Ну была девка. Прибилась.

- Опиши.

- Как это?

- Сколько лет?

- Так откуда мне знать?

- Михайлов, в острог его. Я ещё буду с ним…

- Лет семь… Может, восемь.

- Волос?

- Белый. Длинный, как у девок обыкновенно бывает.

- Зовут?

- Называлась Марусей.

- С собой что у неё было?

- Да, кажись, ничего…

- Где она теперь?

- Откуда мне знать? Отбилась.

- Михайлов…

- Дырявая к себе забрала.

- Продал, что ли?

- Скажете то же, ваше благородие! Прямо, продал! Рупь

всего взял за хлеб-соль, что на девку потратил.

- Где Дырявая?

- Вчера здеся была. В селе. Собиралась в город.

- Михайлов, запри его.

- Да за что?

- На недельку.

В избе затихли разговоры.

«Не наша, - понял Митька. – Эта маленькая. Почти как я. Интересно, что она натворила?»

- Поедем, Михайлов, - голос урядника раздался неожиданно и почти над самым ухом.

«К окну подошёл!» - догадался Митька и вжался в стену.

- За Дырявой? Думаешь, эта наша девка?

- Всё сходится. Думаю, наша.

- Может, нас ещё наградят? Как считаешь? За то, что мы быстро справились? Раз сам генерал-фельдмаршал изволит беспокоиться.

- Губу закатай. Поехали.

- А может, сначала пообедаем? А то когда теперь придётся?

- Ну давай. Со вчерашнего дня в брюхе пусто, - голоса стали удаляться.

Митька оторвался от стены, оглянулся – никого и прошмыгнул в свою щель.

За забором остановился в раздумье. Что-то мешало бежать с новостями к бабке.

Может то, что Дырявая – это такая отвратительная баба, что Митьку от неё всегда воротило. А тут ещё и случай на днях был…

Как-то он, бабка и Ольга отдыхали на обочине. Бабка побежала в лесок поглядеть грибов. Мимо шла Дырявая, села рядом. Заговорила о том, о сём, а сама полезла к Ольге под дырявый платок.

Митька тогда забеспокоился, но отогнать взрослую бабу не хватило смелости. А она стала щупать лицо Ольги, стирать угольную краску. И всё что-то болтала, болтала.

Митька не выдержал, схватил Ольгу за руку, потянул от Дырявой.

С тех пор Митька с бабкой старались обходить эту нищебродку по широкой дуге.

А теперь мальчик, поколебавшись, повернул в другую сторону и от леса, и от бабки.

Глава 7

- Василий!

- Александр! Вернулся? Совсем? Или как?

- Совсем. Закончилась моя учёба.

- Слышал… Такое наследство!

- Да. И наверное, пришло время вернуть всё, что я тебе задолжал. А сумма, думаю, наскреблась немалая.

Но Василий нахмурился.

- О чём ты? Какие долги между нами?

Александр посмотрел в помрачневшие глаза друга, разглядел в них злые огоньки, усмехнулся. Василий всё тот же.

- Понял. Забудь. Но теперь и моё портмоне открыто для тебя.

- Насколько я помню, оно и раньше было открыто.

- Может быть, но только раньше в нём всё больше зияли дыры.

- Ай, о чём ты? – махнул Василий рукой. – Как же я рад, что ты, наконец, забросил заграничные науки.

- Скажу откровенно, они мне и не были особо нужны.

- Помню… Ты говорил... Дедова прихоть.

- Да. Он был известным сторонником реформ и образования. Теперь был…

- Помню, с какой тоской ты уезжал. Но сдаётся мне, что дело было вовсе не в заграница, а в голубых глазах хорошень-

кой дочери графа.

Но тут Василий, словно вспомнил что-то, неловко замолчал.

Александр снова взглянул в лицо друга. Не решился задать следующий вопрос, ответ на который уже выискивал в выражении глаз друга. Василий отвёл взгляд.

- Пойдём же в мой кабинет. Выпьем чаю. Или, может, вина?

В кабинете долго присматривались друг к другу, отмечали изменения и готовились к серьёзному разговору. Начал Александр.

- Я ведь с дороги сразу к тебе. Что нового? Как… Анна?

- Ты не знаешь?

- Не знаю что? – на душе стало муторно.

- Я тебе не писал.

- Да. Ты мне про неё ничего не писал. И она не писала. Думаю, моими письмами мамаша с удовольствием разжигала печку.

- Болела Анна всю зиму. Никуда не выходила.

- Болела… А теперь?

- Выздоровела. Похудевшая, правда… Бледная. Но не в этом дело.

- Да в чём? Не тяни…

- Замуж выходит…

Повисло молчание. Александр побледнел.

- За господина Усанова…

- За Усанова? Того самого? А впрочем, какая… Он ещё жив? Мерзкий старикашка… Это всё мамаша… Анна... Я убью его…

- У этого мерзкого старикашки огромное состояние. Вот и весь секрет его успеха в сердечных делах. Но теперь и у тебя, говорят, состояние не меньше. Мамаша чуть-чуть поспешила.

- Сомневаюсь, что даже деньги смогли бы заставить Дарью Васильевну взглянуть на меня более благосклонно. И Георгия Лукича, если уж на то пошло.

- Ты недооцениваешь силу капитала. А впрочем, сегодня сможешь в этом убедиться.

- О чём ты?

- Об ассамблеи у князей Ануфремовых. Будет весь свет.

- У меня нет приглашения.

- Ты, наверное, просто ещё не смотрел утреннюю почту.

- Откуда им знать, что я вернулся?

- Дорогой мой, да о тебе весь город гудит. Самый завидный жених с тех пор, как твой дедушка назначил тебя главным наследником. За дедушку!

Глава 8

Дорога в город Митьке была незнакома, но её направление он знал. Туда они с бабкой шли, влекомые случайными попутчиками, перехожими каликами - Грызлей с его компанией фальшивых слепцов и Дырявой с девками.

Те направлялись в город за какой-то надобностью, вот и они с Нюрой решили тоже своё счастье там попытать. А что им ещё делать? Так, перекати-поле безродное. Нет такого места, где можно было бы остановиться, корешки какие-нибудь пустить. Может, в городе приживутся?

Этих попутчиков они с Нюрой и Ольгой временами обгоняли, если те задерживались по своим непонятным делам. Иногда отставали от них, когда Митьке и бабке подворачивалась работа за грошик или сухарики, но несколько дней кряду держались неподалёку друг от друга.

Нельзя сказать, что познакомились, но рассмотреть друг друга успели, да и словом иногда перекидывались.

Дырявая шла с двумя малолетними глазастыми девками. Значит, уже с тремя, сообразил Митька. Ведь, если верить Грызле, он накануне передал ей ещё и Марусю. Саму девочку у слепцов он заметил мельком, прибилась она к ним в последние дни. Как-то встретились глазами… И всё.

И вот теперь Митька бежал по дороге, чтобы эту девочку отобрать.

Зачем?

Митька и сам не знал.

Просто… у него хоть бабка есть. А у той – никого. А каково это быть одному, он испытал на себе. Пропадал недавно в стогу с рваным ухом.

Вот теперь и бежал по пыльной дороге.

«Наверное, взяла что-то без разрешения у этого генерала», - вспоминал подробности услышанного разговора. - Украла… - с неохотой признал он. – И видать, что-то ценное, раз генерал урядников следом послал. Вот дурка…».

Сам Митька никогда не крал. Да и бабка учила, что вор, рано или поздно, будет в кандалах на каторге, потому что дорога его такая. Хочешь – не хочешь, а туда придёшь. И Марусю надо с этой дороги увести, раз она забрела на неё.

Хотя, когда Митька вспоминал чистые глаза девчонки, как-то не верилось, что она могла взять чужое. Может, этот генерал сам потерял, а теперь на других думает.

Впереди запестрели платки.

Мальчик не знал, для чего Маруся нужна Дырявой, но вспоминая её цепкие пальцы, которыми она прощупывала Ольгу, её хитрые глазки, понимал, что просто так она девчонку не отдаст. Тем более, если заплатила за неё рубль.

Митька оглянулся. Урядников пока не видать, а мешкать всё равно не следует.

Но теперь луг. Дырявая и три невысокие фигурки брели между трав и цветов. А впереди лес. Там он и попробует что-

нибудь сделать.

Митька рванул по широкой дуге к густым зарослям. Будет лучше, если он подождёт их там.

Но не особо рассчитал расстояние и свою силу. Не успел прибежать, отдышаться и выглянуть из-за широкого ствола, за которым устроил засаду, как послышался разговор.

- Будете конфеты есть, хоть кажный день. Ели когда-нибудь? Ну во, попробуете. Ленточки красные вам подарят, - голос Дырявой был таким противно-елейным, что Митька поморщился.

«Неужто верят?»

- Стой, - позади девок послышался шум колёс и топот лошадиных копыт.

«Урядники», - Митька прижался к дереву.

- Стой, тебе говорят.

Дырявая и девки отошли на обочину. Бричка остановилась. Митька понял, что пора действовать, и заторопился обойти её сзади.

- Далеко ли собралась, милая?

- Да как?.. Идём своей дорогою… Грамота вона, сейчас… - засуетилась Дырявая.

А Митька, частично скрываемый бричкой, слегка присвистнул, стараясь привлечь внимание. Привлёк. Три девки, как по команде, обернулись к нему.

Но три ему не нужны. Он посмотрел на Марусю. А потом слегка махнул рукой, призывая подойти.

Та серьёзно и, как показалось встревоженному Митьке, долго смотрела на него, а потом шагнула.

- Стой. Ты куда? – сиганул с брички урядник.

Но Митька уже схватил девочку за руку:

- Бежим!

И они рванули через кусты.

Митька с облегчением понял, что Марусю не надо тянуть и уговаривать. Видимо, рассказ Дырявой о конфетах и красных лентах её тоже не впечатлил. Они бежали сквозь зелёные кусты, уже не держась за руки, но рядом. А сзади трещали сучья под ногами преследователей. И издалека доносился вопль Дырявой.

Глава 9

Гул множества голосов усиливался, пока Александр поднимался по широкой лестнице, ведущей в бальный зал. В другое время его переполняла бы радость от встречи с друзьями и знакомыми после почти годичной разлуки. Но теперь все знакомые и незнакомцы казались досадной преградой между ним и Анной. Сколько рук нужно пожать, сколько поклонов сделать, сколько тонких и не очень пальчиков перецеловать, прежде чем он доберётся до той, о которой изболелась его душа?

Простила? Почему расторгла их помолвку? Зачем нарушила обещание?

Ах, он только увидит её, только заглянет в глаза...

Он всё поймёт…

Она всё поймёт. Поймёт, что он любит её по-прежнему.

Никакой Усанов не сможет стать помехой. Кто он, этот скользкий старикашка? Сколько жён уже пережил? Столько детей и внуков вырастил, что порядочная их доля гораздо старше Анны. И он смеет помыслить ещё и ею завладеть? Девушкой, чья юность и красота создана для счастья.

Не могла Анна полюбить старого брюзгу.

Это всё Дарья Васильевна хлопочет над устройством судьбы дочери. Чтобы уж наверняка та не ведала стеснённых обстоятельств. А заодно и счастья. Александр мрачно усмех-

нулся.

Будь избранником Анны молодой, порядочный, достойный человек, он бы смирился. Сжал бы зубы, закрыл глаза, уехал бы на край света, чтобы не видеть, но смирился бы… А впрочем… Нет! Нет.

Нет…

В последнюю их встречу он обидел её, конечно.

И, как всегда, при воспоминании о том вечере, блаженная волна окутала его внутренним жаром, вырвалась на щёки лёгким румянцем. Но не от стыда покраснел Александр, хотя и был виноват.

Деревенские поместья деда, в чьё наследство он теперь вступал, и отца Анны находились в одном уезде. Близкое соседство заставило Дарью Васильевну спрятать неприязнь за вежливыми улыбками, ведь встречаться приходилось часто. А однажды так случилось, что на именины деда Дарья Васильевна не смогла приехать – занемогла. Прибыл Георгий Лукич с дочерями.

И пока старшая сестра щебетала с подругами, пока Георгий Лукич с хозяином дома и другими пожилыми мужчинами обсуждали политическую обстановку в стране и мире, пока молодые люди пытались понять, о чём щебечут их хорошенькие подруги, Александр с Анной сбежали ото всех.

Был уже поздний вечер. Александр вёл Анну по тёмный коридорам в свою комнату.

Конечно, он не должен был этого делать. Он просто хотел

передать ей давно обещанную книгу Даниэля Дефо.

Это потом в неосвещённой комнате не важна стала книга. Это потом он захотел провести пальцами по нежной, едва заметной в полутьме, щеке девушки. Это потом ему захотелось наклониться к её пухлым чуть приоткрытым губам. Это потом он потерял голову.

Глава 10

Разыскать, рассмотреть Анну среди множества женских фигур было сложно. Девушки в нежно-лиловых, розовых, голубых воздушных платьях, казались Александру почти одинаковыми живыми куклами. Он продвигался по залу, вглядывался в лица, а его на каждом шагу узнавали, здоровались, приглашали на обеды и ужины.

- Александр Андреевич, дорогой, что же вы мимо? Сколько времени прошло? Вы теперь из Европы? А мы только туда собираемся.

Княгиня Ганджинская вцепилась в руку мёртвой хваткой. Всё, теперь от неё так просто будет не уйти. Александр учтиво наклонился к надушенной руке в белой перчатке.

- Без вас было невесело… - Ганджинская блеснула лукавым взглядом. – Некоторые просто увянуть успели.

Александр нахмурился. О чём она? О ком? Их помолвка с Анной была тайной. Они поклялись друг другу в верности навеки, но никто больше этого не знал. Разве что Василий. Могла ли Анна рассказать? Вряд ли. Дарья Васильевна никогда бы не разрешила дочери поглядеть в его сторону, пока он был без денег, поэтому от родственников Анны помолвку скрывали в первую очередь.

Александр взглянул в лицо княгини, ожидая объяснений, но тут оркестр заиграл музыкальное вступление к полонезу,

и толпа хлынула к стенам, освобождая пространство.

Александр с облегчением позволил Ганджинской отхлынуть от него. Ему были неприятны её намёки. Он сам разберётся.

- Руку дамам, господа, и следуйте за мной! – раздался голос князя Ануфремова, и хозяин дома вышел в центр с красивой незнакомой женщиной.

Начался полонез.

Александр, стоя у стены, вглядывался в присутствующих. Теперь можно спокойно поискать Анну. Василий уверял, что она должна быть здесь.

Сам же Василий опаздывал. Участие в полонезе должно быть обязательным, поэтому многие, кто не хотел танцевать, предпочитали являться на бал после окончания этого танца.

Дарья Васильевна… Сердце дрогнуло, когда Александр узнал полную женщину, сидящую на стуле у противоположной стены. Кажется, глянула на него. Отвернулась. Вернула взгляд, кивнула, растянула губы.

Рядом Катя – старшая дочь. Тоже смотрит, улыбается. Где же Анна?

Александр пошёл к ним. Что ж, пора возобновить знакомство. Может, в новом статусе ему будут больше рады? Не очень верится, но ведь улыбаются.

И только подходя ближе стал догадываться. Смутно… Неясно. Испуганно.

Сидящая рядом с Дарьей Васильевной худенькая, блед-

ная, какая-то несчастная девушка… Это Анна?

Анна.

Подошёл. Замер, как истукан. Потом опомнился, стал здороваться с мамашей. Она кивнула весьма учтиво. Катя что-то защебетала всё про ту же заграницу. А он протянул руку своей любимой девушке:

- Разрешите вас пригласить.

На секунду ему показалось, что Анна откажет. Глянула мрачно, безжизненно, словно…

Ганджинская намекнула на увядание. Нет. Всё гораздо хуже. Казалось, что Анна перестала жить.

Но полонез нужно танцевать. Таковы правила.

Постепенно всё новые пары отрывались от стен и присоединялись к хозяину дома. И Анна протянула свою руку. Равнодушно. Словно её сердце превратилось в кусок льда. Словно она его не узнала. Словно теперь он для неё чужой.

- Анна… - Александр в танце легко касался тонких пальцев, наслаждаясь этой близостью. – Я… очень скучал…

Равнодушный взгляд скользнул в сторону.

- Скажите же мне слово…

- Погода чудесная, - слова прозвучали, словно шелест сухих осенних листьев.

- Что изменилось за это время? Скажите, не мучайте меня. Я всё тот же… Я всё так же вас…

- Изменилось, - перебила Анна. - Всё. И, господин Таруханов, пожалуйста, оставьте меня. Навсегда. Я помолвлена.

Выхожу замуж.

Такого Александр не ожидал. Никак.

Он продолжал вести тонкую девушку в танце, краем глаза наблюдая за первой парой. Движения должны повторяться. Иначе несовпадения вызовут нездоровый интерес и насмешки со стороны всех тех, кто сегодня так радостно его приветствовал.

А в это время в его сердце змеюкой вползала тоска, не давая свободно дышать.

Что происходит?

Он попытался найти ответ в глазах девушки. Но там была пустота.

Глава 11

- А я места уже себе не нахожу! - подскочила бабка, как только затрещали сучья под ногами Митьки, и он показался на поляне. Осеклась. Увидела девочку.

- Ба, это Маруся. Помнишь, с Грызлей в последний день шла?

- Какая Маруся?

- Ба, это её урядники искали, а не нашу Ольгу.

Маруся перепуганно смотрела на Нюру, и та опомнилась:

- Детонька… Да что ж я?.. Во сюда садись. Сейчас полдневать будем. Митька садись тоже, заморился, небось. Как с утра ушёл, так и пропал, я уж все глаза высмотрела. Хотела вместе с Ольгой за тобой иттить, да побоялась, что расстренемся. А чего же урядники за дитёнком гоняются? Или ты потерялась?

Бабка наконец замолчала и дала слово другим. Но Маруся в ответ лишь похлопала огромными глазами.

- Да она не знает, - пожал плечами Митька. – Я уже спрашивал.

- Как это не знает? А ты откуда тогда знаешь?

- Так мы же только что от них убежали.

- От кого? От урядников? – Нюра в изумлении всплеснула руками.

Митька всё рассказал. Бабка долго молчала, переводя за-

думчивый взгляд с Митьки на Марусю. И обратно. Спросила тихо:

- Так, может, урядники сюда сейчас прибегут?

- Не-е. У них повозка, они тут не проедут. И потом, мы с Марусей сначала убегали в другую сторону. Это уже после сюда завернули.

Бабка горестно покачала головой. Потом спохватилась.

- Ольга… Ольга, иди сюда. Садись. На тебе сухарик. И ушица поспела. Сейчас налью…

Нюре хотелось плакать. Как им теперь дальше быть? И спросить не у кого. Она старшая, ей решать. Бабка спрятала от детей заблестевшие глаза. Потом отвлеклась, стала разливать уху в глиняные мелкие чашки. Потом вздохнула и успокоилась. Как-нибудь…

А после неожиданно для себя всё же спросила у Митьки:

- Как нам дальше?

Может, он и хотел снова пожать плечами. Но уловил невесёлый бабкин взгляд, сдержался. А потом сказал несмело:

- Так вчетвером веселей.

Ага. Обхохочешься, подумала Нюра, но взглянув на свою компанию, не выдержала, усмехнулась.

- Конечно, веселей.

Красавица Ольга задумчиво смотрит в никуда, елозит деревянной ложкой по чашке, улыбается чему-то. Светлые глаза искрятся – до чего хороша.

- Ложкой, ложкой черпай. Заедай сухариком…

Митька. Хмурый, серьёзный, храбрый. Этот ни за что не сдастся, будет тянуть всех. Потому что нет у него семьи, а семейного внутри много.

- Ну чего ты не ешь? Бери сухарь, у нас ещё остались. Много… Всем хватит…

Маруся. Глаза ясные, чистые. Ничего она не крала, бабка в этом, как и Митька чуть ранее, не засомневалась. А вот в историю нехорошую, кажется, влипла.

- Кушай, деточка, не стесняйся…

Налила и себе пожиже. Она старая. Ей много не надо.

- Ладно… Разберёмся как-нибудь, - снова вздохнула бабка, но уже не так тяжело.

Маруся что-то зашептала Митьке на ухо.

- Да ты так говори, - нахмурился Митька, потом повернулся к бабке, - спрашивает про Ольгу, чего, мол, молчит всё время?

- А мы, детонька, и сами не ведаем. Мы ведь только недавно встретились. Про себя сейчас тебе всё расскажу. Митька про себя расскажет. А потом и ты не умолчи. Только от Ольги не дождёмся. Такая она у нас. Только вот что… - голос дрогнул.

Митька вскинул голову от ухи:

- Что?

Бабка прищурила глаз.

- Если мы не хотим урядникам попасться, тогда нам надо отсюда уходить.

- Куда?

Бабка задумалась.

- Подальше от дорог. От деревни этой.

- В лес, что ли?

- Да! Точно. Придётся идти в ту сторону. Может, выйдем куда… подальше. А там видно будет.

К вечеру уставшие путники никуда не вышли. Всё также вокруг зеленел лес, только случайные дороги давно уже их путь не пересекали, да люди перестали встречаться.

И когда впереди заблестело в закатном свете лесное озеро, рухнули, не сговариваясь у крайних кустов.

- Здесь ночевать будем? – поглядел Митька на бабку.

- Здесь. Давай огниво. Да сиди ты. Я сама…

Но Митька начал вытаскивать из-за пазухи припасённые по дороге мох и сухую траву. Через минуту яркие языки пламени осветили неширокий круг. Лес тут же потемнел и придвинулся стеной. В озере плеснула рыба.

- Пойду, может, поймаю что-нибудь.

- Только в воду не лезь. Слышь, Мить? Кто знает, какая тут глубина.

- Не полезу.

Глава 12

Нюра нарезала еловых веток, Маруся перетаскала их к огню, уложила в несколько куч. Потом каждый выбрал себе место на этих кучах по душе. Уселись нешироким полукругом с одной стороны костра, там, где за спинами застыли в неподвижности молоденькие ели – какая-никакая, а всё же стена.

Митька поймал несколько рыбёшек. И теперь видавший лучшие времена чугунок аппетитно булькал в жарких углях. Вот, правда, соль почти вся вышла. Нюра высыпала последнюю, но этого мало.

Да и от сухарей осталось несколько почти каменных кусков, завернутых в чистую тряпку, да горсточка крошек, которые Нюра хранила на всякий случай.

Что ж, этот случай наступил. Она сыпанула крошки прямо в уху. Так будет вкуснее.

Ольга с приходом темноты отвлеклась от цветочков и бабочек, уставилась на пламя. Нюра знала, что теперь так и будет сидеть, почти не мигая, до тех пор, пока её не уложишь спать.

Маруся приуныла. Сидит, нос свесила, тоже на огонь смотрит.

Митька приспосабливает из подручных материалов новую удочку.

- Ну, Маруся, расскажи, не утаи, какая дорожка тебя к нам

привела и в этих местах с Митькой встречу назначила?

- Чего? – глянула перепуганно.

- Как ты к Грызле, говорю, попала?

Маруся пожала плечами.

- Я сначала шла одна, потом с тётями, потом с Грызлей.

- А откуда шла?

- От господ Чарудановых. Я у хозяйки служила, помогала горничной Дуне.

- А что потом случилось? Продали?

- Да нет… Потом…

Маруся нахмурилась. Не потому, что не хотела отвечать, а потому что и сама толком не понимала, что случилось той ночью, когда она видела свою хозяйку в последний раз.

- Меня… прогнали…

- Что же ты натворила?

- Мне кажется, что ничего. Но барыня толкнула меня в плечо… Крикнула, беги, Маруся, беги… И вытолкнула прямо в окно… А там высоко…

Митька бросил возиться со своей удочкой, посмотрел хмуро на девочку, пытаясь понять. Нюра тоже нахмурилась.

- Как же ты выбралась?

- А там под окном… как жердочка тоненькая... Карниз… Я по нему ногами пошла. А руками держалась за кирпичи. Только мокро было… Страшно. Земля далеко внизу, я знала, но туда не смотрела. А так-то не особо земля была видна, ведь ночь. Только когда молнии сверкали. А хозяин кричал,

я слышала… А хозяйку не слышала. И бумагу спрятала за пазуху.

- Какую бумагу?

- Которую хозяйка сунула... Когда велела бежать…

- А куда она велела бежать?

- Я не знаю. Просто велела и всё.

- И давно ты бегаешь?

Маруся быстро и чуть нервно пожала плечами.

- Не знаю. Давно, наверное.

- А бумага?

- Туточки, - Маруся хлопнула себя по рубахе на животе. – Правда, намокла тогда в дожде. Но потом высохла.

Бабка хотела посмотреть… Но потом передумала. Нельзя. А то Маруся может и от неё убежать. Да и толку, если посмотрит? В бумагах они с Митькой не разбирались так же, как и в буквах.

- А не пробовала назад вернуться?

Маруся задумалась.

- Я бы вернулась. А вдруг хозяин увидит?

- Так ты хозяина боишься?

- Нет. Я его не сильно боюсь. Только попадаться нельзя. Ведь барыня мне от него приказала убегать.

Помолчали. Что тут скажешь, если ничего не понятно?

- Ну ладно… Пока с нами побегаешь, потом видно будет, - вздохнула бабка привычной поговоркой.

- Ладно, - вздохнула следом и Маруся.

Спать Нюра легла, как всегда, рядом с Ольгой. Девку надо ночью то накрывать, то посмотреть, чтобы жар не ожёг. Сама Ольга в этом вопросе была ненадёжной. Угорит-замёрзнет и не заметит.

Но Маруся пролезла между бабкой и тонким Ольгиным станом, прижалась к Нюриному животу, вздохнула длинно, со всхлипыванием, облегчённо. Словно выпустила на волю напряжение, которое таилась всё последнее время у неё в груди. Вскоре затихла.

Митька лёг отдельно, спиной к костру, лицом к лесу. Долго прислушивался да приглядывался, потом случайно закрыл глаза, а когда открыл их, было утро. Проспал всю ночь, ничегошеньки не укараулил.

А Нюра долго не могла заснуть, всё дивовалась, какой нечаянный фортель с ней жизнь провернула. А ведь она уже помирать собиралась. А тут вон что…

«…Завтра надо что-нибудь найти… девок покормить… На одной рыбе долго не… протянешь… Протянешь… Протянешь… Что протянешь?.. Рыбу?.. Девок…».

И Нюра тоже уснула.

Глава 13

Проснулась она рано-рано, раньше солнца. Приподняла голову, оглядывая своих подопечных, все ли целы?

В утренних сумерках увидела, что все. Почувствовала по мерному дыханию, что спят, а вот лиц пока не разглядела.

Бабка осторожно зашевелилась, стараясь не потревожить девок – рано ещё. Сама же решила добавить в костёр немного дров, прогорел почти.

Попыталась вспомнить вчерашнюю мысль, она всё ещё тревожила душу. Кажется, что-то собиралась сделать.

Ах да. Хотела найти что-нибудь помясистее, чем их еда в последнее время. Мяса-то в лесу полным-полно... бегает. А девки худющие, как рябинки. Про Митьку вообще говорить нечего – одни глаза остались.

Что ж, тогда пора на охоту.

Взяла свой единственный узелок, отошла подальше, чтобы никого не разбудить, пока будет выбирать оружие. Развернула…

Не густо. Лапти. Обрывки верёвок. Лента. Осколок зеркала. Гребешок. Тряпки. Нож. Всё.

Поколебавшись, взяла кусок верёвки подлинней, тряпку - остаток чьей-то былой рубахи в поле нашла, и нож. Оглянулась, соображая, в какой стороне зверя побольше, чтобы уж наверняка, и сделала шаг в зелёную чащу.

Солнце взошло. Его самого пока не видать, но сосновые верхушки позолотились, птицы начали свой утренний трезвон, и бабка настороженно огляделась по сторонам. Никого.

Но не может этого быть. Зверем лес так и кишит, только пугливый очень. Надо самой не шуметь.

И Нюра двинулась дальше почти на цыпочках.

Вверху часто застучал дятел. Бабка не отказалась бы и от такой заправки в уху, да как достать? Бросила алчный взгляд в густую крону. Увидела у ствола ярко-красную головку, освещённую утренним лучом. Дятел занимался своим делом, бабку не удостоил вниманием. Да уж, вздохнула. Птица птице рознь, и дятел – это не петух, голыми руками не возьмёшь.

Неподалёку на ветке сидела белка. Грызла что-то. Бабка прищурила глаз. Никогда не ела беличьего мяса.

Пощупала нож. Потрогала верёвку. На всякий случай позвала:

- Кис-кис-кис…

Сверху посыпался мусор. Остатки беличьего завтрака. Сама же хвостатая живо повернулась и брызнула на другую ветку. Не потому, что бабку испугалась, а по своим беличьим делам. Нюру она, кажется, не заметила.

«Ладно… Надо по земле смотреть. Что это я, правда, голову задрала? Как будто смогу наверх залезть… Как будто меня кто-то будет ждать, пока я буду лезть!»

И Нюра обратила внимание долу.

Батюшки! Грибы! Белые!

В другое время они долго бы не стояли, в другое время бабка их мигом в подол бы уложила, но тут отвернулась. Теперь не другое время. Теперь надо мясо добывать. Пошла дальше.

Справа что-то зашевелилось - Нюра уловила боковым зрением. Лихо развернулась, готовая броситься на добычу. Ёж. Фыркнул, заторопился ножками в кусты. Сердце бабкино стрельнуло куда-то в шею – вот оно… мясо!

Глаза расширились, руки стали нащупывать тряпку, разворачивать её, ноги заторопились в кусты за ежом.

Ветки остановили. Чуть не проткнули выпученные глаза.

Бабка опустилась на колени и поползла дале.

Но ежу удобнее. Он уже выбрался из куста с другой стороны. А Нюра запуталась всеми своими тряпками, верёвками и многочисленными выпирающими частями тела между тонких колючих стволов.

Пока выбиралась, ежа и след простыл.

Но неудача не остудила охотничьего азарта. Наоборот. Бабка поняла, что это была лишь лёгкая разминка. Теперь всё начнётся по-серьёзному. И она стрельнула глазами по сторонам.

Батюшки! А ведь каждая травинка, каждый сучок выделяется. А она-то думала, что плохо видит. А оказывается, по-настоящему и не смотрела.

Сбоку в траве мелькнул чёрный хвост. Змея. Гадюка.

В другое время бабка замерла бы от страха, чтобы аспид подколодный мимо прополз, не заметил. Теперь бы этого аспида не упустить! Да на угли его! Да отведать мясца подколодного. И бабуля нырнула следом.

Но бежать за змеёй, следя, чтобы чёрный хвост не затерялся в траве, разворачивать на ходу для броска тряпку и нащупывать в кармане нож одновременно оказалось слишком сложно. Нюра не заметила сук, угодила широким лаптем под него и почувствовала, что полетела. Долго летела…

Но руки всё равно не успели бросить охотничьи приспособления и выкинуться вперёд, чтобы защитить свою хозяйку, и Нюра ухнулась животом на землю.

Хотя каким животом? До живота там ещё много места. Потому что живот уже давно к хребту присох. Но рёбрам досталось. Боль была такая, что бабка испугалась, что сломалась вся, как сухая одинокая былинка в поле в непогоду. Лежала несколько минут, опасаясь шелохнуться. Но потом закряхтела.

Дальше пошла уже поспокойней. И немного равнодушней к охоте. Почувствовала, что это не её. Отродясь за зверем не гонялась, видно, нечего и начинать.

И тут он! Заяц! Серый! Сидит в ямочке, ушки прижал, спит!

Приятная неожиданность ударила в рёбра не хуже, чем чуть раньше мать-земля. Бабка вновь почувствовала азарт. Вот они ушки. Чуть вздрагивают во сне. Нагнись лишь толь-

ко.

Но сначала нужно подойти...

Бабке показалось, что она приподнялась. Так ей захотелось сделать всё бесшумно, что она немного взмыла в воздух. На земле остались лишь широкие носы лаптей. Но они почти не считались.

Вот он заяц. Не чует её. Спит. Бабка уже над ним. Стала медленно сгибать спину, одновременно вытягивая вперёд дрожащую от предвкушения крючковатую руку.

Вот они ушки. Бабка выбрала место, чтобы ухватиться за них покрепче. Ещё миг…

И в следующий миг заяц заверещал препротивнищим голосом.

А потом стал выворачиваться, полосуя бабку, словно несколькими ножами одновременно.

Бабка некоторое время держалась, пытаясь усмирить косого второй рукой, но досталось и второй руке.

И лишь когда заячья лапа полоснула по лицу, бабка поняла, что этой трофей не для неё. Уж больно дикий. Она разжала руку.

Долго смотрела вслед удирающему зайцу. Потом перевела взгляд на израненные руки. Потрогала лицо…

Пора возвращаться с охоты.

Глава 14

- Доброе утро, дорогая. Как вы сегодня спали? – Сергей Дмитриевич склонился к своей красавице жене, нежно поцеловал в щёку.

- Благодарю, милый, хорошо.

- Голова не болит? Выглядите вы прекрасно, но мне кажется, немного бледноваты.

Лидия Ивановна не стала признаваться, что голова её просто раскалывалась.

- Всё хорошо. Сейчас встану.

- Не торопитесь. Скажите, что велеть вам приготовить на завтрак?

- Мне… - Лидия Ивановна почувствовала, что не сможет проглотить ни единого кусочка. Но об этом говорить мужу не стала. – Милый друг, не беспокойтесь. Чая с горячими булочками и сыром будет достаточно.

- Письмо? – Сергей Дмитриевич бросил взгляд на туалетный столик жены. – От Александры Ильиничны? – узнал он почерк. – Как она поживает? Давненько к нам не приезжала. Пригласите её завтра к нам сюда, меня дома не будет весь день, вернусь, возможно, поздно вечером, вам с ней будет не скучно.

Но Лидия Ивановна в недоумении захлопала длинными ресницами. Какое письмо? Видимо, горничная недавно при-

несла. Посмотрела на туалетный столик. Но оно уже распечатано. Кто его вскрыл? Она?

Настроение испортилось окончательно. Но она улыбнулась мужу.

- Хорошо, дорогой. Обязательно приглашу.

- Вы не забыли принять лекарство?

- Дорогой… - и Лидия Ивановна снова замолчала.

Они с мужей это уже обсуждали. От лекарства ей бывает плохо. Но Сергей Дмитриевич настаивал на продолжении лечения. Да она и не спорит. Но…

- Ещё не пила.

- Ну конечно, дорогая. Какой же я болван. Ведь вы только что открыли свои прекрасные глазки. Я вам сейчас всё приготовлю.

- Хорошо…

Лидия Ивановна с тоской поглядела в спину мужа, тот хлопотал у шкафчика с графинами и пузырьками. Вчера её весь день тошнило и кружилась голова. Сегодня, похоже, ничего хорошего тоже можно не ждать.

- Давайте, милая, не капризничайте.

- Танюша проснулась? – Лидия Ивановна непроизвольно оттягивала неизбежное.

- Ну конечно, родная. Уже проснулась, позавтракала и теперь занимается французским. Чуть позже я позволю ей погулять в саду.

Лидия Ивановна поняла, что больше тянуть нельзя.

Обычно мягкий и покладистый, Сергей Дмитриевич в вопросах её лечения становился твёрд и незыблем. Стакан с водой, в которой были растворены её капли, в его руке не дрогнул.

Лидия Ивановна протянула свою тонкую кисть, попутно отмечая, что, кажется, ещё больше похудела. Выпила.

Сергей Дмитриевич слегка улыбнулся.

- Вы мой ангел. Я буду ждать в столовой.

После ухода мужа Лидия Ивановна откинула лёгкое одеяло, опустила ноги на пол, прислушалась к своему состоянию… Так себе. Кажется, лучше, чем вчера. Но лекарства могут опять всё испортить.

Подошла к окну. Задумчиво уставилась в летний мир. Как страшно болеть, когда природа радуется жизни. Как страшно болеть, когда в этом состоянии она проживает свои лучшие годы.

Как страшно терять разум…

В детстве она не замечала, когда похожее несчастье обрушилось на матушку.

Лилия Ивановна попыталась вспомнить.

Перед мысленным взором предстали неожиданные вспышки раздражения матери. Вспомнилась невероятная печаль на её лице в другое время. Но причины этого долго скрывали. Скрывали… Пока не стало слишком поздно.

Фёдор Игнатьевич лечил мать. Теперь он лечит её. Только она стала сомневаться.

Нет, она, конечно же, доверяет пожилому доктору. Но всё же… Иногда её кажется, что стоит показаться кому-нибудь другому.

Вспомнился высокий молодой врач. Внимательный, разумный.

Он лечил её матушку, когда всё зашло слишком далеко, и её увезли в деревню, подальше от друзей и знакомых, подальше от огласки и осуждающий глаз.

Ей бы с ним поговорить. С тем доктором. Может, он бы помог.

Вспомнила про письмо. Подошла к столику, долго смотрела на вскрытый пакет.

Она видит его первый раз. Она к нему не прикасалась. Она в этом могла поклясться.

И стала бы клятвопреступницей.

Потому что таких случаев в её несчастной жизни становилось всё больше. И Сергей Дмитриевич мог бы перечислить многие из них.

Мало что проходит незамеченным мимо его внимательных глаз. Особенно, если дело касалось её здоровья.

Глава 15

- Митька! Митька, там хатка! – кричать шёпотом, кажется, невозможно, но у Маруси получилось. Она выскочила из кустов, схватила мальчика за руку и, похоже, не прочь была залезть к нему под мышку.

- Ты чего? – Митька и сам дрогнул. – Что там?

- Домик.

- А чего тогда переполошилась? – мальчик попытался прийти в себя.

Маруся захлопала перепуганными глазами:

- А вдруг там кто-то есть?

- Баба-яга что ли?

Маруся тоненько взвизгнула, побежала к Нюре и уже к ней залезла под мышку.

Встревоженная Ольга поднялась, переполох немного вывел её из блаженного полунебытия. Но постояв несколько мгновений, наклонила голову набок, залюбовалась косыми лучами, что вырвались из-за широкого ствола старой сосны, улыбнулась и снова застыла.

- Ну чего ты испугалась? – заворчала Нюра, поспешно отодвигая полную ложку кипятка от девочки. Она только что сварила уху с белыми грибами. Запах в округе стоял такой вкусный, что Нюра облегчённо вздыхала. Кажется, можно пока обойтись и без мяса. Вот если бы чуточку соли. Или, на

худой конец, сухариков.

Но не было ни того, ни другого, и Нюра снова вздыхала.

А тут новость – хата в лесу.

Нюра попыталась успокоить девчонку.

– В лесах полно всяких лачуг. А как ты хотела? Охотники отдыхают, когда от деревни далеко заходят. Или ещё для какой надобности. Пойдём поглядим.

Старушка обернулась на свою стряпню – как бы чего не случилось. Да что случится? Зверь лесной к огню не подойдёт, а людей не видать поблизости.

- Только быстро, - сунула за пояс деревянную ложку.

Лачуга была настолько завалена ветками, что казалась просто высокой кучей хвороста. В сажени от неё пройдёшь и не заметишь. И как только Маруся углядела?

Нюра нахмурилась. Кажется, её специально постарались укрыть от чужих глаз. Непонятно...

Но ещё более непонятным стало, когда, откинув сухие ветки, отыскали низкую дверь, а на ней замок.

Бабка так и застыла перед ним.

Никогда такого не видела. Никогда и не слышала, чтобы лесная хибара была заперта. Обычно в таких жилищах пережидают непогоду охотники, и двери в них, хоть и не раскрыты настежь, но и не запираются так негостеприимно.

Или кто-то тут живёт и просто на время отошёл?

Но ни следов, ни тропинок не видать. Здесь давно никого не было.

Бабка, конечно, рассчитывала на соль. Обычно охотники друг другу оставляли кое-какие припасы, но… замок есть замок.

Нюра пощупала его металлическую конструкцию и решила вернуться к своему костру.

- Туда мы не попадём, - повернулась к детям, пожала беспомощно плечами и заспешила к чугунку.

А Митька с Марусей остались.

- Надо бы вокруг поискать…

- Ключ? – уточнила Маруся. А глаза её уже зашарили по сторонам, пытаясь отгадать подходящее место для схрона.

И не успела Нюра разлить по чашкам уху, чтобы остыла, как Маруся снова бежала к ней.

- Нашли! Ба, вот он, - девочка протянула ржавый ключ и улыбнулась.

И Нюра увидела, что одного переднего зуба у Маруси не хватает. Но от этого она делалась ещё более пригожей.

Глава 16

- Маменька, позвольте мне пойти к себе, - робкая просьба Анны прозвучала едва слышно.

Дарья Васильевна с дочерями сидела в маленькой, но очень уютной комнате, обсуждали бал, с которого недавно вернулись.

Как обсуждали? Старшая Екатерина щебетала не умолкая. Мамаша с благосклонной улыбкой внимала и временами вставляла свои замечания. Анна сидела, выпрямив спину и ждала. Ждала, когда её наконец отпустят.

Там, в своей комнате, можно будет погасить свечи, броситься на кровать, с которой ей каждое утро всё тяжелее стало подниматься, закрыть глаза и не думать.

Но теперь Дарья Васильевна обернулась к младшей дочери с чуть презрительной улыбкой.

- Ну что ты, дорогая? Неужели не хочешь немного посидеть с нами? Нет, мы не можем тебя отпустить.

Глаза Дарьи Васильевны блеснули холодом.

Она не смогла простить Анне всего того, что та принесла в семью. А если разобрать по полочкам, то принесла немало.

Младшая выскочка – это было наименьшее из её преступлений.

Когда старшая красавица дочь старалась следовать указаниям матери, всматриваться в кавалеров, думать прежде

всего о выгоде и блестящей партии, младшая обогнала её по всем дурным показателям.

И самое страшное - чуть не погубила семью. По крайней мере, их репутация в какой-то степени, даже до сих пор под угрозой. А несколько месяцев назад висела просто на волоске.

Что было бы с Катей? О выгодной партии для неё не стоило бы даже мечтать.

К счастью, этот ужасный проступок не получил огласки, но лишь невероятными усилиями Дарьи Васильевны. Только благодаря ей всё удалось сохранить в тайне от мужа, от слуг, и самое главное, от алчной до сплетен остальной части высшего общества.

И позор... Какой бы это был позор. О! Дарья Васильевна не могла об этом даже думать. И не смогла этого Анне простить. А кто бы смог?

И эта дурочка ещё смела просить о ребёнке! Она смела рыдать и умолять мать вернуть ей младенца. Она смела рассказывать о каких-то своих намерениях уйти из семьи, чтобы унести с собой и ребёнка, и позор, и испорченную репутацию. И она смела её даже упрекать... Неблагодарная.

И эта чудовищная неблагодарность больнее всего ударила в сердце Дарьи Васильевны, вызвав материнское справедливое возмущение.

Пусть теперь расхлёбывает.

И пусть любуется, как Екатерина получает свою долю за-

служенного счастья. Пусть любуется, если в своё время не хватило терпения достойно подождать.

- Дорогая, ты обратила внимание, как многие кавалеры были восхищены твоей красотой?

- Да, матушка. Я ни разу не осталось без партнёра... Анна, жаль, что сегодня не было твоего жениха, и тебе пришлось танцевать всего лишь один полонез.

- Ничего. Завтра Григорий Фёдорович будет с нами ужинать, и Анна своё возместит, если надумает танцевать с ним у нас в гостиной.

- О, я тогда возьмусь аккомпанировать им на фортепиано, - засмеялась Катя. И лишь Анна уловила в её голосе злую насмешку.

- Дорогая, может пригласим ещё кого-нибудь?

- Маменька, уже, кажется, поздно. Завтрашний вечер у всех наверняка распланирован.

- Ты забываешь об Александре Андреевиче. Он только что из-за границы, и очень может быть, не успел его занять.

Повисло молчание.

Екатерина бросила беглый взгляд на сестру. Она знала, что Анна к нему неравнодушна. Она знала, что та совершила что-то омерзительное, чем разгневала мать, и ещё догадывалась, что к этому проступку имеет отношение Александр Андреевич.

Когда-то мать была невысокого мнения об этом молодом человеке. Кате же он всегда немного нравился – красив. Но

бедность делала его непригодным для семейной жизни. Теперь всё изменилось кардинально. Но что матушка? На её мнение Екатерина ориентировалась теперь в первую очередь.

Дарья Васильевна задумалась. Бросила в свою очередь быстрый взгляд на побледневшую Анну. Да... ей будет нелегко. Но глупо упускать такую возможность. Такое состояние!

- Я завтра же с утра пошлю ему приглашение, - улыбнулась Екатерине.

Не скоро Анна оказалась в своей комнате, не скоро бросилась прямо в платье на свою кровать, не скоро спрятала пылающую голову под прохладную подушку.

Вина... Огромная, страшная, с ней оказалось невозможно жить.

Она немного научилась.

Если погасить свои желания, свои чувства, то немного притупляется и вина.

Не просто погасить, а почти уничтожить их, насколько это возможно сделать в живом человеке. Не дать им ни малейшего удовлетворения. Тогда можно жить. Вернее, существовать.

И вот возвращение Александра всё всколыхнуло, перевернуло и испортило.

Анна не хотела заглядывать в себя, не хотела понимать, чем теперь наполнилось её сердце.

«Надо упросить матушку... Или Григория Фёдоровича... Надо просить, чтобы нам обвенчаться раньше. Как можно быстрее...».

Анна хотела поскорей перевернуть последнюю страницу своей неудавшейся жизни.

Глава 17

Нюра разлеглась на лавке, покрытой старой бурой шкурой, и уставилась в тёмный потолок, по которому оранжевыми волнами прокатывались отблески догорающих углей из печи. Хорошо…

- Это сколько же времени прошло… как я в последний раз под крышей спала? – спросила у себя.

Оглянулась на Митьку, на девок и решила не отвечать. Не одна она такая.

- Ольга, ты опять какого-то жука притащила? Мить, тебе поближе, посмотри, что там у неё?

На Нюру редко когда нападала лень, но теперь она её прямо-таки одолела. Бабка вытянула свои костлявые ноги во всю длину, и блаженный покой приятными мурашками расползся по ним.

- Ба, у неё деньги…

- Какие деньги?

Лень, как корова языком слизала. Нюра в недоумении уставилась на Митьку. Откуда им взяться, этим деньгам?

- Ба, кажется… золотой…

Ещё не легче.

- Да, - кивнула Маруся, заглядывая в Ольгины ладони. – Точно золотой. Я такой видела. Митька, вот смотри, с этой стороны ещё царица нарисована… Мне барышня показыва-

ла. У неё такая денежка была.

- Ага… - так и поверила Нюра своим молодым спутникам, но ноги с лавки скинула и поковыляла к Ольге проверять, о чём они болтают.

А потом и сама застыла с раскрытым ртом.

- Батюшки! Это что же? Это где ты такое взяла?

А Ольга держала денежку на раскрытой ладони, улыбалась и, как всегда, ничего не сказала в ответ.

- Ба, а что на неё можно купить?

Но перепуганной Нюре представилось не изобилие, которое благодаря этой монете теперь посыплется на них рекой, а сплошные неприятности.

- Ох… Не знаю… У кого мы сможем обменять такую драгоценную вещь? Если только у купца какого. А коли спросит, где взяли? Ещё подумает… Ольга, где денежку взяла? Где? Покажи пальчиком.

Но Ольга только улыбалась.

- Когда и найти-то успела? Вроде, всё время с нами, всё время на виду… Не, у меня тоже раз случай был. Я как-то в лесу на дороге внучку ждала, так от нечего делать ковырнула пыль ногой. Просто так ковырнула, а оттуда медный грошик выскочил. Потом мы с внучкой всю дорогу перерыли и ничего. Вот такой случай был… Но то грошик, а тут…

Ольга перестала улыбаться. Брови её болезненно надломились, она нагнула голову и опустила ладони. Золотой покатился по земляному полу. И следом крупные слёзы пока-

тились по щекам девушки.

- Так мы же тебя не ругаем! - перепугалась бабка. - Оленька, - погладила Нюра по светлой головке. - Играйся. Нашла и нашла. Молодец, значит. Не выкидывать же обратно?

Маруся сбегала в угол, куда укатилась монета, подняла её и принесла обратно.

Но Ольга брать не захотела.

- Ба, да возьми её к себе.

- Да как же?

- Ну ты же сама сказала, что её не надо выкидывать. А мы потеряем.

Нюра осторожно взяла, пощупала пальцами.

- Никогда не держала такого богатства. А может, фальшивая? Их как-то на зуб проверяют. Митька, ну-ка кусни.

- А ты?

- Да какие у меня зубы? Ещё испорчу такую интересную вещь.

- Прям сильно кусать?

- Не знаю… Не сильно… А то прокусишь. Зубы, небось, у тебя острые.

Митька куснул сначала едва. Потом осмелел, стал крепче надавливать. Монета держалась.

- Настоящая, - обрадовалась бабка.

Обрадовались все. Даже Ольга вновь заулыбалась, глядя на переливающиеся красно-чёрным угольки.

А монета остаток вечера кочевала из одной ладони в дру-

гую, приятно скользя между пальцами и навевая мечты.

- Коровку бы купить… Да где её держать только? Раз мы бездомные получились. Или в лесу какую землянку построить? Как эта… А? Где-нибудь подальше, чтобы никто не прогнал. Как думаете?

- И ещё ружьё купить. Чтобы охотиться. Мы бы тогда зимой не пропали. С мясом завсегда веселее.

- И котёночка…

- Так котята просто так по улицам бегают никому не нужные. Лови и себе забирай.

- Правда? А мы возьмём?

- Если землянку поставим, котёнка обязательно возьмём. А как же? Он у нас мышей ловить будет.

Долго не могли уснуть. Всё представляли свою будущую уютную землянку. В её углу жаром пыхала печь. В печи хлеб покрывался румяной коркой. На полу игрался котёнок, а во дворе мычала корова – хозяйку звала.

Девушка,
которую
стали
называть
Ольгой

Глава 18

Бессонная ночь в какой-то момент показалась зависшей в вечности. Темнота за окном, темнота в комнате, темнота в сердце сделалась невыносимой, и Александр зажёг свечу.

Маленький огонёк плясал перед глазами, и как отчаянный одинокий воин разгонял мрак. Но где ему справиться, если мраком наполнился мир?

И всё же со свечой легче, крошечный мятежник притягивал взгляд и согревал душу.

И вот уже воспоминания пришли на помощь огненному воителю, и пламя расширилось, перекрывая темноту, во всяком случае, в затуманенном взоре единственного наблюдателя. В нём заискрилось летним днём, брызнуло солнечным светом и стало показывать дорогие сердцу картины.

Как Александр ни пытался позже вспомнить, что сказал Анне в тот день, который разделил его жить на две части – одну тусклую и неинтересную, вторую – наполненную смыслом, не смог. Зато помнил, как после его слов голубые чистые глаза распахнулись в изумлении, а потом Анна засмеялась звонко, весело, от души. И этот смех преобразил её лицо, чуть приоткрыл добрый светлый внутренний мир девушки, показал белые ровные зубки, украсил милыми ямочками нежные щёки.

И пока длился смех, Александр влюбился. В его сердце вошла та единственная, которая останется в нём хозяйкой навсегда.

Потом были короткие встречи втайне от всех. Всё лето, как один день. Счастливый, искрящийся, чудный.

Анна читала ему стихи Сумарокова и сердилась за то, что он их не понимал. А он любовался выражением её глаз, изгибом пухлых губ, нахмуренными тонкими бровями и запутывался в поэтических строках ещё больше.

А потом всё чаще стали падать под ноги жёлтые листья, напоминая, что ничто не вечно, в том числе и это лето. И тогда они поклялись друг другу, что их чувства останутся неизменными.

Воспоминание на короткий миг прогнало темноту из сердца. А потом он уже чуть свободней вздохнул.

Да что это с ним? Он сдался? Он струсил? Он готов отдать свою девушку другому? Он что, дурак?

Ведь ясно же, что такая перемена с Анной не просто так. И теперь делом его жизни выяснить, что же случилось, и помочь ей. Пусть не получится всё, но облегчить её боль он попытается. А больше ему ничего не надо.

И завтра же он начнёт…

Хотя…

Серый свет полился в окно, помогая догорающей свече развеять темноту. Утро на подходе.

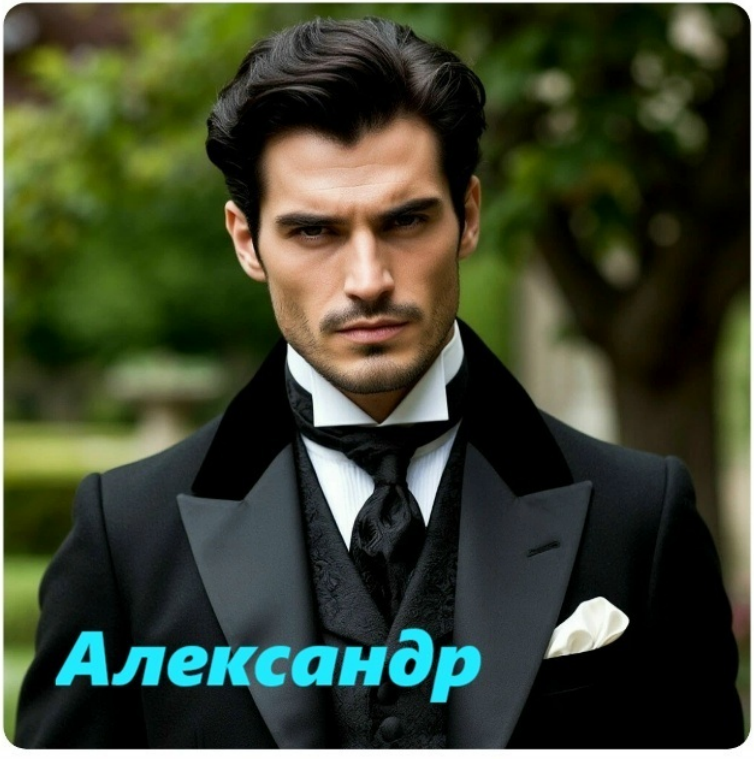
Значит, начнёт сегодня.

Александр погасил свечу. Она сделала своё дело. Она вспугнула мрак в ночи. Грядущее солнце гонит мрак за окном. А в своей жизни он сам попытается сделать то же.

Чуть позже слуга принёс приглашение от Дарьи Васильевны. Она звала его отужинать в их скромном, почти семейном кругу.

Неожиданно. И непонятно… Как стихи Сумарокова.

Но Александр намерен воспользоваться каждым мгновением, которое предоставит ему жизнь или Дарья Васильевна, или кто-либо ещё, чтобы приблизиться к своей цели.


Александр

Глава 19

- Ба! Ты монету Ольге назад отдала?

- Какую монету? – спохватилась старушка и полезла в карман. – Нет, вот она у меня, - потрясла маленьким узелком.

- А у неё опять.

- Что?

На этот раз страшно стало всем. Нюра и дети окружили Ольгу и молча уставились в её ладони. Между пальцами сверкал золотой.

Ольга, не поднимая виноватых глаз, опустила ещё и голову, а золотой, как и в прошлый раз, покатился из ладоней. Только теперь в траву. И на этот раз за ним никто даже не дёрнулся.

- Что это за место такое? – испуганная бабка завертела головой.

И то, что недавно казалось уютным и надёжный, насколько уютным и надёжным может быть чужое жилище в лесу, теперь источало невидимую угрозу.

Марусе показалось, что даже верхушки сосен грозно зашумели, прогоняя их.

- Нам надо отсюда уходить, - Митька оглянулся. Теперь и ему мерещились чужие тени за широкими стволами.

- На ночь глядя?

Нюра задумчиво пожевала губами. Всё же, чья бы эта ла-

чуга не была, она давно не обитаемая. И вряд ли хозяева вернутся прямо сейчас.

А с другой стороны, кто им помешает вернуться тогда, когда вздумается?

- Мить, что делать будем?

- Может, пойдём к озеру, где были в первую ночь?

- Марусь, ты как считаешь?

Но девочка была слишком напугана. Она судорожно вцепилась в Нюрину юбку, и про то, как считает, ничего не сказала. Но всё поняли и без слов.

- Ладно, - приняла решение бабка, - сегодняшнюю ночь проведём на старом месте у озера, а завтра пойдём дальше. Не бойся, Маруся, как-нибудь переночуем, раз такое дело. А в избушке всё приберём, как было, закроем её и… Как говорится, на чужой каравай рта не разевай.

- Ба, а деньгу давай возьмём.

- Конечно, возьмём, - бабка нагнулась к траве, отыскивая золотой кружок. – Что мы дураки что ли, таким богатством разбрасываться?

Скрыть все следы своего пребывания, конечно, не удалось, но сделали всё, что могли, и когда почти стемнело, прибыли на своё старое место.

Маруся всё жалась к бабке.

- Мить, будем костёр разжигать?

Вот так вопрос. С одной стороны, как ночью в лесу без

огня? С другой – пояснила Маруся.

- Давайте не будем… А то увидят…

- Да кто увидит? – но Нюра и сама распознала неуверенные нотки в своём голосе.

Спать улеглись без огня.

Бабка долго слушала, как вздыхала Маруся, как вертелась у её живота, наконец уткнулась головой в грудь и затихла. А потом и Нюра уснула. А ночью её дёрнули за ногу.

- Хтой-та? – подхватилась она.

Темнота не была полной, светила луна, но Митьку она узнала не сразу.

- Разговаривают, - шепнул он.

«Кто? Где?», - хотела спросонья спросить, а потом и сама услышала. Но это были не разговоры. Это были крики и ругань, кажется, не совсем трезвых мужиков. И они доносились со стороны их избушки. Между стволами светились факелы.

- Ба, я посмотрю…

- Куда ты? – прошептала Нюра, да поздно. Митька уже скрылся в темноте.

- Ох, батюшки, что же теперь?

Оглянулась на спящих девок. Будить? Или дождаться Митьку?

Решила подождать. Маруся только трястись будет. Да и Ольга перепугается.

И Нюра уставилась в сторону криков, конского ржания и треска сучьев.

- Чего ж их нынче принесло? Не могли завтра, то ли? – бабка и сама не заметила, как от волнения размышлять стала вслух.

Судя по воплям, их временную крышу над головой теперь заняли не самые смирные люди.

- Никак разбойники? Лиходеи?

До Нюры по-прежнему доносились ругательства и хохот. Она искусала себе все губы. Но где же Митька?

- И чего мы с вечера не ушли куда подальше? – пробормотала вновь.

Но если бы Нюра знала, в какую сторону повернут дальнейшие события, она бы так ни за что не сказала.

- Ба, кто там?

Старушка даже чуть подпрыгнула, когда сзади её тронули за локоть.

- Марусь, ты проснулась? - голос от испуга прохрипел, как у дурного петуха.

- Да… Хозяева прибыли?

- Прибыли…

Очень нескоро шум стал затихать, но Митька всё не возвращался.

Глава 20

- Ба…

- Митька! Наконец-то! Ты что так долго?

- Там девка…

- Девка?.. Ну так… И что теперь? Давайте уходить… Буди Ольгу.

- Ба, постой… Ты не поняла… Она не с ними.

- Как это?

- Они её привезли связанную и бросили в яму. Там один… главарь, наверное, сказал, чтобы до утра не трогали…

- В какую яму?

- Да, оказывается, неподалёку от лачуги была яма. Прямо в земле. Она не видна, потому что там крышка… Как в погребе.

Нюре смутно припомнился глухой звук в траве под ногами в одном месте. Она туда всё хотела заглянуть, да так и не нашла лазейку.

- И что теперь? – у Нюры от таких новостей опустились руки.

- Надо её достать…

Легко сказать – достать.

- Как?

- Они пьяные…

- Ладно… Давай думать.

- А я?

- А ты, Маруся, будешь Ольгу караулить. Не забоишься?

Маруся нервно оглянулась по сторонам. Кругом тени. Притаились, ждут, когда бабка с Митькой уйдут.

- Не… забоюсь.

Через несколько минут две тёмные фигуры пробирались через кусты, стараясь не сильно трещать ветками.

- Мить, дай я первая, - раздался Нюрин шёпот. - Я знаю, где яма.

- Ба, давай мне верёвки.

- И ножик тоже держи. А я крышку попробую открыть. Там же должно быть что-то, за что её можно потянуть. Ты не видел, как те открывали?

- Они факелами долго светили, а потом один нашёл… верёвку, что ли? И потянул.

- Ага. А теперь бы нам без факелов найти то же самое.

- А если девка уже того?..

- Что того?

- Мёртвая… Они её прямо кинули, как… мешок…

- Так, может, она и была уже… неживая?

- Не-е, живая. Она ногами дрыгала и мычала. Рот, наверное, завязан тоже. А теперь и не знаю. Всё-таки кинули её не жалеючи.

Бабка на это ничего не ответила. Ей и самой было страшно. Сказать по правде, она и сама мертвецов боялась. И жи-

вых тоже, особенно таких, каковы нынешние хозяева лесной лачуги. Но по правде говорить Митьке не стала.

- Тихо… Пришли.

Прежде, чем выйти на поляну, встали за стволами крайних сосен.

Луна временами выглядывала из-за туч и освещала окрестности. Её лучи с трудом пробивали лесную крону, но на поляне кое-что было видно.

Виднелась лачуга. Теперь ветки были скинуты с крыши, и она стала более-менее похожей на жильё.

Виднелась трава перед входом, там стояли и лежали кони. Бабка попробовала посчитать их, но не разобралась толком, где кончается тень и начинается конь.

Людей не видать.

- Спят, кажись…

- Так говорю, что они пьяные были…

- Ну знаешь… пьяный пьяному рознь. Иного пьяного ни за что не уложишь… Но раз тихо, пора…

Нюра попыталась поточнее вспомнить, где тот раз под ногами глухо отзывалась земля.

- Я пошла…

- Я с тобой.

- Но, если что - улепётывай во все лопатки, за меня не думай, девок уводи. Я старая, разберусь.

Митька на это промолчал.

Добрались почти до лачуги. По-прежнему было всё спо-

койно. Лишь кони фыркали и стучали копытами. Но это хорошо. Если они с Митькой и зашумят – подумают на лошадей.

Затопали сами по земле, двигаясь кругами в разные стороны.

Вскоре под Митькиными ногами загудело порожне. Тут же упали на колени и стали щупать руками, пытаясь отыскать что-нибудь, похожее на рычаг.

Нашлись колючки – оцарапали руки, попалась крапива, тоже приятного мало, и когда бабка схватилась за змеиный хвост, то чуть не заорала. Но почти сразу догадалась, что это не хвост, а то, что нужно.

Потянула… Тяжело… Митька ухватился тоже. Край крышки приподнялся, и мальчик вцепился в него двумя руками.

Вскоре крышка лежала рядом.

Осторожно заглянули в яму.

Не так уж и глубоко. Аршина три, а может, и меньше.

В углу сидела девка, луна как раз осветила её. Блеснули глаза, забелели волосы. Во рту, кажется, тряпка.

- Живая, - облегчённо выдохнул Митька.

- Эй… Как тебя, не знаю… Нас не бойся. Мы тут… мимо проходили… Сейчас тебя будем вытаскивать.

Девка часто закивала. А Митька уже обматывал себя верёвкой.

- У неё руки-ноги связаны. Ба, придётся туда лезть.

Это был самый страшный момент.

Пока Митька был в яме, пока разрезал верёвки, пока обвязывал девицу, бабка лихорадочно поглядывала на низкий вход лачуги.

Что делать? Что она будет делать, если дверь заскрипит?

Но дверь не заскрипела, а из ямы раздался Митькин шёпот:

- Тяни…

Девку вытягивать было нелегко. Пока Митька помогал снизу, бабка справлялась, когда же девка поднялась так, что Митька перестал доставать, бабка почувствовала, что теперь ещё и она может свалиться к остальным. Ноги заскользили по траве. Девка начала опускаться.

Тогда бабка сделала невероятно шустрый манёвр, крутанувшись кругом, и верёвка обернулась вокруг талии, стянув её чуть ли не до осиных размеров, но это не помогло. Бабка продолжила скользить к яме. И тогда она сделала другой ловкий манёвр - легла на траву. Движение остановилось. Девка повисла в воздухе. Всё… Манёвры у бабки закончились. Она лежала и моргала в темноту.

«Вот те раз… Завтра разбойники подымутся, а тут вместо одной пленной трое. Причём, старая дура сама себя связала. Во будут удивляться, откуда столько радости, когда не ждали».

- Ба, ты чего?

Голос раздался сзади.

- Маруся?

- Тебе помочь?

Скоро по лесным буеракам пробирались пятеро человек. Их целью было пока одно – уйти куда-нибудь подальше.

К утру выбрались из лесу. Впереди петляла нешироkая река. Рухнули на её берегу, отдышались.

- Девка, как тебя хоть звать? – запоздало поинтересовалась бабка.

Дети с интересом взглянули на новенькую. Была она молодая, немного потрёпанная, в нищенской одежде.

- Ксеня.

Маруся улыбнулась. Ксеня ей понравилась. Ксеня понравилась всем.

Ксеня

Глава 21

Мир вокруг блестел и переливался. Мир был светлый, но в нём было много ярких пятен. Мир был добрый и тёплый.

И Она в этом мире была в безопасности. Здесь нечего бояться. Здесь некому и некого обижать. Здесь хорошо.

Она застывала над цветком и всматривалась. И уносилась куда-то далеко. То ли высь, то ли вглубь, сама не понимала. И цветок показывал ей разные миры.

Вот капля росы на лепестке. А в ней сияние света, а в ней переливы радуг, а в ней танец звёзд.

Но можно проникнуть ещё дальше. И навстречу польются краски. Невероятно яркие и нежные цвета, они обволакивали сердце, наполняли его радостью и восторгом.

Но это далеко не предел. Аромат давно уже окружил, окутал невидимой дымкой, качал на мягких волнах.

А если попробовать проникнуть ещё чуть-чуть?

О, там совсем незнакомый мир. Там, кажется, обитают те самые сказочные существа, о которых она когда-то что-то слышала. И в награду за её смелость и любознательность неведомые ранее глубины открывали свои тайны и показывали волшебство.

А вокруг неё живут существа-тени. Вначале Она их боялась, но потом сообразила, что это ангелы. Они заботились о ней, догадывались, когда её начинало мучить неясное бес-

покойство, когда чуждая и неприятная потребность терзало что-то внутри. И ангелы спешили ей помочь.

Она их видела смутно, как тёмные пятна, и радовалась, что они есть. Но вглядываться пристальней в них не хотелось.

Ангелы звали её Ольга.

Ей это не нравилось. Почему Ольга? Это неправильно.

Но как правильно? Она догадывалась, где можно найти своё настоящее имя.

В этом мире была дверь. Просто дверь. Грубо сколоченная из неровных коричневых досок. Она висела прямо в воздухе, не касаясь земли. И медная ручка поблёскивала, словно подмигивала, так она звала к себе, приглашала выйти.

И Она пугалась. Старательно отводила взгляд, пыталась удалиться от грубых досок. Но не получалась. Дверь всегда была неподалёку. Дверь ждала.

Её настоящее имя было за той дверью.

Глава 22

- Ксеня, говоришь? И откуда ты, Ксеня, будешь? Из каких таких краёв и какого роду-племени?

Бабка спрашивала, а сама уже всё поняла. И неловко ей стало, когда девушка отвела взгляд в сторону и вниз, заморгала виновато.

Сирота. Дурочка. Таких в каждой деревне можно встретить.

Нет у них рода-племени, и не помнят они своих мест.

А дурочки они не потому, что ума не хватает, хотя встречается немало безумных, но далеко не все. А дурочками они считались за виноватость свою, за готовность склонить голову перед насмешкой, перед грубостью, перед высокомерием и самодовольствием тех, кому посчастливилось в этом мире не стать сиротой.

И ходят, и бродят они по свету, и знакомятся с самыми страшными сторонами человека, с его глупой жестокостью и равнодушием.

Когда в грязной черепушке протягивает благодетель кислую похлёбку, а потом, словно пожалев о своей щедрости, толкает под локоть голодного человека, и со злорадством наблюдают, как выплескивается подаяние наземь. А потом вдогонку бурчит недовольно про дармоедов, которые не хотят работать, а только бы побирались по дворам.

Когда заплесневевшую корку бросают под ноги:

- Жри, - и злорадно наблюдают, как дурочка наклоняется за ней.

Или нет? Не возьмёт? Не сломалось ещё невидимое внутри, отвернётся, пойдёт дальше своей дорогой?

- Значит, неголодная! – в таком случае захлопнет калитку, блеснёт чуть разочарованным насмешливым взглядом.

Когда тычками и руганью пытаются уничтожить в них что-то светлое, человеческое, что проглядывает сквозь грязь и рваные одежды, и которое не могут увидеть порочные глаза, но сердце чувствует непохожесть и раздражается.

Когда чужая беззащитность приводит к ощущению безнаказанности и поднимает со дна души муть.

А дурочки и не видят в себе ничего человеческого и светлого. Принимают грубость, словно заслужили, словно ничего другого им не положено, согласившись с таким мироустройством. Ведь другого не знают.

И бредут дальше, пока мороз в поле не сжалится, не остановит навеки, и метель не покроет грязные лохмотья своим белоснежным икрящимся саваном.

Бабка вздохнула. Слишком часто встречала она таких.

А потом расширила глаза в испуге. А они? А ведь они тоже теперь такие же. Бездомные, беззащитные, и вот-вот станут дурочками.

Испуганно оглядела девок.

Ольга, не мигая, смотрит на текучую воду. Сарафан по-

чти новый, чистый, коса аккуратно заплетена. Никто не скажет, что дурочка. Но долго ли так будет? Через сколько дней одежда истреплется? Нюра, конечно, следит, чтобы всё чисто было. А долго ей осталось? А дальше что?

Перевела взгляд на Марусю. У той одежда уже никудышняя. Уже выглядит нищенкой.

Посмотрела на Митьку. Стало чуть легче. Несмотря на заплаты, Митька – мужичок. В нём чувствуется сила. Пока он рядом, девок в обиду не даст.

Глянула снова на Ксеню. Та так ничего не ответила.

- Будешь теперь с нами. Как говорит Митька, впятером веселее.

Глава 23

- Александра Ильинична, прошу ещё чаю.

- Благодарю, дорогая, с удовольствием. У вас так приятно, я отдыхаю всей душой. Но, кажется, уже поздно.

Лидия Ивановна на это промолчала. Действительно было поздно. Длинный летний закат погас за окном, наступала ночь.

Гостья хоть и разнообразила несколько часов, однако утомила. Визит затянулся.

Лидия Ивановна едва сдерживалась, чтобы не помассировать виски. Она устала, болела голова, а гостья, похоже, не торопилась домой.

Александра ей не нравилась. Нет, она была яркой, умной, красивой, уверенной женщиной. Муж поощрял эту дружбу. Он шутил, что рядом с Александрой не задержатся хандра и апатия, и Лидия Ивановна непременно взбодрится.

Но тут он ошибался. Рядом с Александрой Лидия чувствовала какую-то неясную тоску. Словно жизненные силы просачивались в невидимую трещину и утекали прочь.

И дело не в плохом самочувствии. Лидия не понимала, что не так в этом общении. Может, они с Александрой слишком разные?

Бесконечные переливания из пустого в порожнее были утомительны, а к этому сводились все их разговоры.

И ещё Лидии казалось, что и она тоже неинтересна Александре, что та с ней невыносимо скучает. Но всё же регулярно пишет и наведывается, как будто отбывает какую-то повинность.

Может, тут дело в милосердии? Может, Александра пытается помочь Лидии удержать последние нити, связывающие её с обществом? Ведь Лидия в последнее время всё неохотнее покидает свой дом, всё реже зовёт кого-либо в гости. Так недолго и вовсе отгородиться от мира. И что тогда? У Лидии дочь. Она должна думать о ней.

Так что, вздохнув поглубже, Лидия улыбнулась своей подруге и протянула ей тарелку с пирожным.

- Попробуйте ещё это. Здесь удивительно вкусная начинка.

Ах, как же хочется в детскую. Танюша, скорее всего, уснула. Но можно полюбоваться нежным личиком девочки, поцеловать в щёчку. Она сегодня её толком не видела.

Комнаты Лидии были в дальней части дома, подальше от слуг. Так настоял Сергей Дмитриевич, считая, что жену должны окружать тишина и покой.

- Жаль, что мне так и не удалось поприветствовать вашего мужа.

- О, Сергей Дмитриевич сегодня задерживается. Уверена, он будет тоже огорчён, что не застал вас.

Лидия Ивановна потянулась с чайником к фарфоровой чашке гостьи и вдруг застыла в ужасе. В жидкости плавал

крупный мотылёк. Похоже, моль.

- Да, благодарю, - Александра придвинула чашку к замершей хозяйке, кажется, не понимая, чего та медлит.

- Ах, прошу прощения! Какой конфуз. - Щёки Лидии вспыхнули алым цветом. – Я сейчас же вам заменю.

- Что не так, дорогая? – Александра удивлённо захлопала глазами, и не дождавшись добавки, взяла тонкими длинными пальцами свою чашку и поднесла ко рту.

«Нет!» - этот возглас Лидия сдержала.

Александра поставила кружку на стол. Мотылёк по-прежнему покачивался на тёмной поверхности. Он был мёртв. Лидия отчётливо видела его мохнатое тучное тельце, его бледно-перламутровые крылья. Пыльца с них частично осыпалась и неприятно припорошила чай.

А Александра его не видела! Она вновь понесла свою чашку к губам.

Обессиленная Лидия плюхнулась на свой стул.

- Кажется… у меня голова…

- Ах, дорогая. Я вас утомила сегодня.

Она решительно поднялась.

- Мне пора.

Лидия проводила гостью.

- Да, - обернулась Александра к хозяйке у двери. – Ваше вишнёвое платье… Мне оно так понравилось. Нет ли у вас выкройки?

- Какой платье?

- То, в котором вы были на балу у княгини Полоницкой.

- Вишнёвое? Я, кажется, была в зелёном…

- Дорогая… платье с пышным рукавом. На поясе белая вышивка… Она так приятно выделялась на вишнёвом фоне…

- Хорошо… Я посмотрю… Кажется… может быть…

- Прощайте, дорогая. И я вас непременно жду у себя. Выбирайте любой вечер. И захватите выкройку.

- Прощайте.

Лидия некоторое время глядела на закрывшуюся за Александрой Ильиничной дверь. Потом медленно, словно во сне, вернулась в свою комнату. Подошла к чайному прибору гостьи, с опаской заглянула в её чашку. Мотылька не было.

Она снова села на стул. Долго смотрела в никуда. Потом спохватилась, побежала в свою гардеробную.

Платье… Почему вишнёвое? У неё нет вишнёвого платья. На балу у Полоницких она действительно была в очень красивом платье, с пышными рукавами, с белой искусной вышивкой по поясу. Но само платье зелёное.

И войдя со свечой в маленькую комнату, первое, что она увидела – вишнёвое платье.

С пышными рукавами, с белой вышивкой…

К дочери в этот вечер Лидия не пошла.

Глава 24

- Доброе утро, моё солнышко, - Лидия наклонилась к хмурой дочери, поцеловала в щёчку.

Таня чуть отстранилась, подняла на мать печальные глаза, не ответила на ласку, и это было так на неё непохоже.

Сердце Лидии будто сжалось железным обручем. Она всегда остро реагировала на недобрые эмоции своих близких.

- Почему ты одна?

Таня сидела на садовой скамейке, хмуро смотрела на плавающих лебедей в пруду.

- Мадемуазель Эмили ушла за шалью.

Лидия этому только обрадовалась. Как хорошо побыть с дочерью наедине. Села рядом.

- Мне кажется, что ты грустишь…

Таня несколько мгновений глядела на мать, ничего не ответила, снова повернулась к лебедям. Вздохнула.

И словно морозные когти процарапали спину Лидии. Неужели она опять что-то натворила? Но как расспросить? Признаться, что она ничего не помнит, было немыслимо.

- Расскажи мне, - голос чуть дрогнул.

Таня почувствовала тоскливую неуверенность матери, её губы задрожали, а слёзы часто-часто закапали из глаз.

- Дорогая моя, что случилось?

Лидия Ивановна попыталась обнять дочь, но её фигурка

при прикосновении материнских рук словно окаменела, девочка не захотела объятий.

Лидия встала со скамейки, присела на корточки у ног дочери, заглянула ей в глаза. Та закрыла лицо ладошками, словно не желала видеть мать. И это было уже слишком. Лидии показалось, что мир рухнул на её бедную голову.

Это её болезнь… Жизнь становится невыносимой.

А Лидия, похоже, становится непредсказуемой. Возможно, пришла пора её изолировать. Отправить в глухую деревню, как когда-то матушку.

Женщина едва сдержалась, чтобы тоже не заплакать, промолвила тихо и виновато, готовая выслушать очередную плохую новость.

- Я не понимаю… Расскажи...

- Зачем ты прогнала Марусю?

- Марусю? Разве её нет?

Но потом сообразила, что не видела девчонку вот уже несколько дней.

Но Лидия нечасто выходила из своей половины. И то, что Маруся не попадалась ей на глаза, не казалось странным. Мало ли где бегает эта симпатичная беленькая крестьяночка – подружка дочери.

Вот из-за подобных частых отлучек гувернантки Таня и сдружилась с маленькой прислугой. Лидия понимала, что это неправильно, но ей казалось, что в детском возрасте вполне допустима такая близость.

Гораздо неприятней было то, что мадемуазель Эмили бросает свою воспитанницу одну. Она даже жаловалась мужу, но Сергей Дмитриевич не увидел в этом ничего предосудительного. Он считал, что дочь уже большая, и побыть несколько минут в одиночестве ей может быть даже полезно.

А Таня не была в одиночестве, пока рядом находилась Маруся. Теперь её нет? Лидия её прогнала?

Это была такая чушь, что всё внутри запротестовало. Не прогоняла она Марусю! Просто не могла! Ей и самой бесконечно нравилась эта малышка. Она даже подумывала взять её в семью на воспитание. Как-то устроить судьбу.

Но этот протест возник лишь на несколько мгновений. А потом…

Потом вспомнилась ночь. Гроза за окном. Какой-то ужас… Какое-то страшное беспокойство… Марусины испуганные глаза… Окно…

Воспоминание смутное-смутное, обрывистое, нелогичное, словно дурной сон.

А сон ли это?

Лидия в замешательстве посмотрела на дочь. Спросила неуверенно:

- А что сказал папа?

- Он сказал, что ты её выгнала из дома. Ночью. В грозу. Одну.

Лидия почувствовала, что в этом прекрасном месте, у пруда, возле которого она любила посидеть с книгой в руках,

рядом с чудесными белыми птицами, ей невыносимо… Так невыносимо, что она может задохнуться от горя.

Ей захотелось пообещать дочери, что она попробует всё исправить, что она попытается найти Марусю, но сдержалась.

Разве она может что-либо обещать?

Глава 25

- Будешь теперь с нами. Как говорит Митька, впятером веселее, - предложила Нюра Ксени, и ей показалось, что та не особо обрадовалась. Отвела глаза в сторону, промолчала. Но осталась.

До обеда спали, бабка караулила. Ей не надо много сна – так она объяснила всем про старость. Потом весь день брели вдоль реки. Уходить в лес, тянувшийся вдалеке справа, не хотелось. Лес теперь пугал. Там за каждым кустом мерещились бы разбойники.

Поэтому они брели по открытому высокому берегу. Часто оглядывались назад, проверяя, нет ли погони. Сзади далеко просматривалось пространство, и было оно безлюдно.

- Если что, - соображал Митька, - рванём через реку на ту сторону.

Речка петляла по лугу. На противоположной стороне пологий берег переходил в зелёные кусты, кое-где виднелись рощи, места ненадёжные, чтобы спрятаться, но ведь достаточно укрыть всего лишь Ксеню. А ими разбойники не должны бы заинтересоваться, ведь не могут же они знать, что именно их компания жила в лесной избушке, что это они утянули два золотых червонца, а потом и Ксеню в придачу. Мало ли народу по дорогам бродит?

Ксеня толком не объяснила, зачем она понадобилась ли-

ходеям.

- Я шла по полю, а они на конях догнали… Окружили…

- Эта? – спросил чернявый, с густыми кудрявыми лохмами.

- Эй, тебя как зовут? – вместо ответа спросил другой, лысый, как коленка.

Но девушка молча вертелась вокруг себя, пытаясь рассмотреть угрозу. Угроза была со всех сторон. Не было щели, в которую она могла бы нырнуть. Да и если бы убежала – надолго ли ей хватило бы этого бега? Что она могла сделать посреди пустынной дороги, где позади едва виднелось село, впереди редкие кусты, а вокруг бандитские морды на лошадях.

- Она, кажись… Девка, ты в том селе только что была? – лысый махнул рукой назад.

«Украла… Они думают, что я что-то украла».

Девушка вжала голову в плечи, догадываясь, что сейчас будут рвать одежду, обыскивать и бить.

«Наверное, пропало что-то маленькое…».

У Ксени в руках не было узелка. Только палка. Всё остальное имущество легко помещалось за пазухой.

- Поедешь с нами. Не бойся, не тронем. Глаза только завяжем – тебе же лучше, если завяжем.

Но Ксеня несогласно замотала головой, а потом всё же побежала. Недолго.

- Не обидели? - бабка бегло окинула взглядом девку.

- Ого, не обидели! – вмешался Митька. – Так зашвырнули в яму, что как только кости целы остались.

- Да нет… Я не зашиблась. Там солома, - Ксеня виновато улыбнулась Митьке, как будто ей совестно стало, что он её пожалел, когда она того не заслужила. Потом ответила бабке, - не обидели.

И Митька понял, что они говорили о чём-то своём, непонятном.

На закате остановились в безлюдном и очень красивом месте. Может, особое очарование ему придавали оранжевые краски раннего летнего вечера, может, цветущий луг, что пестрел множеством васильков и ромашек, а может, река, что отступала от высокого берега, образуя песчаную косу, как раз такую, на которой они могли бы обосноваться, даже разжечь костёр, и их не видно было бы со стороны.

- Здесь остановимся, - облегчённо выдохнула бабка.

- Надолго?

- Ну… может на пару денёчков. Пока не сообразим, куда дальше.

Хоть старость, со слов Нюры, не требовала много сна и еды, всё же это не такая штука, чтобы дни и ночи проводить на ногах. Бабка с опаской вытянула шею, осматривая с обрыва место предполагаемой стоянки.

– Только как туда спуститься?

А дети уже поползли вниз, стараясь поскорее освоить новое место. Спустились шустро и без труда, оставляя после себя полукруглые русла и съезжая вместе с песком. Но Нюра поняла, что так не сумеет. Она медленно пошла вдоль берега, подыскивая что-нибудь более подходящее.

- Ба, да не бойся, - кричала снизу Маруся. – Прямо садись и съезжай. Как с горки зимой.

- Ага, - не соглашалась старушка. – Легко сказать. Когдай-то я последний раз с горки съезжала?

А дети уже забрались наверх и усаживали Ольгу. Ксеня не стала ждать, когда её начнут уговаривать, сама съехала. У Ольги тоже получилось. И Нюра остановилась в нерешительности. Может, и в самом деле попробовать?

Эх, была-не была.

Бабуля подхватила свою юбку, устроилась поудобней, покрутилась чуть-чуть и… ничего. Не ехалось. Но тут Маруся с Митькой догадались в чём дело, подскочили сзади и подтолкнули немного. Один немного, вторая немного, и получилось многовато.

Ух! У Нюры даже дух захватило! Ветер в ушах запел что-то молодое и задорное. Так не пел ей он уже лет шестьдесят, если верить смутным подсчётам.

Но ноги вдруг встретили нечаянное препятствие в виде какого-то корня в песке и воткнулись в него. Но так как к этому времени бабуля уже набрала приличную скорость, то неведомая сила её подхватила, перенесла через препятствие,

заодно перекувырнув в воздухе, и дальше старушка спускалась уже головой вперёд и животом вниз, распластав на лету руки по сторонам.

Все стояли, раскрыв рты и вытаращив в ужасе глаза. Почти все. Ольга с улыбкой любовалась, как ветер выворачивает ивовые листики наизнанку, а на бабку внимания не обратила.

И бабка приземлилась с глухим «пухх».

На несколько мгновений наступила тишина.

А потом послушалось тихое, может даже немного смиренное «ох», и Нюра зашевелилась.

С трудом поднялась, повернулась, окинула взглядом свой путь.

- Не… Если мы здесь останемся, то надо поискать другую дорогу. А пока давайте, что ли огонь разожжём…

- Это я сейчас мигом, - обрадовался Митька бабкиной живучести.

А Маруся побежала собирать сухие ветки. Их было немало – на песчаной косе росли ивы.

А когда языки костра весело заплясали, Ксеня робко подняла голову на Нюру.

- Мне надо назад…

- Куда назад? – бабка чуть не задохнулась от неожиданности.

- В лес… К разбойникам… - Ксеня опустила виноватые глаза.

Но её лицо было такое… Нет, она не плакала. Это у Маруси немилосердно защипало вносу и покраснели глаза.

Ксеня была переполнена таким количеством горького одиночества, что его почувствовала даже Ольга и болезненно заломила брови.

- Я потеряла…

- Что ты потеряла?

- У меня была птица-душа… Я её потеряла… В яме… Мне надо вернуться.

Так вот почему она едва шла, поминутно оглядываясь назад.

- А что за птица-душа? – спросил Митька.

И Ксеня сложила ладони вместе, потом чуть раскрыла их, словно бутон.

- Моя… Птица-душа.

Бабка только покачала головой. Что за птица – не догадалась и она, но оглядела девок и нахмурилась… Какие же они жалкие… Просто сердце разрывалось на куски.

«Сами вы как птицы… Побитые только…».[1]

---

[1] Уважаемый читатель, в этом произведении несколько сюжетных линий, и одна из них начинается в романе «Не плачь, моя белая птица». Но эти книги можно читать отдельно без потери смысла.

Глава 26

За непонятной птицей-душой одну Ксеню отпустить не рискнули, бабка с большой неохотой разрешила идти и Митьке. Вот они вдвоём следующим утром и пробирались сквозь лесные чащобы. И по представлениям Митьки, были уже недалеко от цели, когда раздались мужские голоса.

- Тихо! – Митька схватил Ксеню за руку. – Слышишь?

Девушка часто закивала.

- Там дорога! Давай назад! – Митька потянул Ксеню за широкий поваленный ствол. Укрылись за ним и за чахлыми лесными кустами.

Вскоре показались всадники. Впереди чёрный лохматый мужик, рядом с ним лысый, позади ещё несколько человек верхом.

«Они!» - Митька расширил глаза и кивнул. Ксеня кивнула в ответ. Замерли.

- Ускользнула, как змеюка между зубьями вил.

- Чума, слышь, я говорю, не иначе, как нечистая сила её вытянула из ямы.

- А я ночью кабудто что-то слышал…

- А чего ж ты не встал и не проверил, коли слышал?

- Да не… Я так… Показалось, наверное.

- А можа, другую девку пощем? Мало ли на свете Ксе-

ний? Можа, другая сойдёт?

- Другая не сойдёт. По всем приметам нам эта нужна.

- И где ж её теперича найти? Легче другую…

- Дурак ты, что ли? Если б было легче, давно бы уже взяли. Другим девкам нечистая сила не отдаст клад, потому как такое заклятие наложено Кудеяром.

- Ладно, Чума, понял…

- Хорошо, что хоть своё добро не потеряли.

- Не, ты видел, там то ли крот поковырялся, то ли ещё какой хрен? Они прямо рассыпаны были. И как их никто не заметил?

- Да в ту глушь никто и не ходит.

- Не скажи… Какой-нибудь охотник рано или поздно забрёл бы.

- Ну да… Это мы вовремя прибыли. А то остались бы при своих интересах.

- И девку упустили…

- Во змеюка. Я ещё тогда на неё глянул, даже оторопь взяла.

- Знать, не напрасно про неё молва идёт…

- Говорят, как на кого глянет, сразу нутро его увидит…

- Ну это смотря какое нутро. Я, к примеру, на твою харю гляну, сразу угадаю, что ты пожрать не дурак.

Разговоры стали затихать.

- Это про тебя сейчас говорили?

Ксеня в недоумении подняла плечи.

- Ты, что ли, чужое нутро можешь увидеть?

- Как это?

- Не знаю. Дураки, короче, эти разбойники. Идём.

Пошли дальше.

Нежданная встреча в лесу обрадовала. Значит, лиходеи отправились своей дорогой дальше, значит, никто им теперь не помешает.

К полудню дошли до озера. Долго прислушивались, приглядывались, но всё было тихо.

Пошли к избушке.

На этот раз она стояла, раззявив низкую дверь нараспашку.

- Бросили лачугу, - задумчиво произнёс Митька. – Глянь, а там яма выкопана. Её раньше не было.

Подошли ближе. У широкого дуба зияла неглубокая дыра, теперь кое-как закиданная землёй.

- Наверное, здесь они прятали своё золото… А Ольга нашла.

Но Ксеню не интересовала чужая яма, она уже хлопотала у своей - пыталась поднять крышку от подземелья.

- Погоди, дай я помогу.

Вдвоём быстро справились, откинули крышку, заглянули внутрь.

Теперь в свете дня можно было рассмотреть темницу. Хотя рассматривать особо нечего – глубокая, на дне солома,

всё.

Никакую птицу Митька не увидел. Но это и не удивительно. Солома была изрядно перерыта то ли их ногами, то ли ещё чьими-то.

- Надо туда лезть. Слышь, Ксень? Я полезу, я быстрее.

Митька привязал длинную верёвку, связанную из нескольких коротких, к ближайшему дереву и мигом спустился вниз. Ксеня легла у ямы, заглядывая через край.

- Ты хоть по сторонам посматривай, - наказал Митька.

И Ксеня послушно завертела головой. Но в лесу было тихо.

- Нашёл что-то… Эта? – поднял Митька небольшую деревянную коробочку над головой.

- Не-ет.

- Что это такое? – Митька попробовал её открыть, но она не поддавалась. – Потом погляжу, - сунул за пазуху и снова зашуршал соломой.

- Эта?

На этот раз находка была та, что нужно. Правда, Митька и в ней толком не разобрался, снова сунул за пазуху и полез наверх.

Глава 27

Григорий Фёдорович был брюхат, тонкогуб и щекаст. Он чуть брезгливо ковырялся своими толстыми пальцами в аккуратно разрезанных кусках пирога, привередливо выбирая то ли помягче, то ли помясистее. На лежащие рядом щипцы внимания не обращал, очевидно считая их недостаточно надёжными для этого дела.

В другое время Александр Андреевич на него второй раз бы не взглянул, поздоровался, пожал бы дряхлую руку и забыл до новой встречи, но сегодня держал старика в центре внимания, стараясь делать это неприметно.

Выбор пирога не мешал престарелому жениху слушать рассуждения Дарьи Васильевны о хозяйских делах. Александр пропустил эту часть диалога мимо ушей, но как только забрюзжал старик, поднял на него глаза.

- Дарья Васильевна, голубушка! Жена должна быть полностью повинной мужу, угождать ему во всём. А непокорная жена да будет… - Григорий Фёдорович всё же сдержался, но последнее непроизнесённое слово «бита» словно повисло в воздухе.

Александр перевёл взгляд на хозяйку дома.

Кажется, и ей речь будущего зятя не пришлась по душе. Она чуть поджала губы.

Григорий Фёдорович был уже в том возрасте, когда своё

мнение не все считали нужным держать при себе. Вот временами и шокировали окружающих своей неприкрытой грубостью.

- Григорий Фёдорович, - Георгий Лукич отнял поднесённую было рюмку к губам, - вы слишком уж категоричны. Да и напугали, поди, моих дочерей. Они прекрасно понимают место женщины в семье, но...

- Вот и хорошо, если понимают. А то нынешняя молодёжь слишком дерзка.

Повисло молчание.

Жених зачерпнул, наконец, румяный кусок пирога, сунул себе в рот. Георгий Лукич повертел запотевшую рюмку в руке, сомневаясь, стоит ли продолжать столь деликатный разговор, выпил, потянулся за огурчиком. Тема, кажется, исчерпала себя.

Но нет. Екатерина нагнулась к Александру, тихо промолвила:

- Дикость какая-то. Жена, конечно, должна быть покорна мужу. Но дело это естественное, вследствие любви. Не так ли?

Александр промолчал. Он едва сдерживал гнев.

Гнев на жениха.

Муки ревности испытывать Александру ещё не приходилось, хотя он прекрасно понимал, что соперника возле себя никогда бы не потерпел. Но теперь другое.

Григорий Фёдорович – не соперник. Григорий Фёдорович

– старый хрыч, громогласный, эгоистичный, глупый, требовательный, жестокий. Вспомнился паук, который ловит в свою паутину беззащитную муху и высасывает из неё жизненные соки. Так и этот. Как только новая жена войдёт в дом, то окажется полностью в его власти. И при одной мысли об этом, в душе у Александра всё переворачивалось.

Гнев на матушку.

Как Дарья Васильевна может быть такой жестокой к дочери? Неужели огромное состояние старика настолько затмило разум? Если же она помышляет о богатстве и свободе Анны в скором будущем, ведь Григорий Фёдорович в весьма почтенном возрасте, то тут она может сильно ошибаться. Он пережил уже нескольких жён, он рассчитывает жить ещё долго.

Гнев на Екатерину.

Такой неравный брак должен вызывать отвращение у любого разумного человека. А у старшей любящей сестры – тем более.

- Матушка, позвольте мне уйти, мне нездоровится… - наконец Анна подняла глаза. Весь вечер просидела в полном молчании, равнодушная ко всему.

И гнев Александра обратился на неё. Она не может вытерпеть один вечер рядом с этим стариком. Как она собирается с ним жить?

Что случилось с той весёлой, разумной девушкой? Конечно, она никогда не шла против родительской воли, но и жертвовать своей жизнью, своим счастьем в угоду корыстным ин-

тересам семьи тоже не стала бы.

- Ну что ты, дорогая! - казалось, из глаз Дарьи Васильевны полился ледяной поток, предостерегающий дочь, хотя слова звучали сладко. – Выпей ещё чаю, сейчас дурнота пройдёт.

И Анна снова опустила глаза.

После ужина хозяйка позвала всех за карточный столик.

Анна отказалась, уселась с вышивкой в кресло, Екатерина потянула Александра к фортепиано, ей хотелось сыграть какую-то сложную сонату, но нужна была чья-то помощь, чтобы переворачивать ноты.

Александр решил воспользоваться случаем.

- Ваша сестра, кажется, сильно изменилась.

- Некоторые девушки быстро утрачивают вкус к жизни. К сожалению, Анна из таких.

- Я слышал, она болела. Может, недуг окончательно ещё не оставил её? – Александр пытался понять.

- Ах, недуг - это только предлог. Она так и норовит сбежать в свою комнату. Как вам соната? Её сочинил Иоганн Бах.

- Прекрасно, - Александр оглянулся.

Григорий Фёдорович дремал в кресле. Анна подошла к матери, что-то тихо сказал, потом вышла из комнаты.

Всё. Больше от этого вечера ждать нечего. Вскоре и Александр засобирался домой, сославшись на позднюю встречу с Василием Протасовым.

Проезжая в экипаже по тускло освещённым улицам, он

вспоминал только что проведённый вечер. Кажется, не придвинулся к цели ни на дюйм. С досадой покачал головой, хмуро повернулся к окошку и… замер.

По тротуару шла девушка в плаще.

Александр привстал, стараясь рассмотреть. Но было темно.

Ему показалось… Анна… Но этого не может быть.

Девушка свернула в ещё более тёмный переулок.

- Стой, - крикнул он вознице.

Выскочил из экипажа.

Конечно, это глупость. Ну какая Анна? Анна отдыхает в своей комнате.

Но… он должен проверить.

Глава 28

Екатерина остановилась перед зеркалом, поглядела на своё отражение.

По-прежнему хороша. Пышные светлые волосы, огромные голубые глаза, тонкая талия, белые плечи, высокая грудь.

Вдруг нахмурилась, подошла ближе, наклонилась вплотную.

Почти двадцать лет. И уже показались едва уловимые признаки надвигающейся зрелости. И это почти катастрофа. А чтобы она не обрушилась на её белокурую голову, надо в ближайшее же время устроить свою судьбу.

От ухажёров отбою никогда не было, с самого первого своего публичного бала она была в центре внимания. Но ухажёры ухажёрами, а женихи – это немного другое, и тут ей как раз и не везло.

Но теперь, когда папенька пересмотрел вопросы приданого, когда младшей Анне выделил лишь чуть, перераспределив большую часть старшей дочери, многое должно измениться. Поэтому пришло время действовать. И срочно. До осени надо обзавестись женихом.

Барона Лихачевского лучше оставить. Слишком весел, слишком дорожит своей свободой, слишком любит девушек.

Екатерина увлеклась им немного, да и он всегда её выде-

лял, но оба прекрасно понимали, что быть им вместе не судьба. Он стеснён в средствах, она была с малым приданым. Теперь, конечно, дела с приданным у неё гораздо лучше, и Лихачевского это немного взбодрило, но вернулся Александр. И Александр в глазах Екатерины гораздо привлекательнее. Не внешне, тут как раз они оба хороши, а если учитывать их состояния.

Сегодня она постаралась ненавязчиво ему себя показать.

Но, кажется, былая привязанность всё ещё не оставила Александра окончательно. Екатерина уловила несколько тревожных взглядов в сторону младшей сестры.

Хотя смотреть там вовсе не на что. Жалкое зрелище эта её сестра Анна. Тоща, бледна, уныла. Кажется, вот-вот подхватит чахотку, и закончатся её мучения на этом свете.

И как только жениха нашла в таком состоянии?

Но это, конечно, матушка похлопотала. Сама Анна и комара бы не поймала, не то что такого толстосума, как господин Усанов.

О!!! Какой же мерзкий старик.

И если подумать и включить воображение, то сестрице можно только посочувствовать. Но… - Екатерина тряхнула локонами, - думать надо о себе!

Подхватив юбки, девушка направилась к матери. Та всегда была на её стороне, что-нибудь сообразит.

Дарья Васильевна сидела в своей комнате тоже перед зеркалом, расчёсывала всё ещё густые, но уже изрядно поседев-

шие волосы.

- Матушка, позвольте, я, - Катя выхватила гребешок из рук матери и стала старательно елозить по её голове.

- Да, дорогая. Так хорошо. У меня у самой разболелась голова. Ты слыхала эту дерзкую?

- Анну?

- Ну кого же ещё? Столько усилий потрачено, чтобы устроить её брак… В её-то положении польститься не на что. А Григорий Фёдорович вполне достойный человек, а она?

- О, да!

- Она же всё готова разрушить своими руками. Голова у неё, видите ли, болит. Ну давай, раз болит, завтра утром вызовем доктора. Пусть выпишет пилюли.

- Да притворство всё это.

- А я о чём толкую? Конечно, на кровати валяться целыми днями приятнее. Только под лежачий камень вода не течёт. А Григорий Фёдорович… он излишне прямолинеен, конечно. Слышала? Ну что же, в его возрасте да с такими капиталами многое сходит с рук. Вот он и привык. Как говорится, правду-матку в глаза…

- Матушка, но сегодня он уж слишком.

- Дорогая, а кто из нас без греха? Сильные мира сего имеют право… Анна сама виновата, что дошла до такого…

Дарья Васильевна резко замолчала. К досаде дочери. А ей уже давно хотелось знать, что же такого натворила сестра. Да разве матушка просветит?

- На следующей неделе поедем в деревню, - сменила тему.

Катя опустила руку с гребешком. Вот так отыскала жениха! Теперь в деревне будет комаров всё лето кормить.

- Матушка, а мне что там делать? – яснее Екатерина выразиться не могла, но любящее материнское сердце прекрасно уловило тревогу.

- Дорогая, Александр Андреевич, прощаясь, заявил папеньке, что перебирается в деревню в поместье своего покойного деда принимать дела. А я уверена, что эти дела его задержат до самой осени. Это же ведь такое большое хозяйство. За ним глаз нужен. Вот и будет с нами по соседству такой добрый молодой человек.

Это уже другое дело, - обрадовалась Катя.

- А как же бал у Добровестовых?

- На бал мы обязательно попадём. Ещё бы - последний в сезоне. Ты, дочь, на нём должна блистать.

- Маменька, я надену новое голубое платье.

- Конечно, моя дорогая, ведь мы его сшили специально для этого случая.

- Вот только…

- Что, дорогая?

- Да нет… Я так…

- Говори.

- Просто подумала, как кстати смотрелось бы с этим платьем сапфировое ожерелье.

- Бабушкино?

- Ах, зачем бабушка подарила его Анне? Нет, я рада за неё. Но это не честно… Нет.. всё правильно… Так пожелала бабушка. Она любит Анну… Прости меня, мама, я такая гадкая.

Катя села на стул и закрыла лицо ладонями.

Дарья Васильевна задумчиво посмотрела на отражение дочери в зеркале.

- Я что-нибудь придумаю.

Екатерина

Глава 29

Анна с таким трудом вырвалась из дома и теперь боялась, что страшно опаздывает. Свернув в очередной тёмный переулок, она на минуту остановилась, растерянно огляделась по сторонам, точно ли туда свернула? Но, кажется, всё верно. И дальше побежала.

Начался небольшой дождь.

В тёмных местах она всё же задерживала шаги, опасаясь споткнуться на деревянном настиле. Временами из окон ближайших кабаков вырывался свет, и Анна бросала взгляд на доски под ногами и свою серую юбку, на которой успевали блеснуть капли дождя, прежде чем она снова ныряла в темноту.

«Ах, только бы он дождался…».

В поясном мешочке лежало драгоценное ожерелье. Это плата.

- Задерживаетесь, дамочка! - грубая рука вынырнула из какой-то подворотни, грубо схватила её, останавливая бег.

Анна испуганно ахнула, но тут же почувствовала облегчение – успела.

- Принесли?

- Да. А ребёнок?

- Пошли…

И Анну невидимая рука потянула в темноту.

Александр всё больше чувствовал себя глупо – преследует в ночи бедную женщину только потому, что та похожа на его невесту.

Вспомнилось, как часто он видел знакомые черты у европейских девушек, когда был вдалеке от дома. Но тогда хватило ума не гоняться за незнакомками. Теперь вот, кажется, с ним стало всё плохо.

Он пообещал себе, что теперь, раз он зашёл так далеко, просто доведёт женщину до её лачуги и повернёт обратно. А о своём сумасбродстве никому не расскажет, вот и получится, будто его и не было.

Когда девушка в очередной раз нырнула в полную тьму, он особо и не напрягся, но тут услышал приглушённый вскрик. А когда поспешилследом, девушки уже не было. Он её упустил.

Расстроенный и растерянный остановился. И что дальше? Возвращаться к экипажу?

Но сердце тревожно заныло. Вспомнился крик. Нет. Если даже в беду попала несчастная бедная незнакомка, он всё же должен попытаться ей помочь.

Замер. Прислушался.

В стороне приглушённые голоса. Шум.

Он бросился туда, теперь уж не скрывая своего присутствия. Хватит прятаться.

- Пустите меня… Как вы смеете? Остав…

Голос прервался, слова перешли в мычание, словно девушке закрыли рот.

Анна. Голос был её.

Александр вихрем налетел на копошащиеся фигуры, обхватил одной рукой тонкую девичью талию, кулаком ударил куда-то вверх. Попал. На ощупь показалось, что в лицо.

Мужчина ругнулся, отпрянул и побежал. Александр несколько мгновений прислушивался к удаляющемуся топоту.

- Не бойтесь… Я не причиню вам вреда…

Торопливо полез в карман за огнивом. Трут вспыхнул и на несколько секунд осветил заплаканное лицо девушки.

- Анна…

- Понимаете… Ах, разве кто-то сможет это понять? Такой ужас… Но с тех пор я ищу своё дитя. Я прохожу мимо нищих и заглядываю в их свёртки. Но как мне узнать теперь? Столько времени прошло. Одна лишь верная примета – золотистое родимое пятнышко. Цветок с тремя лепестками. Один чуть длиннее и загибается в сторону. Повитуха, словно предчувствовала, словно её ангел направил, показала мне его…

Анна уже чуть успокоилась, перестала плакать и дрожать, тихо рассказывала. Всё.

Лошадка медленно брела по ночным улицам, возница временами чуть трогал её хлыстом, если она уж совсем сбавляла шаг. Вознице Александр приказал просто ехать.

- Я не могу есть. Какое я право имею тянуть свою руку к… еде, когда неизвестно, покормили моего ребёнка или нет? Я не могу спать. А вдруг болезнь? А если нищие изуродовали?.. Я слышала ужасные вещи… Я стала расспрашивать… Один… обещал мне помочь… сегодня вечером… Результат вы знаете…

Анна долго рассказывала. Александр долго слушал. Наконец вздохнул.

- Это жулик. Он воспользовался вашей бедой, попытался обмануть. Анна, ваша мать – женщина, конечно, суровая, но она не могла уготовить такую страшную участь младенцу. Ваши страхи необоснованны.

- Вы думаете?

- Я так думаю.

- А где он может быть?

- Это нам предстоит узнать… Вместе. Скажите, родная, кто у меня родился? Сын или дочь?

- У вас? – Тихая радость вошла в сердце. Теперь она не одна. - Дочь…

В этот вечер у Анны появилась надежда, крепкая, как плечо любимого мужчины.

Засыпая, она и не заметила, что её губы тронула лёгкая улыбка.

И это несмотря на то, что она потеряла бабушкино ожерелье из сапфиров.

Анна думала, что тот жулик приведёт её к ребёнку, как обещал. Если она хорошо заплатит. Но он её просто ограбил.

Глава 30

- Поешьте сначала, потом расскажете, - хлопотала бабка вокруг вернувшихся Митьки и Ксени. – Мы тут с девками рыбы наловили – прорву, я, во, в глине запекла. А то всё уха да уха…

- И Ольга ловила?

- А как же? Рыба как пошла косяками, мы с Марусей только успевали на берег выкидывать. Маруська на удочку ловила, я в корзину, а Ольга на бережку сидела, рыбку разглядывала да обратно в речку бросала.

Митька хмыкнул, поглядел на девушку. Та, наклонив голову набок, наблюдала за божьей коровкой, которая раскрывала крылышки, пытаясь взлететь, но не взлетала. Никак не решалась.

- Оно и правильно, ежели подумать. Куда нам столько? Это всё от жадности моей. Пропала бы только. Лучше завтра свежей наловим. А вы ешьте, ешьте, да рассказывайте. Мы уж так тряслись, пока вас не было… Страшно…

- Чего страшного?

- Боялись, что вы пропадёте, - пояснила Маруся.

Митька взглянул на рыбу, лежащую горкой на зелёных лопухах, потянулся за ближайшей. Маруся с Ксеней потянулись следом. Бабка поставила Ольге на колени миску с уже разломанной на мелкие кусочки рыбой – без костей.

- Не-е, нормально всё, - начал Митька свой рассказ. - Разбойники уже ушли от озера. Бросили свою землянку. Мы их и видели, и слышали. Как раз за кустами сидели, когда они мимо проезжали. Вроде, другое место себе будут искать. Про Ксеню что зря говорили.

- Как это - что зря?

- Как будто какой-то Крутояр клад оставил, и только Ксеня его может найти. Мол, такое заклятие он наложил. Ба, а ты знаешь, кто такой Крутояр? Я, кажется, слышал…

- Да откуда мне знать? Тоже слыхала что-то… был, вроде, разбойник какой-то. А этот ли Крутояр, ай другой какой? Но другого не знаю.

- И он клад прятал?

- Ну, коли разбойник, значит, прятал. Да, наверное, и не один.

- А почему только наша Ксеня его может добыть?

Бабка взглянула на девушку. Ксеня побледнела, положила рыбу назад в общую кучу, опустила виноватую голову, готовая на себя принять громы и молнии.

Но бабуля только тяжко вздохнула.

- Не знаю. А, может, ты что-то не так понял?

- Может, и не понял. Ксень, а ты поняла?

Но девушка замотала головой.

- Да ты ешь, - спохватилась бабка. – Мало ли что дуракам померещилось?

- Ба, а что ты про клады знаешь?

- Да почти ничего. Люди говорят, что есть просто клады, это когда кто-нибудь спрячет на время богатство, и лежит оно в земле, своего часа дожидается. А есть зачарованные. Такие найти мудрено. А ещё мудрёнее самому остаться в живых.

- Как это?

- По-разному, Мить. Например, один закопал и заклял на семь лет. Или на сто. Вот клад и ушёл глубоко в землю, а через семь лет, или через сто, снова поднимется из глубины. И его уже можно взять. Но не лишь бы кому.

- А кому можно? – распахнула Маруся глаза, приготовившись услышать страшные истории.

- Бывает, что простому человеку он сам покажется. Например, в лесу петух красный выйдет навстречу, или девка, или старик, или ребёнок заплачет. Только это на самом деле не петух, не девка и не старик, а сам клад. И коли догадаешься, что это не просто так, да не испугаешься, да толкнёшь легонько этого зверя или человека, тот и рассыплется кубышкой с монетами.

- Так просто? – обрадовалась Маруся, что страшного было лишь чуть.

- А бывает не просто, бывает хозяин клада помудрёнее зачаровывает его, когда хоронит.

- Как?

- Да как захочет. И тут уж, если не знаешь, какое заклинание положено, то лучше за кладом даже не соваться. Потому

что нечистая сила его охраняет и человеку просто так не отдаст, а запросто погубить может. Бывает, что заклинают на двенадцать голов. Или на сорок.

- А что это значит?

- А значит, что двенадцать душ, которые тот клад найдут, должны погибнуть, или сорок, а потом уже можно будет взять клад.

- Значит, тринадцатый возьмёт? Или сорок первый? – Митька хорошо умел считать.

- Правильно.

- А ещё какие заклинания бывают?

- Да откуда мне знать? Бывают случаи, когда заговаривают на человека, мол достанется тот клад сиротке, у которой судьба горьше всех на свете, чтобы та сиротка молилась бы о спасении души разбойника. Бывают кровавые заговоры, - но тут Нюра заглянула в огромные Марусины глаза и сама себя перебила, - но об этом я совсем ничего не знаю.

- А ты когда-нибудь находила клад?

- Я? - ахнула Нюра. – Да уж где мне? Да и не надобен он. Что я с ним буду делать?

- А ты же землянку в лесу хотела? Вот и пригодился бы…

- Да… - глаза бабки затуманились, она надолго замолчала, мысленно любуясь своей воображаемой землянкой. Потом спохватилась. - Да и правда всё это? Так, сказки, может.

- А ещё разбойники сказали, что про Ксеню слух идёт.

Нюра снова взглянула на девушку.

- Ну понятное дело, что слыхали они что-то про Ксеню, раз гоняются за ней. Ты с ними раньше где-нибудь встречалась? – обернулась бабка к девушке.

Но Ксеня так замотала головой, что у Нюры у самой шея заболела.

- Разбойники сказали, что она чужое нутро может разглядеть, - попробовал подсказать Митька.

- И ничего я не разглядываю! - впервые в голосе Ксени послышалось возмущение такой несправедливостью.

Но тут бабка решила оставить разбойников в покое.

- Так вы нашли душу-птицу?

- Нашли, - кивнул Митька.

- Покажешь? – Марусины глаза теперь распахнулись навстречу девушке.

И Ксеня кивнула, чуть улыбнулась и полезла за пазуху.

Сначала никто ничего не понял. На деревянной подставочке торчал металлический закрытый бутон с зелёными, плотно прижатыми друг к другу лепестками.

Но Ксеня вынула снизу маленький ключик, вставила опять же куда-то внизу, провернула ключик несколько раз и поставила штуку на песок посреди их компании.

Несколько мгновений ничего не происходило. А потом вдруг полилась чистая печальная музыка. И не сразу сообразили, что она раздавалась из этой штуки.

А потом лепестки дрогнули, и бутон стал медленно раскрываться. Все с восторгом уставились на это чудо. А там

внутри оказалась белая птица – лебедь. Она вскинула свои крылья и закружилась то ли в танце, то ли в полете. А музыка звучала, трогала душу, пела печальную и прекрасную мелодию.

Она услышала зов. Он доносился из-за двери. Она с трудом отвела взгляд от крыльев. Верхние ярко-красные с чёрными точками были гладкие, блестящие, но нижние другие. Нижние чёрно-прозрачные, кружевные. Она долго рассматривала их чудный узор, но звуки отвлекли. Она оглянулась.

Дверь чуть дрогнула. С обратной стороны её что-то толкало. Эти звуки. Эта мелодия. Она её когда-то слышала. Её душа знала, её пальцы зашевелились, словно побежали по невидимым клавишам. На мгновение перед глазами закружились пышные складки голубой кисеи.

Ей захотелось заглянуть за дверь. Она приблизилась, потянулась к блестящей ручке и замерла в ужасе…

Она забыла?

Там – страшно. За дверью плохо. Пока есть дверь, она в безопасности. Если она туда выйдет – она погибнет. Она уже погибала… Когда-то…

Она отпрянула. Надо держаться от двери подальше.

Но смутно-знакомые звуки били в дверь. Всё сильнее и сильнее. И дверь задрожала, и Она испугалась, что доски рассыпятся, и закричала от ужаса.

Глава 31

Крик был пронзительный и отчаянный, он бабке напомнил недавнего зайца. Вот только кричала Ольга.

Все вскочили, пытаясь понять, что происходит.

- Укусило? Ольга? Где болит?

- Болит… болит… болит… - Ольга закрыла голову руками и стала раскачиваться из стороны в сторону. С колен посыпались куски рыбы, за ними шмякнулась и плошка в песок.

- Ба, она разговаривает…

- Ольга, где болит?

А нежная мелодия всё звучала, и лебедь продолжал кружиться в танце-полёте.

Первой догадалась Маруся.

- Ба, это душа-птица. Это песня… - от волнения она не могла толком объяснить, но Нюра поняла.

- Ксень, останови музыку.

Но музыка не останавливалась. Тогда девушка схватила свою игрушку и побежала подальше, спряталась за ивами и оттуда стала перепуганно выглядывать.

- Тише, тише, Олечка, - не менее напуганная Маруся пыталась обнять девушку за вздрагивающие плечи.

А Нюра уже тянула из речки воду, стала брызгать в лицо. Митька растерянно топтался на месте. Он совсем не понимал, чем может помочь.

Долго-долго не могла успокоиться Ольга. Уже душа-птица давно отпела и оттанцевала своё, закрыла зелёные лепестки, и Ксеня спрятала её снова за пазуху, подальше от глаз. А Ольга всё ещё плакала.

Наконец усталая головка склонилась на бабкины колени, мокрые ресницы тяжело легли на опухшие веки, Ольга судорожно вздохнула и затихла.

- Заснула? – прошептала Маруся.

- Кажись, да.

Всем тоже уже пора было ложиться, закат догорал. Но Нюра долго боялась пошевелиться. И когда дети натаскали охапки травы, сверху кинули рваную рубаху, бабка осторожно переложила девушку.

- Во беда, - прошептала детям. – Так и не поела ничего… Что это было?

- Ба, ты слышала, она разговаривала.

- Слышала… Кабы это не исполох у неё…

- А что это исполох?

- И-и-и, - махнула бабка рукой. – Ничего хорошего… Болезнь такая…

- И что теперь?

- Не знаю… Спать пора.

Две бессонные ночи подряд дали о себе знать. Глаза просто закрывались, и все кинулись готовить подстилки. Кто ближе к костру, а Маруся поближе к бабке.

Митька уснул кажется даже раньше, чем голова коснулась

ароматной травы.

- Ба, а что завтра? – сонно поинтересовалась Маруся.

- Завтра надо бы в деревню сходить. Может, соли да сухариков заработаем.

Но Маруся ответ уже не слышала.

Вскоре и Ксеня тяжело задышала. А бабка долго смотрела, как костёр сердито трещал ветками, как от этого треска золотые искры вырывались из пламени и уносились к звёздам, но по дороге начинали уставать и гаснуть.

Вдруг послышалось невнятное бормотание.

Нюра только что, кажется, задремала, теперь дёрнулась, села. Митька на другой стороне костра тоже сел, стал вертеть взлохмаченной головой, спросонья не понимая, что его разбудило.

- «Сарабанда» господина Генделя способна ввергнуть мою душу в меланхолию.

Ксеня сидела прямо, глаза её были широко открыты, но… взгляд невидящий, страшный. Произнеся непонятные слова, она, словно исполнив, наконец, последнее дело за день, улеглась калачиком на своей подстилке и затихла.

- Что она сказала? – Митька хмуро поглядел на Нюру.

Та молча подняла плечи к ушам.

- По-немецки, кажись…

Глава 32-33

- Ах ты, паскудина! Опять явилась! Что на этот раз принесла на хвосте? Какую теперь нечаянную радость? Иди, давай, рассказывай, а я пока твои лохмы выдирать буду.

Нюра оторопела, когда поняла, что это к ним направляется баба с такой речью. Подхватив по дороге какую-то жердь, женщина замолчала, но приближение её от этого не стало более приятным.

- Акулина! – закричала другая баба через забор. – Акулина, брось палку. Покалечишь ведь, дура!

Но Акулина не послушалась. Губы её сжались от напряжения в ниточку.

- Девка! Беги, пока цела... – баба за забором кричала уже, кажется, им.

Растерянная Нюра повернулась к Ксене. С ней они пришли в деревню заработать, и вот такая незадача.

Ксеня, похоже, и сама уже догадалась, что ей сейчас попадёт, голову опустила, спину согнула колесом, руки подняла над головой - приготовилась.

Нюра шагнула наперерез бабе с палкой, тронула за локоть.

- Погоди… Ты попутала… должно быть…

Но баба с раздражением дёрнула рукой и намахнулась на Ксеню.

Нюра сделала невероятный прыжок, обгоняя бабу, и пе-

рекрыла ей путь.

- Ксеня, беги… Беги назад… к Митьке… - замахала руками и с облегчением увидела, как подхватив повыше свои драные юбки, Ксеня запылила по дороге в ту сторону, откуда они недавно пришли.

Женщина какое-то время бежала за ней, но возраст и тяжёлая комплекция не дали шансов. Обернулась и с поджатыми губами направилась к Нюре.

- Да ты, никак, ополоумела, бабонька? - Нюра зло прищурила глаза навстречу.

Что такое? Не бывало ещё на её веку, чтобы палками встречали. И на старости своей, может, и пришлось, да, видать, и ещё придётся, хлебнуть немало горечи, но это уже перебор.

И чужая баба дрогнула. Сначала во взгляде исчезла решимость, потом и рука с палкой опустилась. Баба вильнула в сторону и ушла своей дорогой, бормоча что-то недоброе.

Нюра растерянно оглянулась. И куда теперь? Назад, вслед за Ксеней? Или дальше идти? Вот это подзаработали сухариков.

- Бабонька, ты не серчай.

Нюра едва не подпрыгнула от неожиданности. Совсем забыла, что через забор за всей этой картиной наблюдала ещё одна местная жительница.

- Оно, ежели подумать, и Акулину понять можно… - продолжила та и отворила калитку, - зайди ко мне, кваску испей,

да расскажи, куда путь держишь.

Нюра завернула в чужую калитку.

- Во, садись сюда в тенёк под яблоню... Анфиска! - крикнула в сторону, - принеси-ка из погреба кваску холодного да краюху хлеба.

Вскоре шустрая белобрысая девка поставила на лавку возле Нюры глиняный кувшин с кружкой, побежала за хлебом.

- Благодарствую, бабонька... Не знаю, как зовут…

- Дуней зовут. Садись на лавку, чего стоишь? Отдохни. Испугалась, небось…

- Дак… испугалась. А как же? Треснет по башке такая во, а потом всю жизнь буду ходить - улыбаться, - не к месту на ум пришла Ольга. Может, её тоже кто саданул? – А меня Нюрой зови… А Ксеня… либо у вас тут уже раньше бывала?

- Бывала… да и не раз.

- Никак натворила чего?

- Да как тебе сказать? Так сразу и не ответишь… А тебе она кто? Раньше, вроде, всегда одна ходила.

- А я тебе обо всём тоже не сразу скажу… Я вот, как и ты, жила, и ни думала, ни гадала, что придётся по дорогам, как нищенке бродить.

Нюра с тоской оглядела чужую хату с соломенной крышей, огород, яблоньку, курочек с петушком. Вздохнула.

- А что же случилось? – на Нюру глянули бледно-голубые глаза, и в них бабка увидела доброту и сочувствие.

- Рассказать ежели по правде, ты не поверишь… Я, вроде

как, даже сама из хаты ушла. Не гнала меня невестка… Ну и что, что щами облила? Чего сгоряча не сделаешь? А когда я опомнилась, возвращаться уже не стала.

Нюра вздохнула. Вздохнула и слушательница.

«От хорошей жизни, небось, не ушла бы». Вслух не сказала, подумала.

- А Ксеня по дороге нашлась. Теперь мы вместе. Так, вроде, она девка смирная. С какого перепугу её тут палками встречают?

- Так её у нас тут по-разному встречают. Кто с хлебом-солью, в избу зовёт, а кто прочь гонит. Ты либо про неё ничего не знаешь?

Бабка глянула немного испуганно.

«Сарабанда» господина Генделя способна ввергнуть мою душу в меланхолию».

Вчерашние непонятные слова в памяти не всплыли, не было у бабки места в голове, где бы их хранить, но страх свой вспомнила.

Это всё равно, как если б лошадь заговорила. Не… может, конечно, не совсем лошадь… Но тоже страшно.

- Вижу, что не знаешь, но догадываться начала, - покачала головой Дуня.

- Даже пока не догадываюсь.

- Ну тогда я тебе расскажу, для чего её тут люди к себе в хаты кличут. А ты всё и поймёшь… Что понять нам можно… А так, конечно… во всей этой истории больше непо-

нятного… Да ты бери хлеб, ешь.

- Не-е. За квас благодарствую, а хлеб я ещё не заработала.

Дуня взглянула немного по-другому на свою новую знакомую.

- Ишь ты… Никак на заработки к нам завернула?

- Ну да… Может, найдётся дело…

- Найдётся… Поможешь мне грядки прополоть?

- Помогу.

- Ну так пойдём. И там-то, в огороде, поговорим.

Глава 33

- Как нет?

- Матушка… - Анна задрожала, - кажется, я его не положила на место, вот и…

- Ты не положила на место драгоценное ожерелье? Ты его бросила, как безделушку? Бабушкин подарок?

- Матушка, я его обязательно найду.

- Ищи, - голос Дарьи Васильевны мог показаться спокойным. Но Анна знала, какая ярость скрывается за этим спокойствием. – И тебе же будет лучше, если к вечеру его найдёшь. Я попозже вернусь.

Дарья Васильевна вышла. Анна опустилась в кресло, закрыла лицо ладонями. Лучше бы ей к вечеру провалиться куда-нибудь подальше от всех.

Привычная горячая вина обожгла душу. Теперь она ещё и ожерелье не уберегла. Да что это с ней? Есть ли на свете более глупые люди?

Вспомнился презрительно-холодный взгляд матери, и сердце подсказало новые характеристики для себя – есть ли на свете более мерзкие и гадкие? Как тут не согласиться с мнением матери, которое оно прочитала в её глазах? И Анна согласилась…

Но потом…

Сердце переполнилось горечью. Впиталось ею сполна, ед-

ва не замерло, уже навсегда, и отторгло вину, несогласное с ней.

Всё!!! Это уже слишком! И ожерелье – всё же её вещь, она вправе распоряжаться им по собственному разумению. Бабушка, подарив, пожелала, чтобы оно принесло ей счастье. Вот она и попыталась своё счастье найти.

Матушка…

Матушка не такой уж и друг, как твердит с детства.

«Я желаю тебе добра!» - вспомнились её обычные заключения после наставлений и распоряжений.

А какое добро она обрела?

Она потеряла своё дитя. Какое может быть счастье после этого?

По мнению матушки, жизнь с богатым деспотичным стариком – вот её удел.

«Ах, матушка… Вы не правы… Ваша забота стала невыносимой для меня. Отныне я сбрасываю её со своих плеч. Вы… не мой друг. Да, я натворила бед. Да, я виноватая. Да… я не буду вас ни в чём упрекать. Вы сделали так, как посчитали правильным... Но позвольте же и мне стать хозяйкой своей жизни… Всё…».

Анна подошла к зеркалу, вгляделась в своё отражение. Ужаснулась. Это она? Когда она стала такой страшной?

Как же так? Каждый день смотрит на себя и не видит?

Сегодня бал. Последний в этом сезоне. Сегодня она увидит Александра, и он обязательно ей что-нибудь скажет. Что-

то… если не доброе, значит, ободряющее… Он мужчина. Он многое может.

Теперь у Александра был не только старый Гаврила, теперь у него было около двух десятков слуг. В деревенском поместье гораздо больше, но в городе для холостяка много не требовалось.

И первым серьёзным распоряжением молодой хозяин озадачил своих людей. И чрезвычайно заинтересовал.

- Плачу сто рублей золотом, - заявил он своим работникам. – А если выполните моё распоряжение на этой неделе, то сто пятьдесят.

Это было невероятно. Гаврила покачал седой головой, и вечером, когда стелил Александру постель, буркнул неодобрительно:

- Не доводись… лёгкому человеку… отцово богатство.

Яснее выразиться не посмел, хотя позволял себе многое, так как был с Александром с его малых лет.

- Ох, Гаврила, да я бы гораздо больше отдал за эту вещь.

Гаврила задумался, застыл со свечой в руке.

- Ну… коли так… тогда я тоже поспрашиваю знающих людей. Какое, говорите, ожерелье? Серебристое, с голубыми камушками? Может, и найдётся…

И в последующие дни несколько десятков слуг, наскоро выполнив свои домашние дела, спешили по городу, обращались к своим знакомым, расспрашивали, выискивали. На-

шли.

Нашёл всё тот же Гаврила.

- Барин, говорят, у Петьки, сына сапожника на Кузнецкой, появилась интересная вещица. Он её норовит продать, да покупатель пока не находится. Больно много просит.

- Много просит, говоришь? Пойдём-ка на Кузнецкую, купим…

Глава 34

Анна вслед за матушкой и старшей сестрой поприветствовала хозяйку бала и поспешила дальше, в ярко освещённый нарядный зал, где уже толпилось множество народа.

Девушка оглядела присутствующих, надеясь увидеть Александра, и почти сразу же наткнулась взглядом на своего жениха.

Господин Усанов поспешил к ним выразить своё почтение.

Настроение испортилось. Анна понимала, что впереди непростой разговор с Григорием Фёдоровичем, но на балу он, разумеется, неуместен. Хотя, приняв решение, девушке не терпелось покончить со своей помолвкой.

Но это будет уже неприкрытый бунт. И пойти на такой шаг безумно страшно. И что из этого получится – совсем непонятно.

Анна долго размышляла.

Почти вся её жизнь – это следование указаниям матери. И это правильно – все так скажут. А она теперь засомневалась. Потому что впереди на указанном матушкой пути – пропасть, где ей не хочется пропадать. Ещё несколько дней назад было почти всё равно, теперь не хочется.

Поэтому она сворачивает на свою дорогу. Правильную или нет - неизвестно. Если бы знать заранее, то никто бы не

ошибался. Но всё гораздо сложнее.

Что же, пусть будут сложности, она их постарается храбро встретить.

И с первой уже столкнулась, когда перед балом заявила матери, что ожерелья нет. Она его потеряла…

Дарья Васильевна сжала губы, глаза её метнули молнии.

- Сегодня на балу будешь или в сапфировом ожерелье, или с голой шеей. Выбирай сама.

Вышла из комнаты.

Но Анне неожиданно стало легко. Чего ей бояться? Наследства лишили, приданого почти нет, в отношениях бесконечный холод. Хуже уже некуда.

Бабушка, правда, что-то хлопочет. Но она далеко.

При первых звуках полонеза Григорий Фёдорович поспешил улизнуть в мужскую комнату – танцевать он не любил, и Анна облегчённо перевела дыхание.

- Матушка, кажется, Александр Андреевич к нам идёт, - Катя заиграла ямочками на щеках.

Сердце Анны забилось. После безумных ночных блужданий по городским трущобам она с ним не общалась. Правда, он приезжал к ним с визитом, но её тогда не позвали. Она видела его из окна.

- Добрый вечер, сударыни, рад вас видеть в добром здравии, - поклонился Александр.

Екатерина протянула руку, Анна ограничилась реверан-

сом.

- Прошу прощения, что прервал вашу беседу. Позвольте пригласить вас на танец.

Екатерина уже благосклонно заулыбалась, когда поняла, что пригласили не её. Улыбка заледенела на её лице, пока взглядом провожала младшую сестру в центр зала.

- Матушка, что это? – зашипела она со злобой.

- Это дерзость, дорогая. К сожалению, Анна приобрела этот порок… И не только этот.

- Как ваше здоровье? – Александр внимательно вгляделся в лицо Анны.

- Благодарю… Почему вы спрашиваете?

- Вы не вышли из своей комнаты, когда я в последний раз приезжал. Екатерина сказала, что вы плохо себя чувствуете.

- А… Нет-нет, я чувствую себя хорошо.

- У меня для вас сюрприз.

Сердце Анны на мгновение замерло. Ребёнок!..

Но это оказалось ожерелье. Александр с улыбкой вложил его Анне в ладонь.

Девушка постаралась скрыть невольное разочарование. Ах, какая она неблагодарная.

- Как? – улыбнулась Александру. – Как вам удалось его найти?

- Это мой камердинер Гаврила постарался.

- Передайте Гавриле… - Анна задумалась. – Передайте

ему, что он очень хороший человек.

Александр засмеялся.

- Он, кажется, и сам такого же мнения о себе. Ну что ж, воля ваша. Пусть ещё выше задирает свой нос и дальше немилосердно тиранит меня своими наставлениями.

Анна зажала ожерелье в ладони.

На балу она одна была без украшения на шее. От этого девушка чувствовала себя неловко.

В перерыве между танцами Анна вошла в дамскую комнату, остановилась у зеркала. Надеть?

Повернулась к горничной.

- Помогите мне.

Когда Анна вышла из уборной, её облик неуловимо изменился. Она была всё такой же худенькой и немного бледной, но…

Может, голубые камни отразили множество свечей, подчеркивая небесный оттенок её глаз? Может быть, лёгкий румянец выступил на щеках от волнения и жары? А может, к девушке вернулась радость от того, что жить на свете – прекрасно. Даже если плечи тяготят прошлые ошибки.

- Матушка, она в ожерелье!

- Вижу.

- Она обманула вас?

- Похоже, да. Вот и ещё один порок раскрылся, - Дарья Васильевна поджала губы и в изумлении покачала головой.

Глава 35

- Господин Лихачевский, как вы смеете приглашать меня на два танца подряд? Посмотрите, пожилые дамы склонили друг к другу головы, не иначе, нас осуждают, - но за улыбкой Кати не маскировалось настоящее возмущение. Наоборот, настроение её поднялось, как бывало неизменно, когда барон Лихачевский оказывался поблизости.

- Ах, Екатерина Георгиевна, посмотрите на свою сестрицу, она, кажется, вновь приняла приглашение господина Таруханова и от этого нисколько не смущена. А ведь за какой-то из колонн прячется её жених.

Катя невольно усмехнулась. Дерзость барона ей импонировала. Он умел называть вещи своими именами, не оглядываясь на чужое мнение, и умел это делать смешно.

- Тем более, сегодня последний бал. Теперь разъедемся по поместьям и увидимся не скоро. А я по вам непременно буду скучать.

Катя чуть испуганно оглянулась – никто не слышал? Легко стукнула веером по руке мужчины.

- Ах, как вы можете так говорить?

- Как я могу так думать? – лучше спросите вы. А ведь я сейчас очень искренен. Без вас вечера буду однообразны и неинтересны. Потому что большинство окружающих девушек слишком добродетельны и скучны.

И хоть Кате польстило, что такой видный молодой человек выделил её из толпы девушек, она всё же предпочла перевести разговор на нейтральную тему.

- Да, через несколько дней будем в пути.

- Поместье вашего батюшки, если не ошибаюсь, в Орловской губернии?

- Не ошибаетесь.

- А в каком уезде? Мой приятель Валенский где-то там проживает. Всё к себе в гости зовёт.

- Валенский? Кажется, что-то знакомое… - Катя смутно припомнила молодого человека и какой-то скандал вокруг него, связанный то ли с дуэлью, то ли с женщиной, а скорее всего и с тем, и с другим сразу.

- В последние годы он из своей деревни не выезжает. Так что, летом, может быть, я до него доберусь, и мы встретимся с вами на просторах Орловской губернии.

Катя смутилась, слова барона словно намекали на свидание.

- Думаю… папенька будет очень рад видеть вас в гостях, - торопливо пробормотала она.

И барон Лихачевский засмеялся. Громко и весело.

И ближайшая пара пожилых дам неодобрительно переглянулась.

- При чём тут ваш папенька?

Чуть прищуренные наглые глаза Лихачевского заставили щёки покрыться румянцем. Но ненадолго. Танец заканчи-

вался.

Вечером Катя открыла дверь в комнату сестры.

- Ещё не спишь?

Та не спала, сидела перед туалетным столиком.

Катя остановилась на пороге, с едва заметной улыбкой рассматривая младшую сестру.

- То помирать собиралась, а сегодня на балу шокировала всех пожилых сплетниц.

Анна поняла, что имела в виду старшая сестра. Повернулась к зеркалу. Всё верно.

Катя, оттолкнувшись от дверного проёма, словно заставляя себя, прошла дальше в комнату. На столике перед Анной лежало ожерелье.

- Ты его нашла?

- Да…

- Где же оно было? Валялось на полу у Добровестовых?

- Нет… Понимаешь, какая глупость… Оно лежало в моей бальной книжечке, - Анна врать не умела, покраснела и часто захлопала ресницами. – Я его только на балу и обнаружила. Матушка просила его для тебя, возьми.

Это могло быть и правдой. Мало ли?

Катя попыталась понять свою сестру. Но в последнее время это становилось всё труднее. Взяла ожерелье, полюбовалась голубыми переливами.

- И всё же нехорошо оказывать внимание мужчине, когда

помолвлена с другим. Тем более, на глазах у Григория Фёдоровича.

- Катя… я расторгну помолвку.

- Ты сошла с ума! Ты понимаешь, о чём говоришь?

- Понимаю. И теперь мне кажется, ещё понимаю, почему он так часто становится вдовцом. И Полина… Неужели ты её забыла? Ведь она была твоей подругой.

Катя нахмурилась. Не любила про это думать.

Полина последняя жена господина Усанова. Умерла чуть больше года назад.

- Ну, не совсем, конечно, подругой…

- Он их бил.

- Ты не можешь знать этого наверняка.

- Слух был. Но ведь он и сам почти сказал… Помнишь? Тут, у нас…

- Помню. А что же ты теперь решилась? Всё это время молчала.

- Мне было… Мне было так плохо, что казалось - всё равно… Лишь бы быстрее…

- А теперь стало лучше? – Катя едва не добавила язвительно, что улучшению самочувствия явно поспособствовало возвращение из заграницы Александра Андреевича.

- Да. Теперь я хочу… жить.

Через несколько минут Екатерина шептала на ухо матери ещё одну скандальную новость про младшую сестру.

Глава 36

- Дорогая, вы ничего не забыли? - Сергей Дмитриевич заглянул к жене.

Иногда излишняя забота раздражала. Особенно, когда она небеспочвенная.

- Кажется, нет, - Лидия Ивановна окинула взглядом полупустые полки и вешалки гардеробной.

- Тогда пойдёмте пить чай.

Но сам быстро посмотрел по сторонам, Лидия Ивановна это заметила. Значит, не доверяет. Значит, чай – это только предлог. На самом деле он хочет удостовериться, что она справилась со сборами в деревню.

Лидия Ивановна подавила раздражение. Трудно привыкнуть, что все её действия теперь будут контролироваться. Но она должна благодарить судьбу, что следить за ней будут любящие всепрощающие глаза. Её матери досталась худшая доля.

- Дорогая, ну что же вы… задумались?

Лидия Ивановна повернулась к мужу.

- Прости, я готова.

- А это платье? Почему вы его не взяли? – Сергей Дмитриевич коснулся вишнёвой ткани.

«Потому что я его ненавижу. Это платье - свидетель моего безумия. Потому что оно должно быть зелёным».

- Я думаю, в деревне мало поводов надеть его. Оно слишком нарядное.

- Ну что вы? Оно вам так идёт. Возьмите же его непременно.

- Хорошо… Я сейчас же упакую и его.

Лидия Ивановна быстро опустила глаза, чтобы муж не успел уловить их выражение. Не успел сообразить, что она думает по поводу его заботы о её нарядах.

Вспомнилось раздражение матери. Тогда оно казалось необъяснимым и обидным. Теперь такое же переполняло её изнутри.

Вечером зашла в спальню дочери. Таня уже лежала в кровати. Взглянула на мать, закрыла глаза.

Лидия Ивановна подвинула стул к изголовью, села.

- Хочешь, я почитаю тебе сказку?

Раньше Таня часто просила её об этом. Они отпускали мадемуазель Эмили, тесно прижимались друг к другу, читали и рассматривали картинки. Так заканчивался почти каждый их день.

Но теперь по-другому. И как раньше быть не может. Потому что раньше на низкой скамейке, у колен Лидии, сидела Маруся. Тоже слушала. И как-то так получилось, что перелистывать страницы доверили ей.

Теперь листать некому, вот и прекратились их вечерние чтения.

- Не хочу.

Лидия посмотрела на нежное личико дочери. Сказать? Вот уже несколько дней она колебалась. Боялась, что напрасная надежда ещё больше растревожит Таню.

Но… призрачная надежда лучше никакой.

- Я написала дяде. Он занимает очень высокий пост. Он многое может.

Таня приоткрыла глаза, хмуро поглядела на мать.

- Я попросила помочь найти Марусю.

Глаза девочки при последних словах широко распахнулись.

- И вот он прислал мне ответ… Он пообещал сделать всё, что в его силах.

Таня в каком-то немыслимом прыжке выскочила из-под одеяла, обхватила шею матери и крепко-крепко обняла её.

Лидия почувствовала, как по щекам потекли слёзы.

- Прости меня, малышка.

- Он её найдёт?

- Он сделает всё возможное. А возможностей у него много…

Лидия Ивановна не стала уточнять, что человеческие силы очень ограничены.

Не стала и делиться своими страхами, ведь Маруси быть может уже нет в живых.

Трудно выжить маленькой девочке на чужих бескрайних дорогах.

Глава 37

- Мы-то Ксеню сначала не отличали от других девок, ну ходит, пущай ходит. Ихнее дело такое… сиротское. Иные вместе ходят, а она всё одна да одна. Теперь, значит, нашла себе компанию. На ночёвку таких пущать не крепко спешим. Сама, небось, знаешь. Да летом оно и ни к чему. Зимой – другое дело. Но тоже не особо радуемся таким гостям. В сарай на солому пусть лезут, что ж делать? Тоже… не от хорошей жизни по дорогам колесят.

Дуня надолго задумалась, разогнула уставшую спину, посмотрела отрешённым взглядом в забор. Но, кажется, не забор ей виделся, а вереница сирых да обездоленных.

- Особенно детей жалко… - вздохнула тяжко, снова наклонилась над сорняками. – Да и девок тоже... Которые честные. А ведь стали воровки попадаться. Когдай- то было, чтобы хаты запирались? Бывало, палочку воткнёшь в щеколду, да и идёшь себе куда надобно. А теперь закрываемся, даже когда корову надо в стадо отвесть... Среди мужиков, что по дорогам ходят, всё больше пьяниц попадается. Тоже раньше такого не было. И где это они вино находят, чтобы столько пить? Не ведаю… К чему это я?

Дуня растерянно заморгала. Вспомнила.

- А… к тому, что не шибко во двор этих пешеходов пускают. А за Ксеней чуть ли не гоняются, к себе зовут.

- С чего бы это? – Нюра тоже выпрямила спину, поглядела на хозяйку.

- Да не простая это девка, а... И сказать не знаю как... Меченая, что ли?

- Меченая?

- Не то, чтобы рог на лбу торчал, или копыто под юбкой… А всё же отличается от других…

Дуня неопределённо покрутила в воздухе пальцами.

- Ведьма что ли? – в голосе бабки послышалось недоверие.

- Да… нет, вроде. А может, да… Кто знает? Но что-то с ней нечисто.

- Как это? – задала Нюра Митькин коронный вопрос.

- Говорит!

- Да мы все, вроде, разговариваем, - притворилась Нюра, что не поняла, хотя уже давно догадалась, к чему ведёт рассказчица.

- У-у, Нюра! Как услышишь, сразу поймёшь, что мы не так разговариваем.

«Уже слышала», - подумала бабка, но вслух не сказала.

- Как будто не она... Как будто другой кто-то. Бывало, только что Ксеня была как Ксеня, а потом глаззя вылупит, в них нету разума и начинает балакать, ажно волосы дыбом. И всю правду-матку как есть. Только не всегда в ней разберёшься...

- А что ж она? Ни с того, ни с сего начинает так-то заговариваться?

- Ну как ни с того, ни с сего? Днём от неё не слыхали. А всё по ночам. Вот люди и пользуются. Дожидаются урочного часа, а как она вскочит, как, скажи, полоумная, так люди давай ей вопросы задавать. Всем же хочется про свою судьбу узнать. Девки женихами интересуются, бабы – кто чем. У каждого свой интерес.

- И отвечает?

- Ну… не каждый раз, конечно, но отвечает. Иной раз не разберёшь. Мне вон сказала…

Дуня наморщила лоб, вспоминая.

- Специально выучила… Щас… А! Вспомнила! «Черпани борщом по лаптю!» Во как. До сих пор гадаю, чтобы это значило.

- Да-а уж, - удивилась и Нюра мудрёному предсказанию. – А может, ерунда всё это?

- Может, и ерунда.

- А ты бы спросила у Ксени, что её загадка означает.

- Так она не помнит ничего! Бабы начинают допытываться, она пугается и плачет. Как, скажи, память отшибает.

- А Акулина чего с палкой гонялась? Ей что не понравилось?

- А ей Ксеня другое сказала. «Мать бить – красным пламенем гореть».

- И что?

- Бьёт ли Акулина старую Фёклу или нет – не знаю, не видала, но орёт на неё… ох! Вот это сама слыхала. Да все

слышали. А недавно у них хата сгорела. Едва успели выскочить. Вот она и злобствует, думает, что Ксеня порчу навела… Правда, сама Акулина с того времени перед матерью присмирела.

- Знаешь, Дуня, - прищурила бабка глаз, - брешет Акулина, не думает она про порчу.

- А ты откуда знаешь?

- Кабы думала – не полезла бы с палкой драться. Побоялась бы. А вот отвести от себя недобрые слухи, мол, девка перехожая в моих бедах виноватая, оно самое то.

Дуня молча наклонилась над грядками.

- Можа, и так, - согласилась немного погодя.

Когда бабка возвращалась к своей речке, издалека увидела четыре фигуры на высоком берегу. Одна из них отделилась и побежала навстречу.

- Маруся… Ишь ты… Соскучилась… Хорошо, что я не с пустыми руками, а с гостинцами, - порадовалась Нюра.

Вечером всё приглядывалась к Ксене, а когда улеглись спать, долго ждала – прислушивалась. Может, что скажет.

И услышала:

- Барин Николай идёт… Сонину радость забрать.

Вот и пойми…

Глава 38

Стеша размазывала обидные слёзы по щекам и жаловалась сёстрам.

- Мамка опять наругалась. Даже за косу дёрнула. Дуркой обозвала. Сказала, что толку от меня, как от козла молока…

Девочка тяжело задышала. Кому понравится сравнение с козлом? И уж точно не хотелось расти непутёвой дуркой. Но как исправиться – не знала.

Сестрички, хоть и слушали, но сочувствием не сильно прониклись, потому что от роду им было чуть больше полгода. То, что старшая сестра, по мнению их матери, не отличалась умом, им было безразлично. Стешу они любили – и всё.

Дети сидели под яблоней и слюнявили хлебные корки. Стеша смотрела за ними, заодно рассказывая про горькую долюшку.

- Давеча ткнула пальцем в лоб. Вот такой вот косточкой, - согнула палец, пытаясь наглядно показать, что даже и пальцем можно нанести рану. И душевную, и телесную. – А что я такого сказала?

Стеша задумалась. Засомневалась. Может, она и вправду дурка? Есть одно дело, которое вызывает недоумение. Потому что очень чётко Стеша вспоминает одно, а мать утверждает другое.

Она точно помнит, что в начале зимы у мамки родилась

одна девочка, а потом, может, дня через два, другая.

Но мать сказала, что, если ещё раз услышит такую дурь, выпорет Стешу хворостиной, как кузькину мать. Или покажет кузькину мать. Стеша от расстройства не запомнила.

Вот девочка и недоумевала – как так? Кому верить? Себе? Своей голове и памяти? Или матери?

Хотела сунуться с расспросами к отцу, да вспомнила, что того как раз дома не было – ходил на дальнюю охоту. Ещё кабана тогда с мужиками принёс. Это же Стеша запомнила? Запомнила. Почему же запуталась в рождении своих сестёр?

Перевела зарёванные глаза на них. Судорожно вздохнула, но уже начала успокаиваться.

Ах, какие хорошие её сестрички. Обе беленькие, глазастенькие, а всё равно непохожие.

- Вот смотрите, что я помню… Помню, что был тогда вечер. Помню розовый снег. Это потому, что солнце его так раскрасило. А там, где солнце не доставало, он уже был синим. Холодным. Потом в хату пришла тётка с каким-то кульком. Мать меня прогнала во двор, наказала корову напоить. Я пошла поить, а сама спешила, хотелось послушать, что тётка скажет. Но когда вернулась в хату, тётки уже не было. А у матери родилась дочка. Я не помню кто… То ли ты, Маньша, то ли ты, Глая. Но точно одна. Мамка мне показывала… Личико красное, сморщенное, как у бабушки старенькой.

Стеша захихикала, потом заглянула в светлые глаза сестриц – не обиделись? Но сёстры не обиделись.

- Во-от. А вторая родилась уже потом. Не помню, сколько дней прошло. Я проснулась, а рядом с первой уже вторая лежит. Поняли? Я сначала пыталась запомнить, кто старшая, а кто младшая, а потом запуталась. Вы маленькие крепко похожие были. Это я теперь научилась вас различать. А мамка говорит, что вы родились сразу вместе… И что я дурка, - Стеша опять оттопырила нижнюю губу, но не заревела, сдержалась.

Маньше, видимо, надоело слушать сестру, она бросила хлеб и поползла по траве. Но Стеша её ловко завернула. Не хватало, чтобы девки расползлись. Тогда мать точно прибьёт.

- А ещё я что-точки видела… - Стеша перепуганно оглянулась, понизила голос. – Только это тайна. Её нельзя никому говорить. Мамка сказала – узнаю, что кому-нибудь проговорилась – убью. Вот я и молчу…

- Стеха! – пронзительный женский визг заставил подпрыгнуть Стешу и выронить кусок хлеба Глаю. – Ты куда глаззя вылупила? Куры все грядки перерыли…

Мать ещё долго кричала, но Стеша уже не слушала. Она рванула спасать всё, что ещё можно было спасти.

А Маньша и Глая глядели ей вслед и хлопали большими глазами. Голубыми и зелёными.

Глава 39

На следующий день бабка и Ксеня пошли в другую деревню. За речкой виднелась маковка церкви. Вёрст пять будет, определила бабка, прищурив глаз. Далековато, да не сидеть же на месте. Под лежачий камень вода не течет, и краюха хлеба сама собой не появится.

- Ты там бывала когда-нибудь? – прежде, чем тронуться в путь, поинтересовалась у Ксени.

Та долго хлопала глазами, вспоминая, потом выдавила тихое и виноватое:

- Не, за речку я ещё не ходила.

- Тогда пошли.

Митьку с собой не взяли. Страшно было девок одних оставлять.

А когда вечером уставшие возвращались, неся в узелке каравай хлеба, шмат сала и пучок зелёного лука, издалека на берегу увидели лошадь. Она мирно паслась, на спине высилось седло, рядом никого не было видно. У бабки сердце нырнула сначала куда-то в живот, обожгло внутренности, а потом ударило в шею.

- Никак, к нашим подъехали?

И ускорила шаг. А потом и вовсе чуть ли не побежала дробной рысью.

- Ксень, ты помоложе, беги… А то я пока доковыляю. Ка-

бы чего ни случилось.

Но ничего страшного не случилось.

Пока испуганная и задыхающаяся бабка рассекала быстрые струи холодной воды, прибрежные ивы медленно открывали мирную картину. Правда, непривычную. Потому что на росшем горизонтально стволе одной из них сидел незнакомый мужик.

Нет, не мужик, почти сразу поменяла своё впечатление Нюра. Барин.

Окинула быстрым взглядом остальных. Девки целы. Митька с Марусей сидят около костра рыбу чистят, Ольга неподалёку песок пересыпает в ладонях.

- Бабушка! – бросилась навстречу Маруся.

- Тихо, тихо, не лезь в речку…

Мужчина встал.

- Доброго тебе здоровьица, - усмехнулся он.

«Молодой… Красивый. Зубами так и сверкает… А чего ты сверкаешь? Чему радуешься?».

Бабка стыдливо опустила юбку, которую пришлось задрать выше колен.

- И вам доброго здоровьица, - пропела фальшиво, в ответ показывая свои редкие коричневые зубы.

- Я тут с охоты мимо проезжал. Что, думаю, за дымок вьётся? Завернул, а тут, оказывается, вы обосновались.

«Прогонит!» - ёкнуло у бабки.

- Предлагал мальцу утку зажарить, - указал на дичь, лежа-

щую некрасивой горкой неподалёку, - а он ни в какую. Бабка Нюра, мол, запретила чужое брать. Дай, думаю, дождусь Нюру, погляжу, что за бабка такая строгая. А ты вон какая.

«И чегой-то вздумал глядеть? Ай старушек не видел?»

- Вижу, вы люди хорошие…

Бабка и тут промолчала.

- Только нехорошо так-то по свету ходить… Или нравится?

- Да чего тут может нравиться? От хорошей жизни разве по миру ходят?

Бабка не хотела жаловаться, да разговор цеплял и уводил за собой.

- Митька мне рассказал про вашу долюшку.

Митька вскинул чуть удивлённый хмурый взгляд.

«Брешет… Не рассказывал Митька…».

- Вот я и надумал вас к себе позвать.

У бабки тут рот и раскрылся.

- Во-он моё село, - махнул он в сторону, откуда Нюра с Ксеней только что вернулись. – И в том селе хатка пустая стоит. Кривая да кособокая, зато ничья. Дед с бабкой недавно умерли. Заходите, живите.

- А… а… А у нас и деньги есть…

- Зачем мне ваши деньги? Себе оставьте.

- А как же?

- А так. Будет Митька ко мне на конюшню бегать. А? Будешь помощником конюха? Или коров стеречь?.. Девки бу-

дут работать…

- Не, девки не могут…

- Ба, я могу, - робко поправила Ксеня.

- Вот и живите себе… Это же лучше, чем по свету шататься?

- А…

- Ну, - барин встал, - мне пора. Если надумаете, найдёте меня там, - махнул он рукой за реку. - Господский дом увидите – не ошибётесь.

И барин пошёл через реку прямо в штанах.

- А утки? – закричала Маруся вслед.

Но барин лишь махнул рукой и не оглянулся. Потом, уже на противоположном берегу, всё же обернулся, но посмотрел не на уток.

Глава 40

- Вот такие невесёлые дела, Василий.

Александр замолчал. Непростой рассказ утомил, перевернул всё внутри, но и заставил по-новому взглянуть на себя и ситуацию.

Кто он? Получается, подлец. И будь это другой, Александр бы не протянул руку для пожатия.

Ему до последнего казалось, что всё простительно, что так получилось, что любовь и страсть заставили потерять голову – с кем не бывает?

А ведь можно взглянуть на это с другой стороны. С той, которая только что открылась.

Соблазнил невинную девушку, воспользовался её неопытностью, а потом благополучно убрался за границу. Девушке пришлось одной понести всю тяжесть последствий – беременность, роды, потерю ребёнка, потерю любви и уважения семьи. Во всяком случае, тех членов, которые оказались в курсе.

Долгая пауза и молчание собеседника не сразу проникли в сознание, а когда Александр понял, что Василий ничего не ответил, резко поднял глаза, готовый увидеть во взгляде друга презрение. Но к его удивлению, никакого презрения не было, а была лёгкая, почти весёлая усмешка.

- Что ты?

- А я вот смотрю на твою поникшую голову и удивляюсь.

- О чём ты?

- О тебе… Вот ведь счастливчик! А накрутил всего так, будто тяжелее доли и на свете нет.

- Счастливчик? – Александр не понимал.

- А кто? У кого денег – куры не клюют? Кто отхватил наследство старого скряги? Кого полюбила красивая девушка, умная и добрая, полюбила тогда, когда за душой не было ни гроша… Ну или почти не было. Девушка, с которой можно счастливо идти по жизни… У кого, наконец, уже есть дочь?

- Но вот как раз дочь моя неизвестно где…

- Верно. А ты бы хотел, чтобы судьба всё преподнесла тебе на блюдечке с голубой каёмочкой? Так что ли? А ты томно вкушал её подношения? Нет, брат, так не бывает. Надо и самому потрудиться.

И снова всё перевернулось в душе. Действительно, всё не так уж и плохо. Что это он расклеился?

С благодарностью взглянул на друга. Встал, протянул руку.

- Прощай… Признателен, что помог увидеть всё в истинном свете…

- Куда ты?

- Свататься. План такой. Я прошу руки Анны. Мы женимся, и я требую, чтобы Дарья Васильевна вернула дитя. Всё! Всё просто, - Александр чуть ли не потёр ладони от предвкушения скорого разрешения проблем.

Василий пожал руку. Проводил приятеля до дверей.

- Да нет… Не настолько просто. Кажется, что ты не всё учёл… - с лёгкой грустью произнёс он, когда дверь за Александром закрылась.

- Александр Андреевич! – Дарья Васильевна вскочила с кресла. Губы и подбородок её задрожали от возмущения. – Какая Анна? Вы забываетесь! Анна в скором времени выходит замуж! И прошу, больше не ищите её в этом доме. Моей младшей дочери здесь нет.

Глава 41

В душе Дарьи Васильевны всё клокотало. И не успокаивалось вот уже несколько дней.

Как из милой девочки выросло такое порочное чудовище? Когда? Где она, как мать, проглядела? Кто повлиял на её развитие?

Это хорошо, что Екатерина вовремя узнала, что эта неблагодарная желает расторгнуть помолвку. Это хорошо, что Дарья Васильевна успела принять меры, чтобы ещё раз попытаться спасти ситуацию.

Но всё чаще приходит желание махнуть рукой на судьбу Анны и воздать ей по заслугам.

И только материнское сердце, милосердное и терпеливое, всё ещё не желает идти на крайний шаг. Ведь тогда возврата не будет.

За окном застучали колёса экипажа. Дарья Васильевна отдёрнула штору. Неужто Георгий Лукич вернулся?

Из-за этой взбалмошной девчонки все их планы покатились кувырком. Пришлось отложить поездку в поместье. Появилась срочная необходимость другой поездки.

Георгий Лукич повёз непутёвую к бабушке.

А куда ещё? Ничего лучшего Дарье Васильевне в голову не пришло. Вернее пришло – монастырь. Постричь неугодную в монахини и пусть остаток жизни замаливает свои гре-

хи. Но это уже будет следующим шагом. А пока она попробует ещё раз устроить её судьбу. Последний.

Бабушка живёт в глухой деревне, в маленьком поместье.

Теперь, зная характер дочери, Дарья Васильевна не рискнула оставить её одну. Старушка не в счёт. За неблагодарной должен быть зоркий глаз. Поэтому пришлось пойти ещё на одну жертву, отправить вместе с ней верную Агафью. И теперь она без своей горничной, как без рук. И это обстоятельство отнюдь не прибавило тёплых чувств к дочери.

- Григорий Фёдорович! – ахнула Дарья Васильевна, когда ко крыльцу подъехала коляска не мужа.

Она сжала губы, задумчиво покачала головой, приготовившись к непростому разговору, и поспешила навстречу гостю. Что ему говорить, продумала уже давно.

- Дорогой Григорий Фёдорович, такая беда. Старая графиня Косанова, наша добрая родственница, прислала письмо с нарочным - заболела. У неё, знаете, возраст такой, что в любую минуту… А в Анне она всегда души не чаяла. Слёзно просила увидеться с правнучкой. Вот Георгий Лукич и повёз. Анна просила вам кланяться. И письмо…

Дарья Васильевна передала пакет, вскользь отмечая, что Григорий Фёдорович вовсе не выглядел расстроенным. Кажется, если этот брак и состоится, то только благодаря её невероятным усилиям.

Престарелый жених небрежно развернул бумагу, пробе-

жал глазами.

Дарья Васильевна украдкой заглянула через плечо, но без особого интереса. Содержимое прекрасно знала, ведь накануне это письмо писала Катя под её диктовку. Теперь беспокоило одно – насколько хорошо Григорий Фёдорович знает почерк своей невесты.

- Что ж, - сказал он, зевая, чтение, даже в малом количестве, вгоняло его в сон, - значит, увидимся осенью.

- Ну что вы! – горячо запротестовала Дарья Васильевна, опасаясь, что до осени её будущий зять ускользнёт, как песок между пальцами. – Вы непременно должны погостить у нас в поместье. Георгий Лукич настаивает. Если бы не его отъезд, он сам бы вам сказал. Но он обязательно пришлёт приглашение.

- Посмотрим, - милостиво согласился старый брюзга.

Глава 42

Это была ветхая и кособокая лачуга, но бабке она показалась лучше всякого дворца. Потому что во дворце она никогда не будет жить, а в этой лачуге…

Неужели у неё опять есть дом? Нюра не могла поверить в такое счастье.

И дом среди людей.

О землянке посреди леса она мечтала только потому, что думала, это единственное, что ей возможно иметь. А тут барин откуда-то взялся… Облагодетельствовал ни с того, ни с сего… За просто так отдал хату.

Бабка оглядела побуревшие брёвна, соломенную крышу и почувствовала, что готова полюбить каждый лопух и внутри забора, и в ближайшей округе.

Митька тоже посмотрел на забор. Выглядел тот таким же дырявым, как зубы у глубокого старца. И парень понял, откуда ему надо начинать своё мужское поприще. И глаза его не сильно испугались, похоже, не догадывались, сколько препятствий поджидает на этой стезе, а руки чуть-чуть чесались от нетерпения.

Маруся смотрела не без страха. Хибары в таком плачевном состоянии ей доводилось видеть и раньше, но только со стороны. Самой же привелось жить в господском каменном доме. И теперь она опасалась, что эта хата держится на по-

следнем ржавом гвоздике. И как только он треснет, рухнет и вся конструкция.

Сердце Ксени трепыхало. У неё теперь дом? На самом деле? Ей можно здесь жить? Сколько хочешь? В это уже можно верить?

А что в домах делают? Ксеня не знала. Нет, она, конечно, видела, как бабы у себя умело и шустро хозяйничают. А разве она сможет? Да она не знает даже, с чего начать.

С опаской поглядела на Нюру. Не рассердится та на неё за неловкость?

Не рассердится, догадалась.

Стало чуть легче.

А Ольга смотрела на гнездо под самой крышей. Оттуда торчала маленькая птичья головка и с опаской оглядывала пришедших. И пока та вертела головкой, пёрышки успевали блеснуть на солнце тёплым пятнышком. И это пятнышко согревало что-то у Ольги внутри.

Минувшей ночью долго не могли уснуть, обсуждали, нужно ли соглашаться на предложение барина. Если, конечно, принять во внимание, что все его слова – правда, а не издевательство, не бред сумасшедшего и он на следующий день не передумает.

Но серьёзному обсуждению очень мешали сомнения, что это как раз и есть или издевательство, или бред сумасшедшего, или барин всё же передумает.

Поэтому бабка сказала:

- Завтра пойдём и узнаем. А теперь неча говорить о пустом.

На этом и успокоились.

А на рассвете направились в сторону блестевшей на солнце маковки храма.

Ольгу на этот раз не стали укутывать в лохмотья, кто знает, может ещё придётся жить в этом селе, тогда нечего напрасного сраму на себя наводить, а прийти уж такими, какие есть.

К господскому дому подходили с волнением.

- А если как выскочит барин, да не тот, что вчера был, а совсем другой, и как заорёт? А то ещё палкой побьёт? – хлопала огромными от страха глазами Маруся.

- А вы побудьте здесь, на околице. Я одна схожу, - предложила бабка.

- Нет уж. Пойдёмте вместе, - не одобрил Митька. – А ты не бойся. А то крепко трусливая…

- Ладно… Не буду…

Но на хозяйском дворе путников встретил не хозяин, а управляющий.

- Занят Николай Гаврилыч. А про хату он мне говорил. Пойдёмте.

И широко зашагал по пыльной дороге.

Путники, не успев отойти от изумления, поспешили следом.

Идти пришлось долго. До самого конца деревни. Там управляющий ткнул перстом в крайнюю развалюху.

- Обживайтесь.

И повернул назад. А они остались.

Долго стояли и смотрели. Наконец не выдержала Нюра.

- Пошли, - и сделала шаг.

Дом встретил дряхлой калиткой, которая скрипела и открывалась с большой неохотой, злющей крапивой и запахом старого дерева.

- Ну что? – чуть растерянная Нюра оглядела своих спутников. – Давайте обживаться?

И каждый повернул туда, куда повернулось.

Митька пошёл во двор. Был он тоже заросший, но всё же пробраться можно. Подошёл к сараю. Закрыт на замок. Ключ на чёрной верёвочке бесхитростно висел тут же. Замок - хороший знак, значит, внутри наверняка что-нибудь есть.

Долго возился, открыл.

Внутри сухо, тепло и сквозь щели льются солнечные лучи. В углу разглядел кое-какой инструмент. Поколебался, с чего начать. Потянулся к косе. И хоть никогда ещё в своей жизни не косил, что с того? Никто же об этом не знает. А он прямо сейчас и начнёт пробовать. И первым делом негостеприимную крапиву вышвырнет вон со двора.

Тем временем Нюра полезла в печку. Так… Грязи, конечно, полно, но это подождёт. Сначала разжечь – не дымит? А

потом за глиной в ближайший овраг. И за водой. Где колодец? Где вёдра?

- Ба, - прибежала Ксеня.

- Чего тебе? – высунулась из устья чёрная от сажи Нюра.

- Там грядки. Там репа растёт… И капуста. И ещё что-то. Заросло только.

- А кто посадил?

- Не знаю. Может, дед с бабкой, которые умерли?

- Наверное…

- Я прополю?

- Давай.

И Ксеня побежала назад. Потом вернулась.

- Ба, крикни мне, если нужно будет что-нибудь помочь.

- Крикну, - голос Нюры из печи прозвучал глухо и таинственно.

А Маруся вышла в сад. Так себе сад – три яблони и кусты крыжовника у плетня.

Девочка подошла к плетню. Был он немного повыше её. Она стала на цыпочки и заглянула через забор. А оттуда на неё глянули светло-серые и тоже любопытные глаза.

- Ой, - Маруся от неожиданности присела.

- Ой, - ойкнули с той стороны.

Потом наступило долгое молчание. Маруся боялась пошевелиться. Наконец из-за плетня пропищал тоненький голосок:

- А тебя как зовут?

- Маруся, - едва слышно пропищала в ответ.

- А меня Стеша. Давай дружить?

- Давай!

И Маруся поняла, что эта хата вовсе не страшная. И в ней она будет жить. А если Митька постарается, то крыша не свалится им на головы.

Глава 43

- Мадмуазель Эмили, я думаю, можно отменить занятия в ближайшие дни. Пусть Таня привыкнет к деревне.

Накануне поздно вечером они прибыли в своё поместье, с утра Таня бегала по полюбившимся с прошлого лета местам, ловила кузнечиков, нюхала цветы.

- Хорошо, Лилия Ивановна, - молодая француженка сделала книксен.

- Ступай.

Лидии Ивановне было неприятно.

Неприятно смотреть на молодое смущённое лицо, неприятно разговаривать. Мадмуазель Эмили стала ей неприятна.

Она уже некоторое время наблюдала её жеманство в присутствии Сергея Дмитриевича. Сомневалась, связано ли это с женским кокетством или, ещё хуже, с некоторой влюблённостью в хозяина.

Романы между отцами семейств и гувернантками временами шокировали общество, но Лидия была уверена, что эта беда обойдёт их стороной. А накануне отъезда, войдя в комнату, уловила слишком тесное соседство между мужем и мадмуазель. И то, что та резко дёрнулась, и краска смущения, залившая не только лицо, но и шею, всё это подтверждало неприятную догадку.

Поведение мужа в глазах Лидии было безупречным.

Конечно, в последнее время он не всегда бывал настолько великодушен, как раньше. Вот и Тане рассказал про Марусю. Про то, что она прогнала девочку во время очередного приступа. Но ведь терпению даже самых мужественных людей наступает предел. Что уж тут обижаться!

А теперь такая неприятность с гувернанткой. Лидия не думала, что Сергей как-то поощряет бедную девушку, и уж, конечно, ни в малейшей степени не отвечает ей взаимностью.

Он слишком воспитан. Он благороден. Его внутренние установки строгие и правильные. И это когда-то привлекло Лидию, показалось надёжным.

А после того, как мир покачнулся от болезни матери, как рухнули его основополагающие устои из-за особенностей этой болезни, когда оказалось, что главный враг может скрываться внутри, Лидии, как никогда, была необходима его надёжность и здравый смысл.

Нет, Сергею Дмитриевичу она доверяет. Он по-прежнему безупречен в её глазах. Да и, честно говоря, не настолько мадмуазель красива, чтобы заставить благородного человека забыть о своём долге.

Лидия с некоторой жалостью вспомнила мелкие невзрачные черты лица гувернантки. Вздохнула. Всё же этой осенью придётся с ней расстаться. Это её долг. Не хватало ещё, чтобы Танюша что-нибудь заметила.

Ужаснулась от этой мысли. Вот так, наверное, и зарожда-

ются первые ядовитые брызги душевных болезней.

А как у неё всё начиналось? Задумалась…

До недавнего времени ей и в голову не приходило, что она может пойти по стопам матери. Потом начались странности.

Однажды Лидия услышала звуки. Над головой. На чердаке. Что-то невнятное. Она подумала, что слуги что-то там делают.

Но когда в последующие дни звуки стали повторяться, сказала Сергею. Тот расспросил слуг, но никто на чердак не поднимался, ничего не слышал. То, что не слышали, было не удивительно, комната Лидии находилась в боковом крыле, а шум был над комнатой. Сергей не поленился – сам поднялся, нашёл кучу старинных предметов в сундуках, показал жене, ничего подозрительного не обнаружил.

А следующим вечером над головой разыгралась настоящая драма, если не трагедия. Лидия ясно услышала тяжёлые шаги, женское бормотание, а потом женские приглушённые крики.

Испуганная Лидия бросилась за помощью. Мужа дома не было, нашла его камердинера. Пока тянула за руку перепуганного старика к лестнице на чердак, пыталась что-то втолковать. После ей было стыдно за этот свой переполох.

К счастью, вернулся Сергей Дмитриевич, слуги ещё в дверях предупредили его, что Лидию Ивановну кто-то страшно напугал, на лестнице он и нагнал жену и камердинера.

Втроём они поднялись на чердак – Лидия ни за что не со-

глашалась вернуться в комнату. Без мужа ей там было страшнее.

Когда освещали углы, густо затянутые паутиной, Лидия готова была увидеть женское тело. Или следы борьбы. На худой конец, брызги крови.

Не было ничего. Кроме пауков, старых сундуков и толстого слоя пыли.

Тогда-то она и уловила напряжённый взгляд Сергея. Внимательный. Добрый. И печальный.

Но она недоумевала. Почудилось? Так не бывает. По крайней мере, с ней точно такого не было. Но как понять? Случившемуся должно быть разумное объяснение.

Она не смогла найти объяснений, так и жила с этой загадкой. Правда, недолго… Потом стало ясно…

Лидия тяжело вздохнула, пошла по садовой дорожке. Но розовые кусты напрасно протягивали ей свои бутоны, перед мысленным взором всё ещё стоял сумрачный чердак.

Внезапно она остановилась.

Но ведь… Она же туда возвращалась… Или нет? Или только собиралась туда вернуться?

Лидия наморщила лоб, силясь вспомнить.

Она точно собиралась обследовать всё основательно… Выбирала день, когда наверняка ей никто не помешает. Выбрала. В тот вечер Сергей Дмитриевич ушёл на какое-то своё «благородное собрание».

Но поднималась ли она?

В голове мелькали смутные неясные обрывки видений. Свеча… страшно… бумаги… гроза… матушка…

То ли сон, то ли явь – не разберёшь.

Так ведь в эту ночь она прогнала Марусю!

И в эту же ночь упала, разбив голову…

Сергей нашёл её, лежащую на полу, отнёс в спальню. Послал за доктором… После она неделю не могла встать с постели, была совсем больной.

О-о-о, опять затошнило… Ничего толком не вспомнила, но настроение и самочувствие упало ниже некуда. Как, впрочем, каждый раз, когда она пыталась разобраться в своих бедах.

Сергей
Дмитриевич

Глава 44

- Ба, барин приехал.

- Да ты что? – Нюра чуть не свалилась с шаткой конструкции, которую приспособила вместо лестницы. Она обмазывала глиной заднюю стену избы.

- Ба, иди.

- Иду, - Нюра нащупала ногой землю, осторожно ступила и заторопилась к деревянной кадке с водой. – Сейчас, руки ополосну… Сейчас…

За несколько дней хата преобразилась.

Во многом она осталась прежней – ветхой, покосившейся, низкой. Но выглядела уже не унылой развалюхой, а принарядившейся старушкой, которой ещё жить да жить.

Нюра натаскала с ближайшего оврага глины и вымазала сначала переднюю стену, а потом понравилось, пошла по кругу.

Мимо шла какая-то баба, подсказала, где можно набрать мела. Далековато, правда, вёрст десять вдоль реки, но Ксеня с Марусей сбегали. И теперь передняя стена радовала глаз.

- Прямо сияет, - всплеснула руками Ксеня.

- Ба, она становится всё белее и белее, - удивилась Маруся. – Отчего так?

- Оттого, что сохнет, - непонятно объяснила Нюра.

Но Маруся не стала уточнять. У бабули и так забот полон

рот, нечего к ней приставать.

Митька с Ксеней выдрали всю крапиву во дворе. Потом Ксеня сама сообразила метлу и вымела, вычистила всё, стало чисто, как в хате.

А Митька покосил траву перед забором, и теперь муравушка мягко стелилась под босыми ногами.

Ольга босиком совсем не умела ходить. Если не было лаптей, она просто стояла на месте. Но по такой мягкой траве, какая у них получилась перед хатой, даже она сделала несколько осторожных шагов.

Забор Митька сначала хотел подремонтировать, но дряхлые жерди разваливались от крепких ударов молотка, поэтому он плюнул и сломал его совсем. А потом с девками сходили в овраг за лозой. Каждый притянул по вязанке тонких гибких жердей и получилась целая куча материала. Вот из неё стали сооружать новый плетень.

Вначале приходилось часто бегать к соседским плетням, смотреть, как они держатся. Потом поняла суть, работа пошла веселей.

Так что, когда подъехал барин, избу можно было узнать с трудом.

Николай Гаврилович сидел в бричке, откинувшись на мягкую спинку, и с усмешкой поглядывая на своих подопечных, которые выходили к нему кто откуда. Митька побежал за бабкой.

Возница слегка присвистнул, оценивая преображённую

хату.

- Быстро же они.

Это был молодой красивый парень. Но взгляд его не долго задержался на обновлённых стенах, скользнул к лавке.

На лавке сидела Ольга и не обращала внимания ни на кучера, ни на барина, ни на их кобылу. Взгляд её был устремлён поверх цветущего луга, который начинался сразу за их хатой, на темнеющую полоску леса вдалеке. А может, ещё дальше.

Прибежала Нюра со двора. Лицо её и одежда были щедро облеплены брызгами уже высохшей глины.

- Доброго вам здоровьица, - низко поклонилась она. – Не прогневайся, барин, что мы тут хозяйничаем.

- Хозяйничайте на здоровье. На работу надумали выходить?

- А как же? – заторопилась бабуля. – Я хоть завтра.

С тоской оглянулась на свой дом. Эх, тут ещё работать да работать, а уже некогда. Теперь надо на барина потрудиться.

- Ну тогда приходите завтра на хозяйский двор, определим кого куда.

- Придём, барин. Я приду, да Митька, да Ксеня, - бабка пальцем показывала, кого она имеет в виду, чтобы заодно познакомить.

- А эта барышня? – усмехнулся он в сторону Ольги.

- А она, барин, болящая. Не может.

Конюх повернулся, сказал что-то своему хозяину.

- Ну смотрите сами, - легко согласился Николай Гаврилович. – Поехали, Степан.

- Погоди, барин. Не прогневайся, но крепко мне хочется заплатить за хату. Постой уж минуточку.

И бабуля шмыгнула в сени. Вскоре выскочила обратно, на ходу развязывая тряпку.

- Вот, барин, - протянула золотую монету.

- Где взяла? – Николай Гаврилович остро глянул на бабку.

- Да Ольге нашей посчастливилось в лесу найти…

- Далеко?

- Далеко, барин.

- Ну давай, раз так хочешь. Поехали, Степан…

И коляска запылила по дороге.

- Фух, - облегчённо выдохнула бабуля. - Теперь хорошо.

- А что хорошо? – поинтересовалась Маруся.

- Теперь уже хата по-настоящему наша. Поняла? Мы её только что купили. Теперь, даже если барин передумает, выгнать нас он не сможет.

- А он передумает? – испугалась Маруся.

- Да не… Это я так. На всякий случай. Чтобы спокойней было. А барин, вроде, хороший… Добрый…

Митька быстро глянул на бабку, но промолчал. Барин ему не понравился. Но он и сам не понимал почему.

- Слышь? Степан? Что ты там бубнил про эту девку?

- Так я говорю, что она дурочка. Куда ей работать?

- Дурочка? А ты откуда знаешь?

- Так люди говорят. Мужики уже тропинку вытоптали к ихней хате. Всё желают посмотреть на неё. Да напрасно… Красивая, а толку нету. Дурочка, одним словом.

- А может, просто немая?

- Не-е, говорят, что дурочка.

У молодого барина по губам скользнула лёгкая усмешка. Дурочка… Дурочка – это хорошо.

- Марфа, - крикнул он ключницу поздно вечером.

- Что, барин? - скоро явилась та.

- Приготовь к завтрашнему полудню комнату для гостей.

- Ай кого ждёте?

- Да. Барон Лихачевский собственной персоной.

- Батюшки! Слухаюсь, барин.

«Наконец соизволил принять приглашение, - порадовался Николай Гаврилович. - А то от скуки подохнуть можно. А с Лихачевским всегда весело».

Глава 45

В деревне Нуварицкие вздохнули с облегчением. И никто не признался себе, что виновницей этого самого облегчения стала Анна. Вернее, её отсутствие.

Георгий Лукич вовсе не размышлял о причинах своего, теперь уже, доброго настроения. После поездки к старой помещице его не трогали. Дарья Васильевна не толкала в бок, не заставляла делать какие-то усилия – уже хорошо. Можно спокойно посидеть в саду за рюмочкой хорошего вина, откушать деревенского изобилия и вздремнуть на свежем воздухе. Чего ещё можно от жизни желать?

Дарья Васильевна наконец оставила неприятные хлопоты, связанные с неблагодарной дочерью, и занялась приятно-волнительными. Этим летом надо обязательно устроить судьбу Екатерины. Слишком много времени она потеряла, пока возилась с Анной. Бедная Катя оказалась почти в стороне от материнских забот, вот до сих пор и не замужем. А ведь такая достойная девушка. Сложно перечесть все её душевные сокровища и внешние положительные качества. Но без должного материнского участия даже такая прекрасная девушка может растеряться.

И Дарья Васильевна мысленным взором алчно окинула округу в поисках подходящего жениха.

Александр Андреевич. Чуть не поперхнулась при воспо-

минании об этом молодом человеке.

Сколько раз она была готова раскрыть ему своё материнское сердце, после того как он получил наследство, разумеется, но этот упрямец всё посматривал в сторону неблагодарной. Сам, видимо, такой же.

Но в деревне круг знакомств очень ограничен. Александр Андреевич – ближайший сосед, приехал в поместье деда, теперь уже, получается, своё, и в последнее время дня не проходило, чтобы он не навестил их.

Что ж…

Дарья Васильевна задумалась.

Когда он посмел расспрашивать об Анне, она изрядно разгневалась. Но теперь готова… оставить своё неудовольствие. Катя так повеселела.

Хорошо, она позволит им это общение. Пока… Пока не найдётся лучший кавалер.

Кто ещё?

Валенский Николай… кажется, Гаврилович. Может, остепенился? В городе не всякое уважающее себя семейство откроет перед ним свои двери. А уж в семействах, где есть дочери на выданье, подумают, и не раз, прежде чем пустить на порог. Но вращаясь в однообразных помещичьих кругах, встречаться придётся и с ним.

Нужно ли Катю предупредить? А впрочем, она слишком благоразумна, чтобы увлечься недостойным молодым человеком.

Но богат… И поэтому маменьки не прочь заполучить его в зятья. Вот только он, насколько разобралась Дарья Васильевна, не очень стремится в узы брака.

Графиня вздохнула. Не такое уж лёгкое начало у её намерения устроить судьбу дочери этим летом. А впрочем, рано ещё вешать нос. В свои поместья помещики только начинают возвращаться. Впереди уйма возможностей.

Кстати, где Катя? Гуляет в саду с Александром Андреевичем?

Дарья Васильевна прошлась по садовой дорожке, увидела у пруда дочь с молодым человеком, повернула назад.

- Да что заграница? – чуть улыбнулся Александр. – Краше родного края нет ничего. Вот и Орловская губерния. Стоит выйти за околицу любого села, оглянуться – дух захватывает от зелёных просторов.

- О, вы совершенно правы. Мы прошлой осенью с маменькой путешествовали по Европе, но домой вернулись с удовольствием.

- А где вы бывали у нас? В каких места путешествовали? – с живым интересом откликнулся Александр. – О, непременно расскажите. Даже о самой, казалось бы, незначительной поездке. Мне очень интересны ваши впечатления.

- Все? – немного растерялась Катя. Но говорить о себе было безумно приятно. Она задумалась. – Тогда начну с детства…

Александр с улыбкой внимал. Глаза его доброжелательно смотрели на девушку. И Екатерине казалось, что она остроумно и красочно делится своими впечатлениями, заодно демонстрируя красоту.

Кате и в голову не пришло, что за внешней мягкостью скрываются цинизм и жёсткость. Александр пытался понять, куда Нуварицкие могли спрятать свою младшую дочь.

Глава 46

Бабуля, Митька и Ксеня ушли. Теперь они почти каждый день отправлялись на работу, а Маруся оставалась за хозяйку.

Первым делом убирала со стола. Плошки, чашки и другую посуду укладывала в деревянную кадку, заливала тёплой водой из чугунка, и пока они отмокали, протирала тряпкой деревянный стол без скатерти. Скатерти пока нет.

Бабуля думает, что пора сходить в город, потратить последнюю монету, купить одежды и чего-нибудь ещё, да всё никак не решается, боится, что обманут.

Митька с Марусей её каждый вечер убеждают, что ничего страшного не случится. Надо просто смотреть во все глаза и, если что, убегать без оглядки.

Но бабуле такой вариант не кажется надёжным, поэтому со дня на день откладывает поход. Но откладывай – не откладывай, а девки скоро голыми коленями сверкать будут – до того одежда прохудилась, а заплаток не из чего нарезать, ничего лишнего уже нет.

Вот она и решилась отпроситься у хозяина, заодно и Митьку с Ксеней отпросить, чтобы всем вместе идти.

Маруся с Митькой ждут не дождутся этого дня. Правда, за один день вернуться не получится. За день только туда дойдут. Там, где-нибудь возле города переночуют, с утра на

базар, а потом домой.

Митька никогда в городе не был, и Маруся в подробностях ему обо всём рассказала. И про большие дома. И про дороги, покрытые деревянными досками, а кое-где даже камнями. И про извозчиков. И про свою хозяйку.

Она многое знала про город, одного только понять не могла – это тот самый, где она раньше жила или другой? Но спросить не у кого.

Девочка выглянула в сад – где Ольга?

Окна маленькие, волоковые, расположены высоко. Марусе приходилось лезть на лавку, а так не доставала.

Через дыру в лицо приятно ударило тёплым воздухом, светом и ароматом лета. Ольги не было видно.

Бабуля теперь не разрешала ей сидеть на улице. Вся деревня, как с ума посходила, все идут и идут мимо девки. Кто на красоту необыкновенную посмотреть, кто подразнить и посмеяться.

Маруся бросила ложки, выскочила во двор. Где Ольга?

Вот она. Сидит. Ветер играет с берёзовыми листьями, тени пляшутся по земле, Ольга любуется.

Ну раз уж Маруся выскочила во двор, то теперь надо поглядеть, что Стеша за забором делает.

В одном месте девочки продырявили щель, чтобы сквозь неё смотреть друг на друга. Вот Маруся в неё и заглянула.

Стеша сидела с сестрами под своей яблоней. Она там часто сидела. Мать с отцом уходили на барщину, а Стеша оста-

валась дома с детьми.

- Стеша, - порадовалась Маруся, позвала в дырку.

- Маруся, ты уже всё? – обрадовалась и Стеша. Ещё бы! Со вчерашнего вечера не виделись.

- Почти… - оглянулась Маруся. – Осталось только в избе подмести да посуду вымыть и вытереть.

Теперь до обеда Маруся свободна. Позже надо будет похлёбку варить.

- Потом ко мне прибегай.

- Ага.

У Стеши тоже забот хватает. Но с малыми девками ей одной трудно. А теперь, когда подружка рядом, у них всё быстро получается. Пока Маруся за детьми смотрит, Стеша кормит кур, рвёт траву для свиньи и вычищает сарай после Зорьки.

- Давай сегодня опять на озеро сходим.

Бедной Стеше до того дома надоело сидеть, что теперь, когда появилась возможность гулять по деревне и вокруг, ей не терпится выйти за калитку.

Девочки приспособились гулять вместе с малышами. Маруся брала на руки одну, Стеша другую, звали за собой Ольгу и шли.

Но с Ольгой гулять нужно подальше от людей, вот и выбирали малохоженые тропки.

А недавно побывали на озере. Так себе, конечно, озеро. Скорее большая лужа, грязная и облюбованная гусями. Но

гусей не трудно прогнать.

Зато в этом озере можно покупаться. Воды, правда, чуть выше колен, но это если ногами ходить. А если руками – то получается очень даже глубоко.

И ещё в этом озере было множество головастиков, маленьких и приятных во всех отношениях.

- Пойдём, - согласилась Маруся.

На озере и ей хорошо. Там кусты с прохладными тенями и лёгким ветром. Там крупная ароматная земляника прямо под ногами. Девочки оттуда никогда не возвращались с пустыми руками. Приносили зверобой – чай заваривать, землянику – в чай добавлять, щавелю – похлёбку варить. Сложно перечислить, сколько от озеро получалось пользы. Правда, домой нести природные дары было непросто. Но что делать? Зато свобода. Такая вот сложная.

- Ты кого сегодня понесёшь?

Маруся поглядела на малышек. Обе хороши. Присела на корточки между девочками, позвала пальчиками. В ответ потянулись маленькие ручки.

- Маньшу, - обрадовалась Маруся, что и её выбрали.

- Тогда я Глаю. Пошли.

Самое трудное было позвать за собой Ольгу. Обычно, чтобы куда-то идти, её брали за руку и слегка тянули. Она сначала перебирала ногами нехотя, спотыкалась, потом приноравливалась и уже шла сама.

Но теперь руки у девочек были заняты, приходилось

звать. А это дело нескорое.

- Ольга, пошли! - Стеша пыталась поймать взгляд девушки. – Почему она никогда в глаза не смотрит?

- Не знаю, - вздохнула Маруся. – Оля, вставай. Поднимайся. Давай-давай.

- Пошли!!! Пошли!!

- Меня она всегда плохо слушается. А вот Митьку хорошо.

Наконец Ольга, кажется, поняла приказ, неохотно встала и сделала неуверенный шаг.

- За нами… За нами, - подсказала Маруся, и компания повернула к лесу. Там, у самой опушки, с утра гоготали гуси. Пусть гогочут и плавают, пока они идут, потом будет их черёд бултыхаться в грязной воде.

Правда, девочки делали это тоже по очереди. Кто-то всё время должен был сидеть с детьми на берегу. А как же? Они не дурочки, понимали, что даже такой лягушатник может быть опасен.

Глава 47

- А почему Ольга какая-то не такая? Она чья дочка? Бабки Нюры?

- Мы вообще ничьи. Каждый сам по себе… Просто нашлись по дороге… А про Ольгу совсем всё непонятно. Бабуля говорит, что на ней лежит какой-то глаз.

- Может, сглаз?

- Точно. И какая-то порча.

Стеше приходилось слышать такие страшные слова. Она с новым интересом поглядела на красавицу. Та сидела, смотрела на хрупкий колокольчик.

- Она вовсе не похожа на обычных девок.

- Ага. Она больше похожа на заколдованную царевну.

И то ли ветер слишком сильно дунул, то ли страх пробежал по спинам мурашками, обе девочки зябко поёжились.

- А может, и вправду?

Ольга улыбнулась одной ей ведомой причине, наклонила голову набок.

- Маруся, а ведь у нас в лесу живёт одна ведьма…

- У вас?

- Ну… не совсем у нас. Далеко, в колдыбани. Может, она смогла бы расколдовать Ольгу?

- Правда? – Маруся первым делом обрадовалась, а потом задумалась. Страшно. – Страшно, - сказала вслух.

- Конечно, страшно.

- А ты дорогу знаешь?

- До колдыбани знаю. А дальше нет.

- А сможешь узнать?

- Ты бы пошла?

- Одна? – ахнула Маруся.

- Ну, может, со мной. Только надо дождаться, когда мамка с барщины придёт. Она меня, правда, не отпустит. Но я не отпрашиваясь убегу. Только тогда придётся вечером идти.

- А тебе ж попадёт, - по соседству было слышно, как тётка Фетинья орёт по вечерам на свою старшую дочь.

- Попадёт, - согласилась Стеша. – Только… только ты мне каждый день помогаешь. Что ж я тебя одну брошу? А ты не забоишься?

И среди белого дня, при светлом солнышке Маруся стала озираться. Мир как будто изменился. Стал немного приглушённый и потускневший. Словно что-то невидимое окутало место, где они сидели. Невидимое… жуткое… враждебное…

Но тут послышались голоса, и наваждение пропало.

- Глянь… Едет кто-то.

- Это наш барин.

- И правда, - теперь и Маруся узнала господина Валенского верхом на коне. – С кем это он?

- Наверное, с бароном. К нему какой-то барон приехал.

- Принц, что ли?

- Не… Наверное, просто барон.

- А… Глянь, к нам, кажется, поворачивают?

Девчонки встали, приветствуя господ, неловко поклонились.

- … про эту я вам рассказывал, - услышали они обрывок разговора.

Подъехавшие господа на девочек взглянули лишь мельком, на малышек, сидящих под кустом на Стешином платке, вовсе не обратили внимания, а уставились на Ольгу.

- Что скажите? – поинтересовался Николай Гаврилыч у своего спутника.

- Я… её знаю… Кажется…

- Что? Знаете? Кто же она?

- Нет… показалось… Не пойму.

Барон спешился, отпустил узду, и конь тут же наклонил морду за травой. Мужчина подошёл чуть ближе к Ольге.

- Впечатлён… Нет, эту девушку я, кажется, не видел… Или…

- Да, мой друг, я вижу ваше впечатление, - засмеялся Николай Гаврилыч. – Сам то же чувствовал. Потому и не смог упустить такую красоту. Заодно и этих приобрёл, - кивнул он на девочек. – Хотя нет… Эта, кажется, моя и была, - задержал он недолго свой взгляд на Стеше. – Ну-ка, девки, брысьте отсюда.

Маруся и Стеша растерянно переглянулись. Как это брысьте?

- Мне бабка Нюра не велела Ольгу бросать, - робко возразила Маруся.

- Слыхал? Ольга!

- А откуда она? – барон всё ещё хмурил брови, пытаясь понять, почему лицо девушки ему кажется смутно-знакомым.

- Сказали, что подобрали в лесу. Вместе с золотым червонцем, кстати, - засмеялся Валенский. – Что-то мне ничего похожего в лесу не попадалось.

Мужчины, не сговариваясь, уселись по обе стороны от Ольги.

- Девки, - оглянулся Николай Гаврилыч на девочек. – Вы ещё тут? Ну-ка ягоды вон под теми кустами соберите. Бегом, пока косы не выбрал. Да малышню свою забирайте, - чуть брезгливо покосился на детей.

Делать нечего… С тяжёлым сердцем Маруся взяла на руки Маньшу, Стеша- Глаю, отошли на несколько шагов и оттуда с тревогой уставились на господ.

Ольга теперь не смотрела на колокольчик. Она напряглась, побледнела, уставилась перед собой и часто-часто заморгала.

«Сейчас заплачет!» - догадалась Маруся.

- Почему Оленька, вы такая грустная? Неужели заскуча…

И Ольга закричала, заплакала. Да так горько, что у жалостливых Маруси и Стеши слёзы градом покатились по щекам, а малые сёстры поглядели на своих нянек, скривились и заревели, уже не стесняясь, на всю округу.

- Вот ... – с досадой выругались господа помещики, подхватились, сели на коней и поскакали восвояси.

Когда немного погодя возвращались домой, Маруся сказала подружке:

- Разузнай, как до вашей ведьмы добраться…

- Пойдём? – ахнула та.

- Пойдём… Вот вернёмся из города и сразу пойдём.

Вечером Нюра пошла на поклон к хозяину. К её удивлению, он легко отпустил на три дня и Нюру, и Ксеню, и Митьку.

Ольгу и Марусю Нюра не отпрашивала – ведь они же не работают, значит, хозяину не интересны. Потому и застигло Николая Гавриловича разочарование, когда проезжая следующим вечером мимо крайней хаты, заметил крепко-накрепко воткнутую в щеколду толстую палку.

А на барона Лихачевского напала бессонница. По ночам стал долго ворочаться на мягкой перине, не находя себе удобного положения. А всё потому, что перед глазами стояло прекрасное девичье лицо. И в голове крутился вопрос: «Где я мог её видеть?»

Глава 48

- Дорогая, я не сильно вас потеснил?

- Что?

- Лидия, я чувствую, вас что-то тревожит. Опять голова болит?

- А нет, я просто задумалась. Такие красивые луга.

- Давайте остановимся, и я нарву вам ромашек с колокольчиками.

Лидия Ивановна с благодарностью улыбнулась своему доброму мужу.

- Может, на обратном пути?

- Конечно. А то, пока будем в гостях, цветы завянут. Но мне и без букета понятно, что самый красивый цветок в округе сидит рядом со мной.

Лидия засмеялась такому неуклюжему, но милому комплименту, хотя ей было не до смеха.

Этим днём чуть ранее у неё снова был приступ. Страшное видение. А началось всё так неожиданно.

Она сидела на террасе с книгой в руках, но читать вовсе не хотелось. Хотелось смотреть и наслаждаться тёплым солнечным деньком.

На садовой дорожке показалась мадмуазель Эмили. Татьяна уснула, и француженка чуть ранее попросила разрешения нарвать ландышей, чтобы украсить свою комнату. И вот,

кажется, идёт к ней показать букет.

Цветы она поместила в корзину. Получилось довольно много. Лидия удивилась – зачем столько? Но промолчала.

- Мадам, разрешите с вами поговорить.

Мадмуазель выглядела взволнованной. Она краснела, бледнела и дрожала.

- Да, конечно… - Лидия вмиг забыла обо всех прелестях лета и о своей жалости к ландышам.

Эмили установила корзинку на деревянном ограждении напротив Лидии, потом долго копалась в ней.

«Волнуется, - догадалась Лидия. - Да что же случилось?»

Наконец девушка оставила цветы, села чуть сбоку.

- Нет… Я просто… Какая хорошая погода… А мадмуазель Татьяна делает заметные успехи в учении. Особенно хорошо усваивает французский язык и рисование…

Мадмуазель болтала и болтала, а Лидия слушала и недоумевала. Что с ней? Откуда такая словоохотливость не о чём? Почему она волнуется?

Постепенно и догадка пришла.

Не хочет терять место. Вероятно сообразила, что её могут уволить. И хотя Лидия о своём желании никому ещё не говорила, та, возможно, почувствовала свою вину. И предположила следствие. А может, Сергей Дмитриевич выказал своё недовольство. Вот теперь и пытается вернуть былое расположение.

Лидии стало неприятно. Если бы дело не касалось доче-

ри, она бы подумала. Но в этом вопросе она не имела право рисковать. С девочкой должна быть нравственно устойчивая женщина. Дочка и так косвенно пострадала от болезней родственников.

Но Лидия постарается что-нибудь придумать. Всё-таки, мадмуазель добрая девушка и заслуживает второй шанс. Каждый может ошибаться.

Внезапно шорох в корзине привлёк внимание. Лидия с недоумением взглянула на ландыши. Они шевелятся?

Из корзины показалась змеиная головка.

Что помогло Лидии сохранить хоть немного самообладания и не завизжать на весь сад? А всего лишь резко вздохнуть, вздрогнуть и замереть. Догадка. Мгновенная мысленная вспышка – началось. Это снова ей видится.

Но так чётко! Серая, почти милая головка с глазками-бусинками. Чёрный узор.

Змея быстро выбрала направление и, выскользнув из корзины, скрылась с глаз за перилами террасы.

Лидия быстро взглянула на мадмуазель. Была та испугана. Лидия даже засомневалась, а точно ли причиной её бледности было возможное увольнение? Уж не видела ли и она змею?

Но… глупость, конечно. Вряд ли молоденькая девушка выдержала бы такое соседство. Да и поместить аспида вместе с ландышами в корзину – это из области невероятного.

- Мне кажется, Татьяна должна вот-вот проснуться, - Ли-

дия снова повернулась к собеседнице.

- Да-да, - гувернантка вскочила и почти побежала по дорожке.

- Мадмуазель Эмили!

Девушка оглянулась, глаза её были круглыми от ужаса.

«Да не уволю я тебя прямо сейчас», - досадливо поморщилась Лидия, а вслух спокойно произнесла:

- Ландыши забыли.

После ухода девушки Лидия прошлась вокруг террасы, но змей больше не было видно. А вскоре Сергей позвал. Они собирались навестить помещицу Горчакову. Пожилая вдова через несколько дней давала первый званый ужин в этом сезоне, на её именины должна съехаться вся округа, вот они с Сергеем решили повидать её перед праздничным вечером.

Вскоре катили по пыльной дороге в соседнее поместье. А вокруг пестрели от цветов луга.

- Дорогая, после именин у Гончаковой я поеду на пару дней в город по делам. Вы не будете скучать?

- Буду, - улыбнулась Лидия.

Но причиной её улыбки было не только тёплое чувство к мужу.

После случая со змеёй Лидия долго сидела в своей комнате. Размышляла. А что, если она навестит того молодого доктора, который лечил её мать? Из поместья к нему можно добраться за пару часов. Нужно только дождаться удобного случая.

Вот он и подвернулся.

Лидия почувствовала облегчение. Неужели в скором времени можно будет хоть кому-то рассказать о своих бедах? Мужу нельзя, Сергей слишком сильно за неё переживает. А с доктором поговорить о болезни – это то, что нужно. Нужно только, чтобы о её поездке никто не узнал.

- Как вы думаете, не пригласить ли к нам Александру Ильиничну на несколько дней? Общение с подругой вас несомненно порадовало бы.

С подругой?

- Конечно, дорогой. Я напишу ей и пошлю с нарочным.

- Не стоит. Я лично передам письмо.

Глава 49

На именины Гончаковой Лидия выбрала ненавистное вишнёвое платье. Долго стояла перед зеркалом, смотрела на своё отражение и вспоминала, как несколько месяцев назад это платье выглядело зелёным.

Может, у неё что-то с глазами? Она слышала, что есть люди, которые не различают цвета. Красный и зелёный им видятся одинаковыми.

У неё, конечно, не такая проблема, но мало ли на свете болезней? Вот и её одолела какая-то необычная и малоизвестная.

На мгновение почувствовала облегчение. Может, так и есть? И зря она пугается своего будущего, своего сумасшедшего будущего. А без зрения… конечно, плохо, но…

Потом сообразила, что её видения никак не вписываются в болезни глаз. И снова привычная тяжесть легла на сердце. С этой тяжестью так и живёт. Спит, ест, улыбается, играет с дочерью, читает книги. Эта тяжесть никуда не уходит. Она тоже один из симптомов болезни души.

- Дорогая, вы готовы? - Сергей заглянул в дверь, увидел её в вишнёвом наряде, на секунду сам замер от неожиданности, потом подошёл ближе, взял ладонь Лидии, поцеловал. – Ты прекрасна… Впрочем, как и всегда.

Сергей редко переходит на «ты». Лишь в особые интим-

ные моменты. И в такие минуты Лидия видела его неподдельное чувство. Она не разобралась в нём, но от взгляда мужа её колени всегда чуть подгибались. И в эти мгновения она понимала, что, если бы не болезнь, они могли быть счастливы.

На именины к Гончаковой съехались помещики со всей округи. Год не собирались в таком составе, как тут пропустить возможность полюбопытствовать чужими изменениями, продемонстрировать свои?

Многие, конечно, и в городе поддерживали связь, но далеко не все на зиму уезжали из деревни.

Экипажами была забита вся подъездная дорога, слуги не успевали их отгонять.

- Кажется, госпожа Гончакова решила нас изрядно поразить. Я слышала, вечером будет фейерверк.

- Не удивлён. Она умеет приятно впечатлять, - Сергей чуть сжал ладонь жены. – Ну а теперь приготовьтесь увидеть старых знакомых.

В деревне помещики не строго соблюдали этикет, некоторые из них о нём имели самые поверхностные представления, поэтому встречи знакомых были наполнены естественной живостью.

Лидия почувствовала, как приятны лица, как, приветствуя её, многие неподдельно радуются, и радовалась сама.

Хозяйка встречала гостей на террасе, крепко целовала

в обе щеки и скоро направляла дальше, чтобы без помех встретить новых гостей.

Внутри парадная зала полыхала множеством свечей, хотя на улице ещё не потемнело. Но богатая вдова не экономила на мелочах.

Лидия оглянулась по сторонам.

Небольшой крепостной оркестр в слабоосвещённом углу наигрывал что-то бодрящее, девушки в светлых платьях, словно нежные бабочки, о чём-то оживлённо щебетали около фортепиано.

Лидия с трудом узнала некоторых из них. Это же ведь те самые, что в прошлом году выглядели угловатыми недорослями, теперь – невесты.

Невольно задержала взгляд на смеющейся красавице. Неужели это Машенька Ревановская? Только что из пансиона. Восхитительно хороша.

Лидия слегка улыбнулась. Вот также и Танюша повзрослеет, не успеешь оглянуться.

Лидия увидела среди девушек Екатерину Нуварицкую. Надо будет позже подойти поздороваться, а пока повернула к замужним дамам. Взглянула на мужа.

- Веселись, дорогая, - Сергей поцеловал руку, пошёл к мужчинам.

Катя заметила Лихачевского. Вот это сюрприз. Когда это он приехал? И почему не нанёс визит? А тот молодой чело-

век и есть скандально известный Валенский? Весьма смазливый. Неудивительно, что молоденькие дурочки теряют голову.

Но неожиданный приезд Лихачевского вызвал некоторое смущение.

В последнее время она много времени проводила с Александром, кажется, их отношения движутся в нужном направлении, а барон своей необузданностью может спутать все её планы. Или ещё хуже, поставить в неловкое положение.

И Катя сделала вид, что не заметила Лихачевского.

Однако она не увидела и Александра. Задерживается? Или вовсе не приедет? Кажется, он что-то говорил о срочной поездке…

Катя растерялась. А между тем музыка заиграла вальс.

Девушка подняла головку. Уже закружились первые пары. К Машеньке Ревановской направились сразу два кавалера – какой конфуз.

А она?

Катя покраснела. Она, кажется, осталась неприглашённой.

- Лидия, дорогая, как я рада, что вы приехали.

Ганджинская налетела с объятиями.

- О, я рада вас видеть в добром здравии, - бормотала Лидия, пытаясь понять, что здесь делает княгиня. Кажется, её поместье в других краях.

- Дорогая, прекрасно выглядите. Всё такая же стройная, любо-дорого посмотреть.

Сама Ганджинская немилосердно располнела, и с едва уловимой завистью пробежала глазами по фигуре Лидии.

- Я всегда удивлялась вашему тонкому вкусу. Кажется простое платье, а сколько в нём прелести.

- Ну что вы…

- Хотя то зелёное, в котором вы были на балу, если не ошибаюсь, у князей Ануфремовых, всё же вам больше к лицу.

- Чч..то?

- Дорогая, что с вами? Вам дурно? Здесь столько народу…

- Нет… Мне хорошо… Я просто не расслышала…

- То зелёное платье, с таким же пышным рукавом, с такой же вышивкой… Я считаю, что оно вам больше идёт. Хотя это тоже по-своему мило.

Ошеломлённая Лидия смотрела в заплывшие жирком глазки княгини. Мгновенное желание расспросить обо всём – о каждой мелочи зелёного платья, о каждой складке, о том, что зелёный цвет был действительно зелёным, а не каким-нибудь иным, она с огромным трудом подавила. Не стоит… Не стоит давать повод для сплетен…

Лидия повернула голову в сторону мужчин. У дальней стены они сидели за карточными столиками. Сергей Дмитриевич мельком глянул на неё. Улыбнулся. Снова повернулся к своим картам.

Почему она раньше не замечала? Почему?
Какая неприятная у него улыбка…

Глава 50

- Вы всё же решили на лето перебраться в наши края?

- Да… Приехал на несколько дней, но, похоже, задержусь…

Катя бросила быстрый взгляд на Лихачевского, ожидая уверения, что задержаться его заставила именно она, но он равнодушно смотрел мимо.

Вальс продолжался, но девушке танец всё меньше и меньше доставлял удовольствия. Постепенно её сердце переполнилось гнетущей тоской. Она ещё не определила её причины и пока не желала сдаваться.

- Что же господин Валенский не танцует?

- Наверное, не хочет вносить переполох в местное общество.

На секунду Катя узнала своего язвительного приятеля. Она чуть усмехнулась, готовая продолжить тему, но Лихачевским не заметил усмешки.

«О чём он думает? Это же неприлично танцевать так рассеяно. Он просто невежа!» - Катя готова была в ярости наступить ему на ногу, чтобы привлечь к себе внимание.

А потом поняла.

Она утратила над ним свою власть. Она ему стала неинтересна. Этот танец – обычный знак вежливости.

Все сегодняшние надежды и страхи оказались пусты.

Она надеялась на продолжение отношений с Александром – Александра нет. Она боялась, что Лихачевский своим сумасбродством поставит её в неловкое положение. А где сумасброд? Перед ней скучный незаинтересованный собеседник.

Танец закончился. Барон отвёл её на место, поклонился и ушёл.

А она осталась… Подняла голову. Пусть никто не догадается, как муторно у неё на душе.

Украдкой стала следить за Лихачевским, пытаясь найти ответы хоть на какие-то свои недоумения.

Вот он пригласил на танец Машеньку Ревановскую. Та улыбалась и даже смеялась на какие-то замечания партнёра. Милая, нежная, невинная.

Вот и получила ответ.

Просто, когда она разглядывала себя в зеркале, рядом не было молодых, цветущих, только вступающих в юность, вот поэтому она и не увидела начинающегося увядания. Не с кем и не с чем было сравнить. А теперь ей невольно продемонстрировали.

И пока перед её носом кружились в танце более удачливые девушки, Катя без остановки твердила себе: «Надо что-то сделать… Надо придумать… Надо сообразить… Срочно… Иначе будет поздно… Так можно остаться старой девой!»

Последняя мысль жалила, словно полоумная оса.

Но если бы Екатерина чуть пристальней вгляделась в своего бывшего приятеля, ей бы, возможно, стало чуть легче. Потому что и с юной красавицей он был так же задумчив и невнимателен. А то, что Машенька без конца улыбалась и временами смеялась, так это потому, что с тех пор, когда она окончательно шагнула за порог пансиона, жизнь ей дарила сплошные радости – как тут печалиться?

А Лихачевский ей показался милым, спокойным и немного романтичным молодым человеком. Зря она его побаивалась. Иногда люди напрасно говорят злые вещи.

Глава 51

Дырявая глазам не поверила, когда увидела своих знакомцев. Ходят, рты раззявив, по торговым рядам, высматривают что-то. Правда, их компания обросла новыми членами, по крайней мере, белобрысую девку она раньше не видела. А вот красивую признала сразу – та самая, которую на дорогах кутали, как лахудру. Но Дырявая – не дура, тогда ещё поняла, что скрывается за лохмотьями.

Когда увидела Митьку, руки так и зачесались оторвать ему ухи. И она уже раскрыла рот, чтобы сказать знакомцам, что она про них думает, заодно и девку свою забрать.

Она Маруську купила? Рубль за неё отдала? Так что будьте миленькими, верните, пока глаззя не выцарапала. Или Маруську верните, или деньги. Три рубля.

Да её до сих пор трясёт, когда вспоминает, как перед полицейскими чинами её выставили дурой. Правда, полицейских тоже. Но то их дело. А Дырявая так просто обиду не стерпит.

И она уже набрала полную грудь воздуха – приготовилась. Знала по прошлым баталиям, что пригодится, а потом резко выдохнула, спряталась за угол ближайшей лавки.

Тпру-у, сказала себе… А ведь можно сделать кое-что получше. Не так уж ей и нужна Маруська. Этих малявок беспризорных – пруд пруди, а вот такая красота, как ихняя дев-

ка, Ольгой, кажется, кличут, на каждом шагу не валяется. Такую красоту по свету ежели искать – не сразу найдёшь. И знает она одно место, где она могла бы крепко пригодиться. Заодно и Дырявой копеечка в награду перепала бы. Бандерша хоть и хитрая лиса, но за хороший товар и поблагодарить может. А то, что Ольга дурочка, так там чем дурее, тем лучше.

А эти следующий раз будут знать, как Дырявую обижать. Долг, как говорится, платежом красен. Вот и пришла пора должок-то вернуть.

И Дырявая украдкой двинулась следом за знакомцами.

Постепенно вчерашние страхи рассеялись. Да нормально, кажется. Народу вокруг, конечно, полно, и народ разный. Много и своих, деревенских, которые также, как и они, озираются по сторонам, прижимают крепко к груди узелки с приобретённым или пока нерастраченным богатством. Много и горожан. Они посмелее, заворачивают в лавки уверенно, громко переговариваются со знакомыми. Встречаются и подозрительные личности. Вот их-то старались заблаговременно рассмотреть в толпе, чтобы держаться подальше. Опасались за золотую десятку.

Перед дальней дорогой Ксеня напугала бабку. Сказала ночью чётко и ясно: «Оглянулись, а золотого цветочка нет…».

Оказалось, напугала не только бабку. Утром Митька подошёл к Нюре. Посмотрел по сторонам – девок нет, сказал

тихо:

- Слыхала?

- Что? – вздрогнула бабка. У той слова Ксени не выходили из головы. А Митька про что?

Оказалось, про то же.

Склонили задумчивые головы друг к другу.

- Как же нам его не потерять? – думали про червонец.

Наконец завязали монету крепко-накрепко в узелок, а тот узелок примотали тряпками к Нюриной руке, сверху верёвками напутляли. Теперь, если и украдут, то только с бабкой. На худой конец, с бабкиной рукой.

Маруся как увидела, испугалась.

- Ба, ты руку сломала?

- Да не, цела рука. Это я так… Порезалась чуток…

- Ничего себе чуток!

Девкам про свои страхи решили не говорить, нечего ещё и их тревожить. Пошли.

За день почти сорок вёрст одолели. Переночевали в стожке, а утром нашли базар.

- Не-е, не мой город, - разочаровалась Маруся, оглядываясь по сторонам. – У нас торговые ряды другие.

- Ты Ольгу держи, - напомнила бабка. Смотреть за Ольгой доверили Марусе.

- Держу, держу…

А вокруг! Глаза разбегаются! Тут и коровы мычат, и лошади копытами бьют, и глиняные горшки толстыми бока-

ми на солнышке подмигивают, и плетёные корзины горками высятся, и мёд в деревянных жбанах золотится, и земляника ароматом сшибает, и рыба в деревянных бочках хвостом бьёт…

А народу!..

Вот Маруся и не удержала. Мимо пробегали ребята, нырнули как раз между девочкой и Ольгой, пришлось руку разжать и пропустить. А потом протянула не глядя руку назад, думала встретить нежную тонкую ладонь, а встретила чью-то юбку. Оглянулась перепуганно, а Ольги нет.

Ей бы сразу закричать, на помощь кликнуть идущую чуть впереди бабулю, а она побоялась шум поднимать. Кинулась туда-сюда, Ольгу не нашла, сама чуть не потерялась. Плакать уже собралась, когда Митька схватил за плечо.

- Ты что отстаёшь?

- Я… я…

- А где Ольга?

Вот тут Маруся и заплакала.

Глава 52

Мадам Жозе во Франции никогда не бывала, из французского знала всего лишь несколько слов, однако очень сердилась, когда её грубо называли бандерша.

У неё приличное заведение, уверяла она господ. В нём можно отдохнуть от повседневной суеты и пообщаться с её крошками. Так мило она называла своих девок. При посторонних, разумеется. А наедине любила ругаться матом и нередко этих крошек била.

Бандерша мечтала уехать в Петербург. Вот где, говорят, раздолье для таких, как она. А пока для этого собирала деньги и искала новых крошек. Старые уже чересчур раскрошились.

- На любителя, - невысоко оценила она новую девку и поджала губы. – Господа любят поговорить. А она немая…

Дырявая приуныла. Кажется, её сейчас обманут.

Бандерша вынула из корсета несколько банкнот, сунула Дырявой и захлопнула перед её носом дверь.

Но та, пересчитав деньги, приободрилась. Всё же достались они ей почти без труда.

Мадам Жозе ещё не потеряла энтузиазма, свои дела не пускала на самотёк и козырные карты умела разыгрывать.

Рассмотрев как следует и безрезультатно расспросив но-

венькую, поняла, что на этот раз ей как раз и попалась козырная карта. А если точнее - дама червонная, самоё то. А значит, сегодня вечером можно устроить аукцион.

- Девки, аукцион! – объявила она своим крошкам.

Крошки не запрыгали от радости только потому, что комплекция и возраст позволяли прыгать далеко не всем, но всё же подняли свои толстые задницы от диванов и занялись подготовкой. Аукцион обещал дополнительное веселье в их далеко не скучной жизни.

А чуть позже несколько юных беспризорников побежали с записками-приглашениями к нужным господам. Они знали, что записки надо незаметно сунуть им в кулак, когда поблизости нет их чопорных жён, вот привычно и караулили у подъездов и крылец.

Весь день новенькая не подавала особых признаков жизни, тупо рассматривала тёмно-бардовые стены, но к вечеру стала беспокоиться. Брови её болезненно сдвинулись, щёки порозовели, длинные ресницы часто захлопали.

«Сейчас заревёт», - догадалась мадам и заорала.

- Анфиска, тащи вина.

Анфиске далеко ходить не пришлось. Как и лишний раз объяснять. Она схватила стакан.

- Сколько?

- Целый… Давай… Держи голову… Голову… говорю… крепче… Да… она выплюнула всё…

Дистанцию между мадам Жозе с немного картавым акцентом до зверя в юбке бандерша обычно преодолевала за несколько мгновений. Вот и теперь ярость захлестнула хозяйку и выплеснулась на новенькую. Она вцепилась скрюченными пальцами в щёки, больно сжала их и, запрокинув голову, прижала к губам вновь наполненный стакан. Зубы её скрипели от ярости.

- Пей, твоё благородие. Пей… Что? Несладко? Ничего, потерпишь. Мы же терпим… Пей, с..а, скоро тебе оно пригодится… И понравится…

Девушка плевалась и брыкалась, захлёбывалась, кашляла и чихала, но всё же добрая часть стакана попала внутрь.

- Ну вот, - удовлетворённо поднялась сама вся мокрая от вина мадам. – Сейчас тебе станет хорошо. Переоденьте её, - бросила девкам, и сама пошла переодеваться.

- Во что?

На пороге бандерша остановилась, задумалась, вновь оглядела новенькую. Не случайно от злости у неё вырвалось «твоё благородие». Мадам чувствовала, что девка непростая.

То, что она, возможно, попала в беду, бандершу не волновало. А вот пользу извлечь из такого обстоятельства она попробует.

- В невесту.

- В невесту! – завизжали от радости девки и полезли в сундуки за подходящим нарядом.

Глава 53

Девки расстарались.

Красота новенькой в сочетании с полной беспомощностью вначале раздражала, вызывала желание обидеть девку, как только что это сделала мадам. Но потом горячая жалость поднялась откуда-то из глубины и пробудила давно уснувшую память о том, что когда-то и они были робкими, наивными и беспомощными.

- Девки, какое платье наденем? Есть лазоревое и розовое.

- Неси оба. Сейчас поглядим.

Девки, казалось, забыли, для какой цели разряжают подругу по несчастью. Они просто хотели сделать её ещё красивее, вот и всё.

- А фата?

- У мадам есть турецкая ткань, я видела.

- Даст?

- Анфис, иди ты попроси.

- И жемчуг. Попроси ещё ожерелье.

- Ты что? Сейчас забесится.

- А что с ним случится? Потом снимем, вернем. Анфис, попроси...

- Ох, чует моё сердце, сейчас в морду двинет.

- Можа, и не двинет.

Мадам Жозе в морду не двинула, а, выглянув из комнаты,

минуту рассматривала новенькую и молча протянула Анфисе нитку некрупного розового жемчуга.

- Потом снимешь… Смотри, чтобы в спальню с ним не увели, а то разорвут.

- Слухаюсь, - кивнула Анфиска и нацепила ожерелье новенькой на шею.

Розовые горошины легли на полуобнажённую грудь, и девки невольно ахнули.

- Хороша!

К тому времени, как у двери звякнул колокольчик, предупреждая о первом госте, полностью убранная Ольга сидела в закрытой комнате и клевала носом. Всё та же Анфиса присматривала за ней, временами толкала в плечо и пощипывала за щёки, чтобы она совсем не уснула.

Внизу, в общей комнате, веселье всё больше набирало обороты. Гости раскраснелись от выпитого вина, от запаха и вида полуобнажённых женских тел, от желания эти тела узнать получше, но сдерживали себя, ведь надо оставить силы для предстоящего аукциона. Мадам Жозе умела иногда впечатлить. Жалко будет остаться ни с чем в нужную минуту. Поэтому всё чаще раздавались нетерпеливые вопли: «Аукцион!..», когда в дверь ещё раз постучали.

Гостям в этом доме рады всю ночь, но всё же с некоторого времени вход запирали.

Мордатый мужик, помощник бандерши, по совместитель-

ству вышибала, пошёл посмотреть в оконце, кого там ещё принесло, но мадам опередила, сама выглянула заплывшими глазками.

- Господин Ночаев! – изумилась она. – Доброго здоровьица, Владимир Осипович! Покорнейше прошу.

Бандерша нешироко открыла дверь, тощая фигура ночного гостя протиснулась, мадам оглянулась по сторонам и крепко заперла её. Теперь, должно быть, до утра.

- Давненько вас не было…

Владимир Осипович заулыбался и полез слюнявыми поцелуями к мадам.

- Да не ко мне, не ко мне, - чуть брезгливо отстранилась бандерша. – Вон там девки.

Она скосила острым взглядом в карманы гостя, пытаясь понять, а с деньгами ли он сегодня. У этого придурка хватит дури припереться пустым. Так уже бывало. Правда, бывало и по-другому, когда он осыпал всех разнокалиберными ассигнациями, устраивая весёлый деньгопад.

- Проходите, прошу, - бандерша чуть подтолкнула замешкавшегося гостя в нужном направлении, покачала головой, глядя на его мелкую походку. Как быстро он сдал. А ведь такой молодой! Впрочем, это его дело.

- Мадам Жозе! – закричал потерявший терпение толстый господин, - когда же аукцион?

- Господа! Встречайте! Невеста нынешнего праздника – невинная Луиза! С нетерпением ждёт своего Луи!

Двери комнаты на втором этаже широко раскрылись, и на площадку, перед жадными взглядами гостей, Анфиса за руку вывела девушку.

Раздались одобрительные возгласы и свист. Девка была что надо. Стройная, тонкая, струящееся розовое платье ладно облегало фигуру. Длинная, в пол, фата не скрывала соблазнительных изгибов, вот только лица было не разобрать.

- Господа, начинаем! Ваши предложения! - мадам Жозе встала на первую ступеньку лестницы.

- Десять, - закричал кто-то.

- Пятнадцать…

Торги быстро продвигались. И лишь когда чей-то пьяный голос завопил – сто! - растерянно остановились. Не многовато ли?

- Путь покажет свою личность. А то может там обезьяна прикрытая.

Мадам легко улыбнулась, словно этого и ждала. Махнула рукой, и Анфиса осторожно стала спускать «Луизу».

Ольгу остановили на лестнице несколькими ступеньками выше бандерши.

- Одну минутку, господа. Прошу внимания.

Внимание было обеспечено, можно было не просить.

Когда мадам откинула фату, повисло молчание. Такого не ожидал никто. Может, это пьяным глазам чудится? Может, девки перестарались? Может, свет как-то по-особому лёг, но девушка была сказочно красива.

Она смотрела светлыми глазами в никуда, и длинные тени от густых ресниц падали на нежные щёки. Пухлые губы слегка улыбнулись, и по спинам господ пробежала дрожь. Кто это?

- София! – возопил, прямо-таки заверещал господин Ночаев. – Ты где пропадаешь? Домой!

Он подхватился из глубины какого-то кресла, смахнул в сторону толстую девицу и засеменил к «Луизе».

- Домой! – дёрнул он её за руку, словно имел на это право. Словно прекрасно осознавал, что делает.

Мадам растерялась. Скандал ей был не нужен. А уж разборки с полицией – подавно.

Девушка двинулась за рассерженным господином Ночаевым. В полном молчании они подошли к двери. Владимир Осипович, повозившись в несложных запорах, сам отворил дверь, и странная пара вышла вон из борделя.

- Однако… - в наступившей тишине прозвучал чей-то сконфуженный голос.

Владимир Осипович сердито тянул девушку по тёмной дороге прочь от борделя. Долго тянул. Наконец остановился и сердито стал выговаривать.

- Как вы могли? Ольга себе места не находит. А вы прячетесь у мадам Жозе? Но-но!!! – погрозил он пальцем. - Домой!!! Быстро!!!

И затопотал ногами от возмущения.

Потом с чувством выполненного долга вновь повернулся в сторону города, засеменил к крайнему дому с тускло освещёнными окнами. А Ольга осталась стоять в темноте.

В знакомую дверь он постучал, как ни в чём не бывало. На этот раз мужик – вышибала сам открыл её. Владимир Осипович оглянулся по сторонам, ища подходящее место, выбрал глубокое кресло и уселся в него, не замечая изумлённых глаз.

- Иди ко мне, моя конфетка, - потянул к себе рыхлую девицу. – Я тебя укушу за сладкий бочок…

- Моё ожерелье! - вопль мадам был полон боли.

Напрасно девки чуть позже бегали по всем дорогам, «Луизу» так и не нашли.

Глава 54

Это только кажется, что темно. На самом деле вокруг полно света, только другого. И мир живёт немного по другим законам, нежели днём. Но живёт, двигается, мерцает.

Она постояла, выбирая направление.

Луна. Такая огромная, манящая. Луна гостеприимно кинула под ноги серебристую дорожку и позвала к себе.

Она ступила на неё. Улыбнулась, увидев голубоватые блёстки под ногами, кивнула слегка головой, словно подтверждая выбранный путь, словно радуясь, что нашла его, и медленно зашагала. Ей спешить некуда. Она всегда успеет туда, куда надо. Если только…

С тревогой повернула голову. Дверь темнеет. Дверь на месте. Медная ручка сверкнула, словно подмигнула. Тоже зовёт. Но туда Она ни за что не вернётся. Там другая жизнь, и эта жизнь едва её не погубила. А может, погубила…

Она отвернулась. Тревога, коснувшись на минуту сердца, оставила. Ну её, эту дверь. Не надо обращать на неё внимания. Может, тогда она совсем исчезнет?

Весь день, как угорелые, они бегали по городу. Ольга, как сквозь землю провалилась. Тьфу-тьфу-тьфу, отплёвывалась бабуля от таких страшных мыслей. Но в голове не укладывалось, куда она могла подеваться.

Кажется, все закоулки облазили и у народа спрашивали, но никто не видел одинокую красивую девку в синем сарафане.

Всё. Пропала.

Маруся ревёт. Митька украдкой кулаком глаза трёт. Нюре кажется, что её сердце разрывается на тысячу стареньких кусочков. Ксеня голову от земли не поднимает. Кажется, беда не только душу отяжелила, но и все члены. Сил нет.

Про золотую десятку забыли. Так и болтается на руке. Может, уже выпала из растрепавшихся тряпок? На обновы плюнули. Какие обновы, если глаза из-за слёз ничего не видят?

Где она? В какой беде? В каком омуте? Как найти? Как спасти?

Никак. Нет у них такой возможности.

До поздней ночи бродили, потом вернулись к своему стогу, чтобы немного отдохнуть, а с рассветом вновь бежать на все четыре стороны.

Бабка, чуть только все угомонились, перестали шуршать соломой, ворочаться с боку на бок, села. Ей спать нельзя. Навострила уши. Может, Ксеня что скажет?

Долго ждала. Глаза слипались от усталости, но она терпела, кусала губы.

- Лунная дорожка ведёт в омут… Не ходи туда, София.

Бабка чуть вздрогнула. Ей уже и сон какой-то муторный начал сниться, несмотря на сидячее положение.

Торопливо зашептала непонятные слова, чтобы не забыть,

заскользила со стога на землю.

- Второй раз она про Софию говорит.

Бабуля чуть подпрыгнула. Оглянулась – Митька. И когда только подошёл? Она не слышала.

- А мы её называли так?

- Не помню. Мы с тобой какими только именами её не называли.

- И я не помню… Но София – это же барское имя…

- Да… Наших девок Соньками кличут… А что Ксеня про омут сказала?

- Я про луну только понял…

Не сговариваясь, повернулись к ночному светилу. Яркая, полная, просто огромная луна медленно скользила за ажурными облаками.

Обернулись, оглядывая окрестности. Призрачный свет заливал луга.

- Светло, как днём.

- Думаешь, она куда-то сейчас идёт?

- Может, за луной? Она же любит всё… красивое…

- Значит, и нам в ту сторону надо идти?

- Не обязательно. Может, наоборот. Может, от луны… навстречу…

Бабуля запуталась в рассуждениях. А потом шустро полезла на стог.

- Куда ты?

- Ща…

Подхватила за узкие плечи Ксеню, с усилием потянула, подняла.

- Куда иттить? – резко спросила в лицо.

И Ксеня вяло махнула рукой.

- Туда…

А потом спросила, окончательно проснувшись:

- Ты что?

- Ничего… Вставайте, девки, пойдём…

Шли молча. Маруся зевала и, похоже, ничего не соображала спросонья. Ксеня не спрашивала. Кажется, боялась ответов. Бабуля с Митькой ничего не стали пояснять. А что пояснять, когда сами ничего не понимают?

Первой заметила глазастая Маруся.

- Ба, что там белеет?

Нюра глянула, но особо не обрадовалась. Мало ли что? А Ольгин сарафан, хоть и не крепко тёмный, но вряд ли будет белеть.

Потом белое пятно увеличилось, показалось фигурой… человеческой… женской… двигающейся… Ускорили шаг.

- Девка, - испуганно прошептал Митька.

- Ба, я боюсь, - трясущаяся Маруся полезла под мышку к Нюре.

- Да подожди… Мить, глянь-ка, впереди что? Не река?

- Кажется…

- Бегом!!! – закричала бабуля и сама рванула из последних сил. – Мить… щас свалится…

Девичья фигура медленно, но верно двигалась по направлению к чёрной воде. И судя по тому, как монотонно это делала, останавливаться на берегу не собиралась.

Митьке незнакомая фигура в светлом покрывале, которое тащилось сзади по траве, не внушила никаких добрых чувств, и, если бы не бабка, он бы предпочёл обойти её стороной. Пусть себе идёт куда хочет. Про русалок, водяных, кикимор и прочей нечисти он прекрасно наслышан.

Но бабка дробной рысью бежала, обгоняя и его, и Марусю, и Ксеню. Хотя, честно говоря, их обогнать было немудрено, они от страха совсем остановились.

- Стой! - кричала она девке, и в голосе было столько отчаяния, что Митька не выдержал, рванул.

За руку схватил, когда до края обрыва осталась пара шагом. Тёплая ладонь удивила. Он ожидал… чего-нибудь похолодней.

Девица медленно стала разворачиваться к преследователям.

- Ой, - пискнула Маруся и плюхнулась в траву.

- Ольга… - в голосе бабки не было удивления, на то, чтобы удивляться, нужны были силы, а они уже давно закончились, ещё днём. В голосе было огромное облегчение. – Нашлась.

- А кто её так нарядил? – зато в Митькином голосе удивления с лихвой хватило бы на двоих.

Глава 55

Ольга Павловна чуть вздрогнула в дверях. Не ожидала. Не ожидала увидеть своего мужа в столовой. Неужели соизволил нынче позавтракать вместе с ней?

Недовольно поморщилась. Постояла колеблясь, может вернуться в комнату?

Совместная трапеза портила аппетит. С тех пор, как болезнь стала жадно пожирать разум Владимира Осиповича, находиться с ним рядом было неприятно. А уж есть – тем более. Он мог запросто мясо заедать пирожным и вымазаться при этом до самой макушки.

Доктор предупреждал о неприятных последствиях дурной болезни, но она не думала, что будет настолько плохо. Хотя, возможно, прошлогодняя травма головы усугубила симптомы. Кто знает?

Сама же Ольга вылечилась. Вовремя обратилась в больницу. Пришлось пройти через множество унижений. Но страх последовать по стопам мужа до конца не ушёл. Заставлял иногда просыпаться в холодной поту.

Ольга шагнула к столу.

- Дорогая, долго же вы спите, - Владимир Осипович хитренько захихикал, радуясь, что сумел поддеть жену.

- Да, - сухо ответила Ольга, но не стала уточнять, что встала сегодня, как, впрочем, почти каждый день, чуть ли не с

петухами. Управлять в одиночку огромным поместьем было нелегко.

А Владимир Осипович продолжал хихикать, заглядывая в лицо жене карими глазками, словно приглашая и её оценить собственное остроумие.

«Синяк?»

На щеке мужа красовалась тёмная блямба. Интересно, кто поставил на этот раз?

На самом деле Ольге было не интересно. Мало ли где его носило? Ей и самой иногда хотелось вмазать в довольное лицо своего благоверного.

Самое удивительное - постыдная болезнь забирала разум, но прекрасное настроение – никогда. Трудно было найти второго такого жизнерадостного человека.

- София вернулась?

Это имя ударило, как молния. Может потому, что Ольга Павловна никак не ожидала его сейчас услышать. Она была не готова.

- Нет, - ответила внешне спокойно.

- Как нет? Я же ей сказал идти домой. А она… - глупая улыбка на некоторое время сошла с лица Владимира Осиповича. Он осуждающе покачал головой. – В таком месте! Приличной девушке нельзя!

Он помотал указательным пальцем, словно предостерегая невидимого ребёнка от шалости.

Ольга Павловна некоторое время смотрела на мужа, пы-

таясь разобраться.

Привычная, уже почти выносимая тоска, разлилась внутри, обжигая сердце.

Сонечка… Родная сестричка… Любимая девочка… Только что из пансиона. Вся жизнь впереди…

Оборвалась жизнь. Скоро будет год… В сентябре… Исчезла… Ушла.

Ольга Павловна едва сдержала стон, перекрывающий невыносимый стыд.

Она виновата. Её падение оказалось тем ударом, который не выдержала невинная девушка.

Вздохнула, встала из-за стола. Аппетит пропал окончательно. Дел много. А Владимир Осипович пусть окунает свою рыбу в яблочное повидло и тянет в рот. Доктор сказал, что ему недолго осталось.[1]

Когда вернулись к своему стогу, почти рассвело.

Всю дорогу шли молча, временами поглядывая на Ольгу. Откуда на ней такое платье? Барское.

- У моей хозяйки тоже есть похожее, - шепнула Маруся бабушке. – И тоже красивое.

Нюра сняла длинную ткань, которое волочилась за девушкой по траве, свернула в узел, сунула под мышку.

Восходящее солнце сверкнуло первыми лучами, запуталось в розовом ожерелье. И только теперь все обратили внимание на него.

- Ба, что это?

- Перлы, - бабуля захлопала редкими ресницами.

- А?.. а…

Вот и весь разговор по дороге. Так же молча залезли на стог. Сил не было.

- Вы ложитесь спать… - бабуля задумалась.

- А ты?

- Я тоже… А потом схожу на базар.

- Одна?

- Не… - Нюра оглядела своих спутников. – С Ксеней. А вы смотрите за Ольгой.

Ольга уже вытянулась на соломе и мягко смежила длинные ресницы. На губах её играла улыбка.

- Ба, червонец цел?

Бабуля пощупала тряпки на руке.

- Цел. Только я вот что думаю…

- Что? – не утерпела Маруся, видя, что бабуля думает про себя.

- Как считаете? Это теперь наши перлы?

Все поглядели на полуобнажённую грудь своей загадочной спутницы, подняли плечи до ушей.

- Ольгины, наверное.

- Ну, значит, наши, - обрадовалась бабуля и потянулась к засыпающей девушке. – Дай-ка я у тебя сниму бусики.

Ольга подняла голову, терпеливо ожидая, пока бабулины руки освободят её от украшения.

Нюра уселась, вытянула ноги вперёд, расправила заплатанную юбку. Потом резко дёрнула ожерелье, и на подол посыпались розовые жемчужины.

- О-о-о, - протянула восхищённая Маруся. – Ба, можно я руки покупаю? – непонятно попросила она. Но бабуля поняла.

- Купай.

И Маруся нырнула пальцами в перламутровые горошины.

- Приятненько.

Бабуля отсчитала семь штук, подумала, забрала ещё три.

- Хватит. А эти надо спрятать. Мить, пусть у тебя побудут. И червонец возьми пока… А дома приберём подальше.

- Ладно…

Несколько часов спустя увешанные узелками бабка и Ксеня возвращались из города. Выспавшаяся Маруся от скирды бежала навстречу.

- Это обновы?

- Ага. Ну что? Пора домой?

- А померять?..

- Дома будем мерять. Здесь много всего…

---

[1]Ольга Павловна и Владимир Осипович герои романа «Не плачь, моя белая птица». Сюжетная линия, связанная с называемой здесь «Ольгой», берёт своё начало в той истории.

Глава 56

Александр смотрел на любимую девушку. Наконец они вместе.

Мягкие тени от зелени играют на нежных щеках. Солнечные лучи золотят длинные ресницы. Всё как прежде. Словно и не было этого года. Они снова рядом.

Нет… Был этот год. И если вглядеться в голубые глаза, много скрытой печали в них можно увидеть. Эту печаль принесли прошедшие месяцы. Эту печаль принёс он.

- Как вы меня нашли? – улыбнулась Анна. – Мне казалось, я здесь навечно замурована. Не подумайте, - поспешно перебила себя, - я очень люблю бабушку. И если бы не обстоятельства, я бы наслаждалась летом.

- Екатерина Георгиевна проговорилась. Она вскользь упомянула старое поместье, потом и я вспомнил ваши рассказы о бабушке. Пришлось, правда, проявить немалую смекалку, чтобы узнать местонахождение. Но у меня это получилось. Как вы?

- Хорошо… Агафья, правда, глаз не сводит. Такая неприятная особа…

- Кто такая Агафья?

- Матушкина личная горничная. Теперь ко мне приставлена… Но я её сегодня обманула… Ваша записка. Это было так неожиданно. Я даже немного испугалась, когда маль-

чишка сунул мне её в руку.

- Это был единственный способ пробраться к вам. – Александр поднял серьёзный взгляд. - Анна…

- Что?.. Что же вы замолчали?

- Анна, вот моя рука… Я предлагаю вам на неё опереться и вместе со мной идти рядом по жизни… Анна, в моей груди бьётся сердце… И оно принадлежит вам. Оно всегда будет преданным и верным, как сейчас, как раньше. Правда, не таким уже глупым и безрассудным. Оно сделало правильные выводы…

Девушка опустила глаза.

Александр не торопил её с ответом. Ему было так хорошо теперь. Он наслаждался каждой минутой и желал, чтобы мгновения длились и длились.

- А дочь?

- А дочь мы будем искать… Я подумал про Агафью… Кому, как не ей, ваша матушка могла доверить такую тайну?

- Я сама думаю так же. Тем более…

- Что?

- Я помню тогда… Когда малышка появилась на свет… Я помню Агафья стучала в дверь бани… Что-то говорила… Не помню… Только Агафья ни за что не признается. Она предана матери… Она жёсткая… Её нельзя уговорить, умолить… Она… меня пугает…

- Пугает?

- Не подумайте… Как вам объяснить?

Объяснить это было непросто. Как объяснить гнетущую атмосферу в присутствии служанки? Как объяснить холод и презрение, который Анна мельком улавливала? Как объяснить ненависть к себе, которую она часто ощущала?

Девушка вскинула голубые глаза.

- А впрочем, это не важно. Ведь я согласна.

И девушка протянула свою руку.

Александр взял её. Опустил голову, поднёс к губам. Замер.

Анна болезненно нахмурилась, закрыла глаза, попыталась сдержаться, но непослушные слёзы брызнули на щёки.

Так они и сидели… Долго-долго...

Ветер шумел листвою над головой, птицы пели им свои песни. А лето дарило себя.

- Думаю, лучше к вашим родителям не обращаться.

На самом деле у Александра давно уже был план, осталось только осторожно познакомить с ним Анну.

- Да… Не стоит…

- Мы могли бы уехать прямо сейчас…

- Нет… Я давно хочу всё рассказать бабушке. Она поймёт… Я надеюсь, что поймёт. И я попрошу у неё благословения. Пусть хоть одна душа пожелает нам счастья… Мне пора…

Как же не хотелось Александру расставаться… Но он выпустил тонкую руку.

- Я буду ждать вас каждый день на этом месте.

Это место – лесное озеро неподалёку от деревни.

- А где вы будете жить? – распахнула Анна глаза.

- Какая разница? Я построю себе шалаш.

Девушка тихо засмеялась.

- Вас съедят комары.

Задумалась.

- Нет. Встретимся здесь через неделю. За это время всё обдумаем, подготовим… Может… я что-нибудь узнаю про дочь… Ведь шанса больше не будет…

- Шанса не будет узнать от Агафьи. Но девочку мы всё равно найдём. Я попробую тоже что-нибудь выяснить… Я вас провожу…

- Нет… Здесь недалеко… Будет лучше, если я одна… Думаю, Агафья уже ищет… Прощайте…

- Прощайте… До свидания на будущей неделе… До свидания, любимая…

Глава 57

- Давай девок посадим в корзины.

- Прямо сверху на тряпки?

- Ага…

- А не выпадут?

Маруся и Стеша измучились, пока тянули на речку и бельё, и детей. Сначала каждая пробовала нести в одной руке ребёнка, в другой корзину с грязными тряпками, но руки быстро уставали и отказывались держать груз. Потом Маруся предложила новый способ.

Усадили каждая свою. Марусе на этот раз досталась Глая.

- Сиди, - строго приказала малышке, - а то бух… на землю.

Глая без особого интереса проследила за указующим пальцем своей няньки, но притихла среди тряпок.

Маруся подхватила корзину с ребёнком, подержала в руках.

- Так, кажется, легче.

- А Ольга сегодня с кем?

- Бабушка разрешила её дома оставлять. Надо только закрывать. А так она никуда не уходит. Сидит целыми днями.

Стеша вздохнула. Жалко красавицу.

- И как ей не скучно?

- Не знаю… Заколдованные… они, наверное, такие… И знаешь, теперь мы думаем, что её зовут София.

- София… Красиво. А почему вы так думаете?

- Не знаю. Это Митька с бабушкой догадались. Но мы её так не зовём. Мы попробовали, а она как затряслась, как побледнела, нам даже страшно стало. Думали, что грохнется замертво. Лучше уж звать неправильно – Ольга… Так-то спокойней… Боится она своего имени.

- Как это боится имени? – удивилась Стеша. – Я вот своего ни капельки не боюсь.

- Я тоже.

- А вы так и не узнали, где она в городе была?

- Не-а… Мы до сих пор головы ломаем, кто её нарядил. И ожерелье дорогой подарил.

- Как в сказке…

- Ага… Только я не хотела бы жить в такой сказке…

- Ну да… Лучше уж со своей головой…

- Да разве это жизнь? Это сон какой-то.

- Ага. С открытыми глазами, а всё равно как по ненастоящему.

- Ты не передумала к Лещихе идти?

- К кому?

- К ведьме. Её Лещихой зовут.

- Н..нет… Давай только сначала без Ольги. Надо дорогу найти и посмотреть, где она живёт. Вдвоём быстрее получится. Ты уже спрашивала про дорогу?

- Кажется, да… От колдыбани едва заметная тропинка уходит вниз… Вот её и надо найти. Говорят, возле сосны…

Там какая-то сосна растёт, из одного корня сразу четыре ствола. По ней надо будет смотреть.

- А когда?

- Послезавтра мамка на барщину не пойдёт. Давай послезавтра.

- Давай, - Маруся растерянно захлопала ресницами. - Страшно.

- Страшно…

- А жить заколдованной ещё страшней, - девочка вздохнула от нелёгкого выбора.

Дорога к реке показалась трудной и долгой.

- Назад с мокрыми тряпками ещё тяжелее будет, - не порадовала Стеша.

- Может, мы их на речке просушим?

- Можно… На кусты развесим. Солнце вон как печёт… Они мигом высохнут.

- Тогда пошли подальше к кустам.

- Пошли. Там тоже мосток есть. Правда, маленький…

- Ничего… Нам хватит.

На берегу поставили плетушки с бельём и девками, плюхнулись в траву.

- Хорошо…

Девки сами выползли из корзин. Стеша скосила на них глаза.

- Надо им рубахи постирать. Они быстро высохнут, а назад уже в чистых будут.

Поднялась, стала раздевать сестёр. Маруся тут же кинулась помогать.

- Ой, что это?

На груди у Глаи краснело безобразное пятно. Маруся подумала, что прилипло что-то, потёрла пальцем.

- Что это? – оглянулась. – И у Маньши такое же.

Стеша оставила сестричку, уселась на траву, вздохнула.

- Это ещё одна тайна…

Про нестыковку с рождением сестёр она уже рассказала Марусе. Та почти ничего не поняла, но поверила Стеше, а не её матери. Удивилась только, для чего тётке Фетинье секретничать на пустом месте. Ну родились девки в разные дни, что тут такого? Бывает, наверное, так с двойнятами.

Теперь же приготовилась слушать ещё одну историю.

- Только, Маруся, мать сказала, если узнает, что я кому-нибудь ляпнула – убьёт, - предупредила Стеша перед рассказом и начала. – Девки ещё маленькие были. Только родились. Зима была… я тебе уже говорила... Отца всё не было. Он тогда с мужиками на дальнюю охоту ходил. А я на печке сидела, проснулась только. Выглянула наружу… И увидела… как мать вынула из печки горячий молоток, сама за деревянную ручку держится, а железкой прямо девкам на грудь. Сначала одной, потом… другой. Я с печки кувырком… Ой, как они кричали! А мать на меня стала кричать, вытолкала из хаты прямо раздетой. Потом, правда, кинула следом валенки и тулуп…

- А зачем она это сделала?

- Я не спрашивала. Боялась. Вечером она сама сказала, что пупочки у деток болят, когда они только что родятся, вот она их и лечила.

- Пупочки?

- Да… Так сказала. Но лечила не пупочки…

- Может, промахнулась?

- Не знаю. Только Маньша сильно болела после этого. Чуть не померла. И мамка тогда бегала в колдыбань…

- К Лещихе?

- Ну да… Она же лечит… Силу травы ведает… Так говорят…

- А-а. Выздоровели девки?

- Выздоровели еле-еле.

Подружки глянули на детей. Те уже жмурили глаза, засыпая.

- И у первой… Вот я уже не помню, кто из них родилась первой. Запуталась. Но только помню, что у неё пятнышко было как раз на том месте, где теперь шрам.

- Какое пятнышко?

- Родимое… Знаешь, говорят, родимые пятна приносят несчастья. Может, матушка его специально убрала? А? Чтобы девка была счастливая?

- Наверное. И у другой было пятнышко?

- У другой не помню…

- А почему нельзя об этом говорить?

- Не знаю… Старые люди любят придумывать всякие правила.

- Любят... Пойду стирать.

- Возьми мой пральник. А я пока за ними посмотрю. Когда заморишься, поменяемся.

Но прежде, чем шагнуть на мосток, Маруся нагнулась к уже спящим девочкам, погладила нежно по светлым головкам.

Маленькие ещё, а уже столько страдали.

Глава 58

Танюша хотела бежать, но ноги перестали слушаться. Она забыла, как ими управлять.

С трудом передвинула вперёд одну, на вторую сил не хватило. Ей ни за что не успеть.

Тогда она стала кричать.

Но мамочка не оборачивалась. Она всё шла и шла… Уходила в туман. И вот уже голубое платье едва виднелось за сизой дымкой.

«Мама, мамочка, не уходи…».

- Мама, мамочка, не уходи…

Танюша замотала головой по мокрой от слёз подушке и проснулась.

- Мамочка, - зарыдала она.

Сон, может, и ушёл, но бесконечная жалость и любовь к самому родному человеку продолжила терзать детскую душу.

- Прости меня, мамочка…

О, бедная, бедная мамочка. Одна… в тумане… в беде… Как её остановить? Как вернуть?

Танюша чувствовала, как сердечко готово было разорваться от горя.

«Это сон… сон… сон…».

Но слёзы продолжали заливать щёки.

Зачем она так с мамой? Зачем её обижала? Сердилась на неё, отворачивалась. Ведь мама… ни в чём не виновата. Разве она не знает свою маму? Разве она прогнала бы Марусю?

Мамочка сама попала в беду, как в туман… И идёт туда, идёт, и скоро совсем пропадёт… Совсем пропадёт… Умрёт…

Тане казалось, что она и сама теперь может умереть от горя. Чтобы хоть как-то прийти в себя, села на кровати, оглянулась.

Лампадка тихо алела в углу комнаты. Это мамочка её зажгла. Мамочка сейчас в постели. Мамочка не в тумане. У неё всё хорошо – пыталась успокоить себя девочка.

Из щели неплотно задёрнутых штор пробивался свет.

Уже утро? Ох, лучше бы теперь было утро. Таня совсем не знала, как дожить до рассвета в такой тоске.

Спрыгнула с кровати на прохладный пол, побежала к окну, выглянула в щель.

О, какая луна. Она щедро озаряла садовые дорожки, кусты и деревья, дальние постройки.

Нет, ещё ночь. Но какая необычная. Таня таких ярких ночей ещё не видела. И не видела такой огромной луны.

В саду можно всё-всё разглядеть. Или почти всё.

Можно представить, что сейчас день. Только такой, будто на него смотришь сквозь тёмную слюду.

Таня оглянулась назад. В комнате полумрак. Кровать бугрится одеялом в углу. В неё возвращаться совсем не хоте-

лось. Судорожно со всхлипыванием вздохнула - вспомнила туман и мамочку.

Нет… Уж лучше глядеть в окно. Тогда дурное настроение развеется.

У-у, какая луна. Смотрит с высоты, всё видит, всё замечает. Сердится, должно быть на Таню за её жестокость.

Может, сейчас и на Марусю смотрит. А Маруся на луну. Как она, её милая подружка? С кем? Трудно, должно быть, приходится ей в этом огромном мире.

Тане трудно. Она совсем запуталась. Взрослые её запутали.

Мадмуазель Эмили стала такой странной. То дёргается и вздрагивает, то думает о чём-то, а иной раз хихикает, когда совсем не смешно.

Вспомнила про гувернантку и сначала глазам своим не поверила, когда увидела её на садовой дорожке.

Идёт быстро-быстро со стороны старого флигеля.

Танюша хотела постучать ей и крикнуть, но она уже завернула за угол.

Интересно, почему ей тоже не спится?

Тане стало совсем не страшно. Оказывается, ночь тоже полна жизни. Просто не сразу это разглядишь.

Вот про неё теперь все думают, что она спит. А она очень даже не спит и всё замечает.

Вон кошка куда-то побежала. У этой кошки родились котята. Таня уже их гладила. Маленькие, серенькие. Ах, если

бы Маруся была бы здесь!

- Папочка? – прошептала изумлённо, когда увидела тёмную мужскую фигуру. – И он не спит?

Поморгала. А луна зашла за облака, и ночь сразу стала похожей на саму себя.

Таня зевнула.

- И вовсе не страшно.

Побежала в кровать.

Утром мадмуазель Эмили с трудом разбудила свою воспитанницу.

За завтраком Таня продолжила зевать.

- Выпрями спину. И держи ложку правильно, - рассердилась гувернантка.

Таня постаралась сделать всё как надо.

Но тут в столовую вошёл папочка.

- Милая, - поцеловал он дочь. – Я уезжаю.

- Куда? - Таня вскинула удивлённые глаза.

- В нашу городскую квартиру. На несколько дней. Тебе что-нибудь привезти?

Таня задумалась… Кажется…

- Папочка! – вспомнила она. – А я тебя сегодня ночью в саду видела. И тебя, и мадмуазель Эмили.

Сергей Дмитриевич резко отпрянул от дочери.

- Что за глупости? Тебе должно быть приснилось. Мадмуазель Эмили, думаю, вам следует больше внимания уделять вопросам воспитания. Девочка бывает несдержанной.

Папочка ушёл. Так и не узнал, что привезти дочери из городской квартиры. Но не это расстроило Таню.

Даже напугало…

Чёрный чужой страшный взгляд.

Будто из глаз любимого папочки на неё несколько мгновений смотрело другое существо.

Таня опустила головку, уже не думая о спине и о ложке, и в этом вдруг стала похожей на свою мамочку.

Ей приснилось? И показалось? Так следует думать?

Глава 59

Лидия Ивановна растерялась.

- Тпру-у, - натянула вожжи.

Бричка остановилась перед развилкой. И куда теперь?

Слева виднелось село, справа угадывалась деревня, а она не уверена, что нужный дом вообще в этой стороне.

Ах, какая она глупая. Полдня мотается по дорогам, и никакого толка. Неужели придётся возвращаться ни с чем?

Попробовала опять восстановить в памяти всё, что знала.

А знала она очень и очень немного. Хотя дело касалось самого близкого ей человека – родной матери, а спросить было не у кого.

С дядей они не были близки. Да и знала она его немного. Жила в их семье в течение нескольких дней до пансиона, а после пансиона почти сразу же вышла замуж. С Сергеем познакомилась у того же дяди.

Но дело в другом. Дядя не тот человек, к которому можно запросто обратиться. Он холоден и горд. Он занят важными государственными делами. Лишь однажды осмелилась Лидия оторвать его от работы, когда попросила о Марусе. Не для себя попросила, и даже не ради самой Маруси, ради дочери. Он пообещал помочь, на что Лидия не особо рассчитывала, поэтому была приятно удивлена и благодарна. Правда, пока результата нет.

О матушке дядя позаботился в последние годы её жизни, сделал всё, чтобы слух о её недуге не просочился в общество.

Купил небольшой дом, нанял прислугу, сиделку, оплатил лечение.

Лидия ездила туда лишь однажды, ещё до пансиона.

Она смутно помнила долгую дорогу, дядино хмурое лицо. Он мало разговаривал, о чём-то думал.

Потом она долго сидела на скамейке в саду, а какая-то пожилая женщина приглядывала за ней. Дядя ушёл к матери.

Её позвали нескоро, ввели в комнату, но дальше порога не пригласили, оставили возле двери, где она простояла некоторое время. Успела разглядеть красное лицо матери. Мать сидела в дальнем полутёмном углу, смотрела на неё не отрываясь, молча смотрела. Молчала и напуганная Лидия. Ей дядя наказал стоять на месте и не разговаривать.

Тогда она не знала про особенное состояние матери. Дядя не говорил ей. Сказал лишь, что болезнь заразная и ей с матушкой можно попрощаться только так.

Потом маленькую Лидию увели. Она снова ждала дядю на той же лавке, с той же самой женщиной.

А когда поехали назад, Лидия вдруг поняла, что забыла сказать матушке главное. Важное. Без которого она жить дальше не сможет. Во всяком случае, счастливой быть не сможет.

Она стала просить дядю остановить карету. Она плакала и вырывалась. Она спрыгнула с повозки на ходу.

Вот тогда и познакомилась с молодым весёлым доктором.

Когда спрыгнула, неудачно подвернула ногу. Пришлось дяде разворачивать карету.

Пока доктор осматривал девочку и перевязывал ногу, дядю на некоторое время позвали к карете – обнаружилась какая-то поломка. И Лидия осмелилась задать доктору вопрос, который её мучил.

- Моя мама поправится?

- А кто твоя мама? – поднял тёмные брови врач.

Лидия объяснила. И тот внимательно посмотрел на Лидию, усмехнулся.

- Думаю, да.

Через несколько дней нога зажила и её отправили в пансион, а вскоре пришло печальное известие о кончине матери.

Это было неожиданно. Всё же доктор ошибся.

Много позже Лидия от мужа узнала, что болезнь матери касалась её души. Лишь одному Сергею Дмитриевичу дядя открыл тайну. Он мужчина, он глава семьи, он должен знать. Для всех остальных это осталось неизвестным.

- Доброго дня вам, сударыня.

Лидия оглянулась.

Вот так задумалась, что не услышала, как подъехала бричка с каким-то господином. А она заняла всю дорогу, так, что объехать её можно только по полосе ещё зелёной ржи, что, само собой, было немыслимо.

Она кинула ещё один быстрый взгляд на расходящиеся

перед её экипажем дороги, пытаясь, наконец, выбрать одну.

- Сударыня, - молодой помещик легко спрыгнул со своей брички. – Могу ли я быть чем-нибудь полезен?

И только теперь Лидия узнала его. Приходилось встречаться, но имени не вспомнила.

- Разрешите представиться – Протасов Василий Егорович. – Кажется, мы знакомы.

Глава 60

- То ли Берёзовка, то ли Берёзки, - затруднялась Лидия с объяснением.

- Берёзовое, - улыбнулся Василий Егорович. – Это моё село.

- О-о, - смутилась Лидия. Не хватало ещё местных помещиков вовлекать в свои проблемы. Но другого выхода не было. Лидия вгляделась в господина Протасова.

Простая одежда. Высокая стройная фигура. Приятное, умное лицо. Открытый взгляд.

- Я ищу доктора.

- Нужна помощь? Вам или вашим близким? - забеспокоился помещик.

- Нет-нет. Просто… Здесь лет двадцать назад, нет, восемнадцать, жил врач…

Только теперь Лидия осознала сколько времени прошло. Вряд ли удастся найти все ответы после такого периода.

- Есть подходящий. С юности здесь врачует. Зовут Иваном Алексеевичем. Позвольте, я вас провожу.

- Буду признательна, - Лидия с облегчением откинулась на спинку сиденья.

Неужели получилось?

Доктор изменился, но Лидия всё равно его узнала. Многое

осталось прежним.

Всё такие же густые тёмные волосы, всё такой же живой взгляд. Может, только в глазах меньше весёлых искр.

- Конечно помню я вашу матушку, Лидия Ивановна. Да, жила в некотором отдалении от деревни. Была затворницей. Редко когда видел её гуляющей по лугам. А уж в деревню она и вовсе не ходила. Дом её теперь заколочен. Пустует. Протасов Василий Егорович следит, чтобы местные крестьяне его не разорили. Хотя дом и не на его земле, а всё же по соседству досматривает за порядком. Вам, наверное, к нему лучше обратиться по поводу дома. Или вещей…

- Про дом я не думала… Вещи… Неужели что-нибудь осталось? Но я к вам по другому вопросу…

Лидия подняла печальные глаза. Помолчала, решаясь. И словно в омут головой.

- Иван Алексеевич, я хотела бы узнать подробности о болезни моей матери. Я, кажется, её унаследовала…

- О болезни вашей матушки? Какая болезнь вас интересует? – доктор нахмурил брови. – Ваша матушка болела не чаще других… Ничего серьёзного не припомню…

«Уж об одной ли женщине мы говорим?» - засомневалась Лидия.

- Доктор, мою матушку звали Татьяна Гавриловна.

- Да. Я и говорю о Татьяне Гавриловне.

- Но как не болела? Здоровые же люди не умирают молодыми!

- О… Вы не знаете? – Иван Алексеевич, похоже, растерялся.

- Я знаю, что она была душевнобольная.

- Что?

- Я знаю, что разум ей перестал подчиняться… Я прекрасно знаю, как это отвратительно. Я не понаслышке знаю, что такое видения… Сама страдаю от них в течение нескольких лет. Я знаю, что такое крики о помощи, когда они звучат только в голове. Я видела змею, ползущую из букета гувернантки, я видела толстую моль в стакане с чаем, который пила моя подруга. Ах, всего не рассказать…

Иван Алексеевич внимательно вгляделся в глаза Лидии, сказал осторожно:

- А я знаю людей, которые видят всё то же, что вы только что перечислили, и даже больше. Только на вас они совсем не похожи. Зачем вы пытаетесь убедить меня в своём больном разуме?

Лидия со страхом поглядела на врача.

- Разве здоровый человек будет на себя всё это наговаривать?

- Нет, - сказал доктор коротко.

- Но моя матушка…

- Конечно, у вашей матушки была душевная боль. Она связана с ошибками прошлого. Это мои догадки… И я не знаю, с какими. Я лишь временами лечил её простуды, но видел бесконечную печаль.

- А безумие? – Лидия никак не могла понять, кто из них двоих никак не разберётся в сути вопроса.

- Ваша матушка была разумной женщиной.

- О…

- Лидия Ивановна, если вы сомневаетесь в моих словах, вы можете поговорить с её служанкой. Старая женщина ещё жива. Правда, глухая и слепая. Вот у неё, к сожалению, разум уже начал угасать. Но это закономерный процесс, связанный с возрастом.

- Я помню пожилую женщину…

- Могу сейчас же к ней проводить…

- Благодарю.

- … Татьяна Гавриловна шибко тосковала по дочери, - шамкала старая бабка с печи. – Да… Всё плакала и печалилась. А уж почему им не положено было видеться – не могу знать. Она мне не говорила. Братец её приезжал сначала. Гордый такой господин. Дочку один раз привозил. Больше никто к ней не приезжал. И не писал… Нет, было одно письмо… Кажись…

- Ба, - полезла внучка на печку, как только за посетителями закрылась дверь. – А чего ты не рассказала про того дядьку?

- Какого дядьку?

- Что под окнами лазил перед тем, как твоя барыня по-

мерла?

- Не помню…

- А я помню.

- Как же ты помнишь, когда тебя на свете ещё не было?

- Так ты мне рассказывала.

- А-а… Так то разве дядька был?

Лидия Ивановна и доктор медленно шли к экипажу.

- Как умерла моя мама?

- Была гроза… Её нашли утром… У лесного озера.

Лидия взглянула на Ивана Алексеевича, ожидая продолжения.

А он колебался.

- Сотский смотрел… Решили, что несчастный случай. Сук ударил по голове…

В голосе доктора слышалась неуверенность. И Лидия её уловила.

- А что подумали вы?

- Я осматривал тело… Но больше не было никаких следов. Хотя какие следы после ливня? Мне было жаль Татьяну Гавриловну.

И Лидия поняла, что доктор сказал это искренне.

- А что же со мной?

- Вы про видения? Не обижайтесь, Лидия Ивановна, но я всё это время за вами наблюдал. Нет у вас признаков душевного расстройства. Я скорее предположу, что с вами кто-то

зло шутит.

- Нет… Не получается. Эти видения были в присутствии разных людей. Не могут же они все надо мной шутить?

Иван Алексеевич усмехнулся. И Лидии вспомнилась такая же усмешка много лет назад.

- Могут… Люди иногда способны на страшные поступки. Осмелюсь дать вам совет… Будьте осторожны…

Домой Лидия вернулась после заката. Всю дорогу размышляла о том, что узнала, но так ни в чём и не разобралась. Уложила Танюшу, села писать письмо дяде. Пусть объяснит. Пусть всё расскажет. Она имеет право знать, что случилось с её матерью.

Но потом застыла с пером в руке…

«Люди иногда способны на страшные поступки. Осмелюсь дать вам совет… Будьте осторожны…».

Нет… Лучше подождать.

Глава 61

Коней в конюшне было немало, и Митька уже облюбовал себе любимца.

Чалый. Спокойный, послушный, безобидный. Как раз такой, чтобы неопытному Митьке поучиться ездить верхом.

Конюх Степан махнул равнодушно рукой – учись. Только, чтобы хозяин особо не видел. И управляющий. Не то, чтобы это было запрещено – каждый деревенский пацан обязан уметь гонять верхом, а помощник конюха – тем более, но лишний раз нечего перед глазами без дела мелькать. Вот Митька и учился в свободные минуты. А таких было достаточно.

Работа закипала с утра. Со всех сторон шёл народ с получениями от барина – кому за дровами, кому за сеном, кому в город на базар. Степан хмурил лоб, выслушивал поручения и указывал на подходящего коня.

Ещё один помощник конюха, невзрачный мужичок Демьян выводил указанную лошадь из загона, запрягал. Дело это было не самое простое, но, если коня выдавали мужикам, те не стояли на месте, сами кидались запрягать, Демьян тихонько отходил в сторонку.

Был он, по мнению Митьки, хитроватым и ленивым. При каждом удобном и неудобном случае норовил улизнуть в один из многочисленных углов конюшни и там спокойно

провести день.

Митька не раз натыкался на него спящего, обходил стороной. А потом догадался, что Демьян часто пьяный.

Пьяниц Митька никак не уважал. Поэтому с Демьяном не сдружился.

После раздачи коней Митька выводил на луг оставшихся, треножил их и возвращался чистить конюшни. К этому времени Степан часто уезжал куда-нибудь с хозяином, Демьян храпел в каком-нибудь углу, а он, наведя чистоту в загонах, с уздечкой в руках подходил к Чалому.

Для этого случая у него в кармане всегда лежала горбушка хлеба, ждала своего часа. Ждал этого часа и сам Чалый, догадался уже, для чего от Митьки всегда вкусно пахнет этими самыми горбушками.

После приветствия и угощения, Митька неумело натягивал на добрую морду коня уздечку, а потом выводил Чалого на просторы конюшенного двора, оглядывался по сторонам. Если никого не было, можно было начинать обучение.

Перво-наперво – запрыгнуть на коня. А это уже непросто. Митька поначалу подводил Чалого к какой-нибудь повозке и оттуда забирался на высокую спину, но потом стало стыдно. Он видел, как ловко запрыгивает Степан, видел, как деревенские пацаны птицами взлетают на коней, начал пробовать сам.

Хорошо, что никто не видел. Хорошо, что бабка с девками не видели, как он пару раз перелетал через спину коня на

другую сторону.

Чалый видел, косил перламутровым глазом и терпеливо ждал, пока маленький наездник наконец займёт нужное положение.

Наверху поначалу было страшно. А уж когда Чалый трогался даже шагом, Митька хватался руками и ногами за всё, что подворачивалось под эти самые руки и ноги.

Но время шло, и спина четвероного друга становилось всё более надёжной, а любовь и благодарность к Чалому только росла.

Вскоре Митька гонял на коне не хуже любого деревенского пацана, и теперь ему уже хотелось, чтобы бабка с девками на него посмотрели. Но случай никак не подворачивался.

Зато случай подвернулся подслушать чужой разговор, который поначалу показался ему неинтересным и никак его не касающимся, потом серьёзно обеспокоил, а вдруг всё же касается?

Как-то пополудни развешивал Митька по крючкам хомуты и уздечки в специальной для этого дела маленьком коморке. В конюшне никого. Так ему показалось сначала, но потом послышался голос барина.

- Опять дрыхнешь? Смотри, отведаешь у меня кнута.

- Да не… Я только на минуточку. С раннего утра на ногах, - суетливо захрипел голос Демьяна.

- Никого нет?

- Не-е, я один туточки.

Митька поколебался – может выйти? А потом махнул рукой. Коли надо будет – позовут. И снова занялся уздечками.

- Я тут надумал тебя женить.

- Николай Гаврилыч, опять? Не хотца.

- А тебе какая разница?

- Да так-то, конечно, никакой.

- Ну вот, значит, договорились.

- Так оно… как бы это сказать…

- Ну, говори, чего телишься?

- Так я и говорю… Бабы на меня крепко злые… За Настьку-то.

- Ну и пусть злятся. Тебе-то что?

- Так… конечно… Только…

- Штоф вина…

Митька поморщился. Женитьба не вызывала у него никаких положительных эмоций. Зачем они все женятся – было непонятно. А уж от женитьбы Демьяна вовсе подташнивало, поэтому, не слушая далее, незамеченный пошёл за уздечкой, которую с утра кинул на перекладину, а убрать забыл.

И когда вернулся, то продолжение разговора насторожило.

- Николай Гаврилыч, так она ведь – того…

- Чего – того?

- Так дурочка…

- Тьфу ты, опять за своё. Тебе, говорю, какая разница?

- Так бабы…

- Я тебя ещё уговаривать буду?

- Да не… Я согласный.

- Согласный он. Тьфу… Аж голова заболела.

Голос хозяина удалялся. Митька выглянул из своей коморки – помещик ушёл, Демьян двинулся в направлении дальней кучи соломы. Митька услышал его недовольное бурчание.

- Они потом топятся, а я выхожу виноватый. Оно мне надо? Жениться! Сам бы женился. Тьфу.

«Дурочка… Кого тут они женить надумали?»

На сердце легла тревога.

Глава 62

Вечером Маруся, как заправская хозяйка, накрывала на стол. Уже не на голые доски, а на белую льняную скатерть. Теперь у них три скатерти. Две обычные, сменяют друг друга по мере загрязнения, третья – праздничная, с вышитыми узорами по краям. Третья пока лежит в старом сундуке – ждёт гостей. Только кто к ним придёт? Может, напрасно ждёт?

Сундук остался от прежних хозяев – от деда с бабкой. Нюра ходила к ним на могилки, убиралась там. Сказала, что теперь это их родные могилки. Потому что так положено.

Бабку звали Лукерья, деда – Макар.

От Лукерьи и Макара им ещё достался деревянный стол, длинные лавки, тянущиеся вдоль стен, и кое-какие тряпки. Лукерья с Макаром, видать, были не крепко богатые.

Ещё какие-то инструменты лежали в сарае, но ими Маруся не интересовалась. Они Митькины.

Девочка достала хлеб, завёрнутый в чистое полотенце. Его бабуля пекла на целую неделю. Ох, какой вкусный запах стоял тогда в доме! А сам хлеб ещё вкусней, особенно когда только что из печки - горячий, мягкий, с хрустящей корочкой.

Маруся думает, что бабушкин хлеб – это самое вкусное, что есть на свете. После хлеба идёт земляника, потом пря-

ники в виде зайчиков. Их Маруся ела, когда жила у Лидии Ивановны и Танечки. А после пряников уже всё остальное.

Входная дверь скрипнула.

Маруся от печки глянула кто пришёл. Митька.

- Ольга где? – вместо приветствия спросил он.

- Я её в сад отвела.

Молча вышел. Что это с ним?

Но раздумывать особо некогда. Маруся схватила ухват и полезла в печку за щами. Тут не до Митьки. Тут надо сосредоточиться. А то бывало уже, переворачивала тяжёлый чугунок, расплёскивала всю еду.

- А бабуля с Ксеней ещё не пришли? – снова Митька. А Маруся так сосредоточилась, что не услышала.

- Они за поросёнком пошли.

- Покупать?

- Ага… К каким-то Назаровым…

Ох, как Марусе хотелось с ними. Чтобы самой выбрать. Но стерпела. Она за хозяйку, надо на стол накрывать. А то проголодались все. А поросёнка и без неё выберут.

Маруся только вслед попросила, чтобы хвостик был закручен… У поросёнка…

- К Ольге никто не приходил?

- К кому?

- Никто к нам не приходил?

- Не-е… Стеша только.

- Стеша?.. – Митька задумался. – Она сейчас дома?

- Дома… В саду, если тётка Фетимья ещё не…

- Пойдём… Как вы там с ней через забор переговариваетесь?

Маруся захлопала глазищами на Митьку.

- К Стеше пойдём?

- Ну да… Спросить кое-что надо.

Обрадованная Маруся оставила чугунок со щами, пока Митька не передумал. Ей давно уже хотелось поближе познакомить его и Стешу, но Митька никак не интересовался её подругой. А тут сам!

- Пойдём, - заторопилась она.

К нужному месту была уже протоптана тропинка.

- Стеша, - позвала в дыру.

- Что? – тут же откликнулись с другой стороны, и в дыре моргнул светлый глаз. – Ой! – раздалось растерянное, когда вместо Стеши обнаружился хмурый Митька.

Тот не стал заглядывать в щели, подтянулся на цыпочках, заглянул поверх плетня.

- Стеш, ты Демьяна знаешь?

- Какого Демьяна?

- Который на конюшне работает. Сутулый такой…

- Страшный?

- Ну… может, и страшный.

- Знаю…

- А он был женат?

- Кто?

- Демьян… - Митькино терпение едва держалось в нужных пределах.

- Был… А зачем тебе?

- Надо.

- А-а… Недавно Настя, его жена, утопилась… Красивая была. Бабы говорят, что сама в омут нырнула.

- А… чего это она?

- Не знаю… Бабы говорят, что от красоты… Я не поняла.

Митька кинул быстрый взгляд на Ольгу. Сидела она недалеко от забора.

- Ладно… Понял.

Но тут во дворе раздался истеричный визг.

- Поросёночек, - закричала в восторге Маруся и побежала встречать своего первого питомца.

Глава 63

- Бабы, молочка не найдётся?.. Кружечку?

Нюра поила своего самого маленького телёнка, обернулась посмотреть, кому там ещё пить захотелось.

Демьян… Пьянчужка из Митькиной конюшни. Отвернулась. Молока у неё не осталось, последнее телёнок допивал.

- Иди-ка отсюда, пока скребком по темечку не тюкнула, - совсем уж негостеприимно встретила мужика Нюрина напарница бабка Улита. Вдвоём они работали в помещичьем телятнике.

- И за что это, мне интересно, ты по темечку бить собралась? – в голосе Демьяна зазвучала неприкрытая обида, Нюре даже стало его жалко.

- За всё хорошее, - бабка Улита не прониклась сочувствием, напротив, намахнулась своим скребком. – Иди отсюдава, Ирод.

Демьян с досадой матюкнулся и вышел.

- Что это ты так на него, Улита? Может, человек с утра не евши.

Демьян, конечно, мужичонка никудышний, но так тоже не дело. Нюра не любила, когда людей понапрасну обижали.

Улита оставила свой скребок, села на низкую скамейку, вздохнула.

- Разве это человек? Так… хуже скотины… Настю жалко.

Нюра оставила телёнка, села рядом.

- Обидел? Девку-то? Настю?

- Погубил… Вместе с хозяином обманом женили и со свету сжили… Утопилась Настя… Такая красавица была. А бесталанная, видать. Не принесла красота счастья. Сироткой тут у нас бегала. Махонькая ещё прибилась к поместью, здесь и росла… На свою беду… Работала… Жила с девками в прядильне. А как подрастать стала, так крепко захорошела. Что цветочек аленький распустилась. Чуяли мы, что не к добру. Наш-то барин, слыхала небось, до девок шибко охоч. Даже слух прошёл, что городскими, которые даже из дворянских семей, не шибко боялся пользоваться. Может, конечно, брешут… У дворянских-то девок мамки, няньки, гувернантки, разве они в обиду дадут? А нашим житья не стало… Как какая подрастёт, да в силу войдёт, так барин тут как тут. Караулит уже, чтобы кто случаем не опередил… Такая вот наша крепостная долюшка. Ты, я слышала, свободная?

- Да, - часто закивала Нюра головой. Вольной грамоты у неё не было, вот и кивала, как можно утвердительней. – Меня помещик отпустил, потому как я старая уже стала.

- Во-во… Тоже взяли моду на старости лет отпускать на все четыре стороны. Подыхай от голоду и холоду под любым кустом.

- Не-е, я сама ушла…

- И девки твои вольные?

- Все вольные, - не моргнув глазом соврала Нюра.

- Вот и Настя была вольная. Сама по себе была. Потому-то хваткие ручки барина долго до неё не дотягивались. Это с нами-то, с крепостными, можно по-всякому… Сама как вспомню… Я же красивая была когда-то… А старый помещик тоже ходок был по бабьей части… Дед нашего-то Николая Гаврилыча, получается… Да и отец его… Так-то, они, вроде не злые… Чтобы искалечить – не, того не позволяют себе. И не бьют почти… Разве, когда озлятся на кого-нибудь… Но с кем не бывает? А за просто так – не-ет. И не продают как попало… Крепко страшно, когда дитё родное у матери вырывают, да продают какому-нибудь лиходею… Так что нам жаловаться особо не на что. Только вот с девками балует… А ведь не каждая это стерпит. Девки тоже разные бывают.

Нюра этому рассказу не удивилась. Заметила уже, как зубоскалит помещик с красивыми крестьянками.

- Ну, а Настя? – направила убежавшие мысли Улиты к первоначальной теме.

- А Настю замуж выдали. Вот за этого охламона. Обманули девку, наплели с три короба, мол, мужем он тебе не будет, а будет заступником. Будешь замужняя, отстанут кобели-то. А надо сказать, что парни мимо Насти спокойно не проходили. Сирота ведь, заступиться некому. Вот и нашла заступника.

- И что? – никак не могла понять Нюра.

- А то, что стала Настя сразу после замужества и сама кре-

постной. Обманули девку. И наш-то её сразу к себе поволок. Мол, теперь уже не отвертишься. Теперь обязана выполнять всё, что я тебе прикажу. Я твой хозяин.

- А заступник?

- А заступник помогал волочить…

Бабка Нюра покачала головой… Обидно-то как.

- Неужто никто ей заранее не подсказал?

- Так никто и не знал. Подружка только Груня. А та сама бестолковая… Они быстро состряпали это дело… А наутро оказалось, что пропала девка. Нет нигде. Я уж подумала, что сбежала куда подальше… Не… не сбежала… Нашли…

Домой Нюра возвращалась задумчивая. И печальная. Жалко девок. Жалко Настю.

- Нюр, постой!

Оглянулась – управляющий догоняет.

- Знаешь, где Зелёный Кут?

- Знаю… Довелось мимо проходить.

- Дня через три пойдёшь туда за телятами. У тамошнего помещика купили пятерых штук новой породы.

- Одна? - испугалась Нюра. Вроде не в том уже возрасте, чтобы за телятами по полям скакать.

- Да хоть со своими. С Ксеней да с Митькой.

- Когда иттить-то?

- Скажу потом. Дня через три готовься.

- Ладно…

Дальше пошла ещё задумчивей.

Глава 64

Анна страшно опаздывала. Оранжевый кусочек солнца последний раз блеснул над тёмной полосой леса и окончательно скрылся из глаз. Девушка ускорила шаг.

Всю неделю ждала этого дня, жалела, что сама настояла на таком долгом сроке, а в назначенный день всё пошло кувырком.

С бабушкой накануне был разговор. Трудный. Но та всё поняла. Более того, рассказала, что сама в своё время взбунтовалась против воли отца. И ни о чём не пожалела. Прожила долгую и счастливую жизнь.

- Но тогда на моей стороне была мать… Отец не стал упорствовать… Он меня любил… Я же единственная дочка. Родители не хотели, чтобы я была несчастной… За кого они тебя надумали отдавать?

Анна не сразу поняла, то последний вопрос относится к её родителям.

- За господина Усанова. Он старше отца и имел уже нескольких жён. Они умерли. Последняя Полина… Я её немного знала. Она с нашей Екатериной дружила.

- Это Дарья всё мутит. Той всё денег мало… А твоему отцу лишь бы поесть повкуснее, попить вволю да чтобы диван помягче был… Тот, может, и не настаивал бы… Ишь, чего удумали, отдать дочку за старика…

Анне не впервой слышать от бабушки нелестный отзыв о родителях. Промолчала.

- Думаю, что люди многое исказили, вывернули наизнанку, - задумчиво покачала головой старая графиня. – Обесценили любовь. А без неё нельзя создавать семью. Так издревле ведётся. Так мир устроен… Адам и Ева любили друг друга. Иначе бы не выжили. Вот моё мнение. Без любви семья - нечто хилое и нездоровое. Другое дело - молодые люди могут запутаться. Вот тогда-то родители должны подсказать и направить…

«Ох, бабушка, если бы ты знала, как мы запутались…».

Всего Анна ей не открыла – ни к чему излишне тревожить старого человека.

Теперь бабушка всё чаще оставалась в постели, всё реже горничные усаживали её в кресло.

- А я знала Тарухановых. И родителей этого… твоего…

- Александра…

- Да… И деда… Хорошая семья… Конечно, я не могу одобрить твой побег… Но и препятствовать не буду... Пусть Усанов себе другую дуру поищет. А Дарье я ещё скажу… Я хоть старая, да не до конца из разума выжила… А её умишко, видать, совсем скукожился в последнее время… Анна, вот ключ, открой секретер, принеси шкатулку из среднего ящика.

Бабушка сняла с шеи верёвку с ключом, передала внучке.

В шкатулке были семейные украшения.

- Почти всё это со временем станет твоим. Но теперь я тебе подарю… - старуха задумчиво стало перебирать блестящие драгоценности. – Вот эту тиару… Возьми её вместе с моим благословением.

- О-о, какая красивая.

- Изготовлена братьями Дюваль… Эти сапфиры очень подойдут тебе. Пусть твои голубые глаза чаще светятся от счастья. Не от камней это зависит. Они всего лишь помощники в этом деле. Хотя и неплохие помощники.

В порыве благодарности Анна поцеловала коричневую сморщенную руку.

- Ну будет… будет… Ступай.

За день до ухода Анна собрала в узелок лишь самое необходимое. Но и это не укрылось от острых взоров Агафьи. Вечером служанка вошла в комнату сразу после стука, и Анна не успела спрятать разложенные на кровати вещи.

Глянула та, промолчала. Но безусловно насторожилась.

После того, как упустила Анну в прошлый раз, она теперь не оставляла девушку без внимания. Вертелась, крутилась неподалёку, куда бы Анна ни направилась. Это невыносимо раздражало. Это утомляло. Это пугало - как ей без препятствий уйти в нужный день?

И вот он наступил. Анна сидела на террасе, собираясь с духом перед тем, как отправиться в новую жизнь, когда к ней робко обратилась сенная девушка.

- Барышня, позвольте вам что-то показать…

- Что такое? – удивилась Анна.

Прислуга к ней редко когда обращалась. В дела поместья она совсем не вмешивалась.

- Надо туда дойти, - махнула девушка куда-то в сторону.

Ничего не понимая, Анна встала, пошла.

- В погреб? – снова удивилась. Остановилась в нерешительности. Что ей там делать?

- Да… Там плохо… Упала…

Упала? Анна торопливо пошла. Хоть ноги и сковывал страх – что она сейчас увидит? Кто упал? Расшибся? Но медлить нельзя.

- Сейчас… Лучину зажгу…

Небольшой огонёк осветил серые стены погреба.

- Доктор далеко живёт? Надо за ним послать. Чтобы время не терять.

- Уже послали. Ой… Лучина потухла.

Анна оглянулась в темноте. Услышала, как по ступенькам застучали торопливые шаги.

- Я за свечой, - пропищал испуганный голос, и дверь подвала захлопнулась.

Долго Анна не могла понять, что произошло. Но поняла. На это у неё был целый день. Который она провела в холодном погребе. Целый страшный бесконечный день.

Чего добивается Агафья?

Ждёт матушку. Она, увидев узел с вещами, о многом догадалась, решила её задержать… Вот так…

Анна поднялась в самый верх, там было теплее всего, прислонилась к двери и так просидела.

Стучать и кричать бесполезно. Это дверь непробиваемая. Во всяком случае, для Анны.

Страшно особо не было. Была бесконечная печаль.

Трудно идти по собственной дороге. Почти невозможно. Сильные люди всё время сбивают с пути, возвращают туда, где они считают быть правильным. Возвращают на чужие дороги.

Самоуверенным людям даже в голову не приходит, что так нельзя. Что они не имеют право распоряжаться чужими жизнями. Нет у них этого права, они сами его присвоили.

А ей? Подчиниться?

Если бы не малышка, она бы никогда не рискнула пойти против воли родителей. Она вышла бы замуж за Усанова и прожила бы короткую и несчастливую жизнь.

Но бедная девочка из какого-то неведомого далёка посылает своей матери силы идти вперёд. Искать свой путь. Искать…

Через целую вечность дверь дёрнулась, коротко скрипнула.

Анна толкнула её. Она открылась. Вышла – никого. Лишь за углом мелькнул подол знакомого сарафана. Не выдержала девичья душа.

Вечерело.

Идти за узелком?

Нет. Пойдёт так. Новых препятствий ей уже сегодня не преодолеть. Осторожно проскользнула между сараями, вышла из боковой калитки.

В лесу почти темно… Страшно. Но путь недалёк. И Александр наверняка выйдет навстречу. Вот-вот появится.

Но Александра всё не было.

Стало тревожно. Что-то не то… Что-то опять идёт неправильно.

Вот и лесное озеро. Ночью оно совсем не такое, как при солнечном свете. Исчезла дневная прелесть. Чёрная вода почти неподвижна. Неподалёку резко прокричала птица.

Анна оглянулась… Александра нет. Он не пришёл.

Может, он дни неправильно посчитал? Может, она дни посчитала не так?

Глупости. Они взрослые люди, считать умеют.

Что-то случилось.

А ей что делать?

Возвращаться в поместье? Анна уже нерешительно повернула назад.

Но там матушка. Или приехала, или вот-вот явится. И Агафья ей обо всём доложит. И у Анны больше не будет никакого шанса выйти из-под её контроля. Она потеряет всё.

Анна остановилась. Хотелось плакать от беспомощности. От страшного одиночества. От бесприютности.

Оглянулась на озеро.

Более того, ей и здесь оставаться нельзя. Она теперь слиш-

ком близко от поместья, её здесь живо найдут. Может даже этой ночью.

И Анна нерешительно двинулась куда-то в шуршащую темноту.

Глава 65

Сергею Дмитриевичу предстояло выполнить два дела, он решил начать с неприятного.

Визит к генерал-фельдмаршалу. Он же дядя жены.

Хотел написать письмо, но даже в завуалированной форме оно вызовет недовольство такого высокопоставленного человека. А уж ответа на него он вряд ли дождётся. Пришлось делать крюк, заезжать лично.

Дядя принял его скоро.

«Отодвинул свои государственные дела, - зло усмехнулся Сергей Дмитриевич. – Своя шкура дороже… Даже если она запятналась вся и заляпалась».

- Присаживайтесь, - указал генерал на кресло против стола, за которым сидел.

Сергей Дмитриевич сел. Потом чуть заметно развалился, принимая более непринуждённую позу, чем первоначально выбрало тело. В этом кресле привыкли сжиматься и тревожиться. Но он здесь не в качестве просителя.

Сергей Дмитриевич ещё немного расслабился.

В глазах генерала мелькнула насмешка. Словно он уловил все колебания своего зятя.

- Слушаю вас…

- Я приехал узнать новости о девчонке. Письмами вы меня не балуете, а между тем вопрос серьёзный.

- Новостей нет. Уж поверьте, если бы её нашли, я бы вам обязательно сообщил.

- Да как же? Куда она подевалась? Может, в живых уже нет?

Генерал пожал плечами. Сергей Дмитриевич незаметно для себя выпрямил спину. Неуверенно продолжил:

- Так-то… На нет, как говорится, и суда нет. Никто не застрахован. Вот только бумаги… У кого они окажутся? А между прочим, эти бумаги вам нужнее… Мне они так…

- Вот и радуйтесь, что вам они так. А о себе я позабочусь, - на лице генерала не дрогнул ни единый мускул.

«С..а, - в бешенстве подумал Чаруданов. – И по виду не скажешь, что эти бумаги способны этого козла погубить. Как он так держится? Бычара…».

- Маленькая девочка может… многое испортить… Даже сама об этом не ведая, - рискнул частично озвучить свои мысли.

- Ну что вы? Преувеличиваете… Неприятности создать – да. С этим не спорю… Но вы зря волнуетесь обо мне.

«Нужен ты мне, чтобы я о тебе волновался…».

- Что же ваши люди так беспомощны? – решил уколоть.

- Искать девочку по стране, всё равно что иголку в стоге сена… На словах хорошо, на деле не так-то просто… Ну ладно… Есть информация, что мои люди напали на след… Скоро всё выяснится… Я вам сообщу. Не смею больше задерживать.

«С..а!»

- Рад был повидаться, - Сергей Дмитриевич протянул руку для прощания, но внимание генерала отвлекла какая-то бумажка.

«С..а!»

Двигаясь по коридору, он услышал за спиной какой-то грохот.

«Это в кабинете? – не понял Сергей Дмитриевич. - Надеюсь старый козёл ударился головой об стену».

Но проверять, что там грохнуло на самом деле, разумеется, не стал.

И напрасно. Потому что увиденное его бы порадовало. Хотя… может, и напугало бы.

Генерал с силой вмазал каменное пресс-папье в стену так, что посыпалась штукатурка.

Нервы у генерала тоже были не железные. Особенно когда дело касалось его карьеры.

Глава 66

Александра встала с кровати, накинула халат на голое тело, подошла к туалетному столику, стала поправлять волосы.

Сергей Дмитриевич, лёжа в постели, наблюдал. Руки его были закинуты за голову, голый торс полуприкрыт лёгким одеялом.

- Поедешь со мной.

- Куда? - обернулась Александра.

- В деревню.

- Шутишь?

- Завтра с утра пришлю экипаж.

Александра оставила в покое волосы, села на стул, стала смотреть через зеркало на любовника.

- Знаешь, мне не совсем нравятся твои шутки… Я не понимаю…

- Тебе незачем понимать. Это тебя не касается.

- Ещё как касается. Когда ужасное насекомое плавает в моей чашке, и я пью из неё чай, рискуя подавиться этим мерзким мохнатым чудовищем.

- Но ты же сама его туда закинула, - Сергей Дмитриевич усмехнулся.

- Но я закинула его по твоей просьбе. Зачем ты это делаешь? Чего ты хочешь от Лидии? Чтобы она лишилась рассудка? Но ведь она твоя… – внезапно осенило. – Ты хочешь

с ней развестись? Это почти идеальный повод для развода.

- Да, дорогая. Ты совершенно права.

Но Александра разочаровано вздохнула. Судя по его тону, это не так. А может, так? От этого мужчины у неё всегда голова кругом.

- Не думаю, что моя поездка в деревню - это хорошая идея.

- Это прекрасная идея. Кстати, Лидия прислала тебе приглашение. Где-то в сюртуке письмо.

- А что же гувернантка? Ты, кажется, говорил, что она тебе помогает?

- Глупее существа я ещё не видел. И глупее, и трусливее. Если бы ты видела, как она тряслась от обыкновенной медянки.

- Медянки? – глаза Александры распахнулись от ужаса. – Змеи, что ли?

- Заметь, не ядовитой… В какой-нибудь момент она может всё испортить. Я пожалел, что втянул её. Пока ей объяснишь, что да как…

- Я не удивлена. За несколько месяцев ты мне тоже не смог объяснить. Тут уж я с француженкой солидарна.

- Не лукавь. Ты понимаешь всё с полуслова.

- Не скажи…

- Но ты же всё делаешь правильно.

- Мне просто… Скажу тебе честно. Мне просто доставляет удовольствие наблюдать за изумлением твоей жены. За её страхом и растерянностью. Извини, но она тоже глупа. Как и

француженка. И я нахожу какое-то странное удовольствие… как бы это объяснить? Я как будто расширяю границы её разума, пытаю его, продавливаю, наблюдаю, когда настанет предел, и она всё поймёт.

- Не лукавь, - повторил она её слова. – Тебе просто нравится доводить её до безумия.

- Ну, не без этого, - Александра откинула голову назад и засмеялась. Она смеялась и любовалась собой в зеркале. Хороша!

Если бы в этот момент Александра посмотрела бы на своего любовника, то вместо ожидаемой благодарности увидела бы острую ненависть, блеснувшую в его взгляде.

Но она почувствовала её, резко обернулась.

И в глазах мужчины словно пелена прошла, скрывая ненависть, возвращая непроницаемость.

- Что ты? – нахмурилась она, не понимая, почему по спине побежали мурашки.

- Что я?

- Не знаю. Я не понимаю смысла всего этого. Но я готова продолжить. Я поеду с тобой.

- Конечно, дорогая. Собирайся. Завтра утром выезжаем. Мне пора, - он откинул одеяло.

- Ты не останешься у меня?

- Меня ждут в клубе.

Глава 67

- Как сбежала? Агафья, ты в своём уме?

- Барыня, я только на минуту отошла. Сама не понимаю.

- Может, она спряталась? За какими-нибудь плетушками?

- Да я, кажись, всё обсмотрела.

- Неси свечу.

Дарья Васильевна только сошла с экипажа. Тряслась несколько часов, не успела поздоровалась с хозяйкой поместья – бабушкой мужа, старой паучихой, и тут горничная огорошила такой новостью – сбежала курва. Ну всё! Это была последняя капля. Всё! Хватит! Уж на что ей терпения не занимать, но тут и оно закончилось. Пусть как знает… Пусть пеняет на себя…

Пока Агафья бегала за огнём, Дарья Васильевна ходила взад-вперёд перед дверью погреба, не решаясь одной туда сунуться, и чувствовала, как сердце переполняется возмущением.

- Добилась ты, девочка, своего. Долго старалась… Но теперь никакого снисхождения. Теперь под замок. Так, чтобы и носа не высунула. И в монастырь.

Агафья из усердия принесла целую охапку свечей. Вдвоём обшарили все закоулки погреба, заглянули в широкие корзины и глубокие бочки. Анны не было.

- Пошли… Расскажешь всё.

Дарья Васильевна заняла комнату, в которой она всегда останавливалась, когда приезжала навестить старуху. Узнала от прислуги, что та уже спит. Оно и к лучшему. Теперь Дарье Васильевне только бабкиного яда не хватало. Завтра утром успеют обменяться и покусать друг друга.

- Сама не понимаю, как так вышло, - ныла Агафья у двери, заламывая руки. – Никак, кто-то сунулся в подвал, она и выскочила.

- А ты не могла кого-нибудь на карауле поставить?

- Кого, барыня? Кому тут можно довериться? Сама весь день караулила. И вот только в уборную отошла. Вернулась, а дверь-то приоткрыта. Я туда – а там уже никого.

- Что ещё было?

- Было, Дарья Васильевна, было. Всё как есть обскажу.

Агафья завела под лоб глаза, вспоминая.

- Значит, всё тихо-мирно сначала. Я уже расслабилась было, думаю, знать, успокоилась барышня, а она возьми и пропала.

- Как пропала? Когда?

- Да это другой раз… Неделю назад было. Где-то гуляла до вечера, потом пришла как ни в чём не бывало. Тут-то я поняла свою оплошность, ну, думаю, другого раза не допущу. А она опять ничего, вроде. Потом к старой графине ходила, что-то ей рассказывала… - Агафья выжидательно замолчала.

- Ну ты же подслушала?

- Случайно услыхала краем уха, что жених у неё есть. С ним собралась в путь-дорогу.

- И здесь умудрилась не остаться без жениха! Ловко у неё получается. Ладно… Что дальше?

- А дальше узелочек собрала. Я тут же за вами и послала нарочного…

- Ага, твою записку с трудом расшифровала. Что ты там накарябала? «Барна ехай бегит».

- Как? – сама заинтересовалась результатом Агафья.

Но Дарья Васильевна не стала повторять. Агафья вздохнула.

– Барыня, так я же грамоте не обучена.

- Знаю. Что потом?

- А потом я поняла, что ускользнёт скоро Анна Георгиевна. И ничего-то я не сделаю. Потому-то и заманила её в погреб, там-то и закрыла… А дальше вы всё знаете.

- Надо искать. Зови слуг.

- Всех?

- Ну, самых древних можешь не звать, остальных зови.

Вскоре несколько десятков человек с факелами прочёсывали округу. Без результата.

Утром Дарью Васильевну позвали к старой графине.

- Ты что это вздумала, Дарья? За старика цветочек такой отдавать? Или сердца у тебя нет? – сердито начала та, но Дарья Васильевна перебила.

- А этот цветочек не поведал вам, что давно уже сорванный?

- Что?

- А то! Не девка она уже. И ребёнка родить успела.

- Что?

- Вот так-то. И за кого её выдавать прикажете при таких обстоятельствах? За какого-такого принца?

Старуха откинулась на подушки, замолчала. Молчала и Дарья Васильевна. Её грудь вздымалась от тяжёлого дыхания, но в общем она была довольна. Приятно осадить старую паучиху.

- И с кем… она… ребёнка?

- Откуда мне знать? Не призналась. Таруханов до своего отъезда за границу вокруг неё всё вертелся.

- Ну так она за Таруханова и выходит.

- Что?

- Что «что»?

- Не может быть…

- Почему не может?

- Он… он… уми… в тяжёлом состоянии…Неизвестно, выживет ли… Несчастный случай…

Глава 68 Несколькими днями ранее

- Дальше не проехать, барышня, - девка натянула поводья и остановила повозку.

Екатерина оглянулась. Лес. Дорога круто сворачивала в сторону. Несколько сосен сгруппировались на повороте… Нет, одна сосна… Что не так? Екатерина сначала не поняла, потом всё же сообразила, что слишком много стволов из одного места. Так не бывает. Во всяком случае, она это видит в первый раз.

- Куда дальше?

- А вон, видите, тропка едва заметная? Она выведет прямо к хижине.

- Долго идти?

- Ну как? И ни крепко долго, и ни крепко недолго.

- Ты там бывала?

- Ни в жизнь, барышня, в такую страсть не пойду, - девка перепуганно замотала головой, потом зыркнула по сторонам, словно проверяя, нет ли подслушивающих, никто не передаст её нелестные слова ведьме?

- А откуда тогда знаешь дорогу?

- Наши девки бегали гадать. Я спрашивала… И мать моя, когда грыжа из пупка полезла, тоже сюда ходила.

- Помогла? – Екатерина медлила. Трудно было сделать первый шаг.

- Кажись, помогла.

- Ну вот… Значит, это не ведьма, а знахарка… Значит, нечего бояться.

Девка не стала спорить, но на её лице отразилось великое сомнение.

- Вот что… Тебя Алёной зовут?

- Алёной, барышня.

- Жди меня здесь… Я скоро.

Последние слова добавила скорее для себя. Чтобы приободриться, прогнать трусливые мурашки. Легко спрыгнула со ступени на мягкую траву.

- Ладно, - протянула Алёна, с интересом наблюдая за хозяйкой. В её взоре Екатерина прочитала нездоровое любопытство. Так, наверное, смотрят на человека перед его казнью. Запоминают последние слова и выражение лица.

Екатерина шагнула на указанную тропинку.

И тут же лес изменился. Из солнечного, весёлого, доброго он сделался тёмным и мрачным. Глухим. Птичьи трели слышались уже издалека и с каждым шагом затихали.

Густые душные ели окружили, нависли над головой, давили со всех сторон, словно не желая пускать.

Екатерина неприятно удивилась такой разительной перемене, обернулась.

Между тяжёлыми лапами елей мелькнули солнечные пятна, весёлая зелень и озабоченное лицо сенной девки. Мелькнули и пропали. Дальше ей предстоит быть совсем одной.

«Зачем я иду? Страшный лес… Ведьма… Разве это мой путь? Разве это моя компания?»

Катя чувствовала, что не только страх сковывает ноги, но и другой протест - нежелание строить свою жизнь криво, брезгливость к возможному будущему счастью, которое создано с помощью ворожеи. Будет ли оно крепким? Будет ли оно счастьем?

А потом вспомнила сколько ей лет. А потом вспомнила, что у самой ничего не получилось. А потом вспомнила, что счастье достаётся другим. Прямо теперь, на её глазах. Перед мысленным взором мелькнула смеющаяся, танцующая Машенька Ревановская. Та уже загребает счастье широкими ковшами.

А она? Хуже? Она тоже достойна.

И вообще, это трусость – отступать в последний момент.

И она зашагала дальше.

Лесная подстилка была мягкой от бурого мха и пружинила под ногами. Но идти было непросто. Еловые длинные лапы так и норовили уколоть. Тропинка едва угадывалась. Иногда вовсе пропадала из глаз. Екатерина останавливалась, растерянно оглядывалась.

- А найду ли дорогу назад? – пробормотала вслух.

И собственный голос показался неестественно глухим и одиноким. А над головой резко крикнула птица. Девушка от неожиданности присела.

- Так… можно и сердечный приступ получить. «Не крепко

близко, и не крепко далёко», - передразнила она Алёну. – А, по-моему, далековато.

Не заблудилась. Избушка вынырнула из-за очередной ели. Катя остановилась, стала рассматривать. Это та, что ей нужна? Кажется совсем развалюхой.

Но жилой дух ощущался. Да и дымком потянуло. Девушка нерешительно тронулась. Перед порогом лавка. Она опустилась на неё. Подождёт…

Дверь тут же длинно заскрипела.

Катя вскочила.

Бабка и вправду была яга. Сухая, сгорбленная, длинный нос с бородавкой, хмурые глаза.

- Ну? – вместо приветствия поинтересовалась она.

И Катя подавила желание сделать книксен.

- Я вообще-то не верю в магию и колдовство, - девушка чуть подняла подбородок.

- Прямо от сердца отлегло…

- Чт…

Катя поняла, что над ней насмешничают. Но как произвести должное впечатление на эту старуху?

- Да… Я считаю, что всё это глупости…

- Ага… Ну тады иди лесом отседа, - бабка стала запирать дверь.

- Погодите, бабушка, - Катя схватилась за косяк. – Я заплачу…

- За чтой-то ты собираешься платить? - бабка останови-

лась.

- Вот ожерелье… С настоящими сапфирами, - Катя вынула из подвесного мешочка на поясе украшение.

- А на что оно мне? – в глазах у бабки теперь светилась нескрываемая насмешка.

- Оно очень дорогое. Оно принадлежало моей бабушке, графине Косановой… Моя бабушка раньше жила в поместье… Тут неподалеку. Потом передала его своему внуку, моему отцу… Поместье передала… А ожерелье мне… Теперь мы тут живём… Вот я заехала…

Катя бормотала как заведённая, забыв о достоинстве. Теперь ей казалось важным не уйти отсюда ни с чем.

И не сразу заметила, как из глаз бабки исчезла насмешка. Теперь старуха глядела внимательно и серьёзно.

- И что здесь понадобилось правнучке графини Косановой?

Катя поглядела на дверь. Её так и будут держать на пороге? Бабка поняла. С неохотой отступила в сторону.

- Проходи.

Катя шагнула в полутёмную избу, освещённую лишь тусклой лучиной, торчащей в светце.

- Я считаю, что мудрость человеческая, накопленная многими поколениями…

- Ты садись на лавку, там считай.

- Благодарю. Я считаю… - но мысль уже покинула взволнованную головку. Катя растерянно замолчала.

Бабка глядела из тёмного угла на свою гостью, тоже молчала.

- Понимаете… Мне нужен совет…

- Вот за советами ступай к своей маменьке.

- Её советы не помогают. А между тем, я… я…

Катя не могла признаться этой страхолюдине, что она, такая красотка, осталась без женихов.

- Ну, может, не совет. Может, какая-то наука… Какое-то средство… Я заплачу.

Катя подошла к столу, положила ожерелье, вернулась на свою лавку. Дальше смотрела, как мягко светятся голубые камни и говорила, не сводя с них глаз. Так ей стало чуть легче.

- Вы… Не успела я показаться на вашем пороге, а вы меня вон как скрутили… Почему? Вы… такая… ну… немолодая, не образованная. Я имею в виду… Не хотела вас обидеть… А взяли надо мной верх. Научите… Мне надо…

Девушка не видела, как и бабкины глаза сверкнули в темноте. Но даже если бы и заметила, понять интерес старухи всё равно не смогла бы.

- Правда твоя… Есть средства… Но за них не цацками платят…

Гнетущая тошнотворная волна прошлась внутри… Катя даже не поняла, в каком месте. Может, там, где живёт её душа?

- Научу, - вдруг легко согласилась бабка. – Раз уж пра-

внучке госпожи Косановой захотелось поиграться с людьми, кто я такая, чтобы ей в этом препятствовать?

Катя бросила быстрый взгляд на бабку. Как она говорит? Кажется, она ещё загадочней, чем первоначально предполагалось. Голова закружилась.

- Укради у человека веру… Заставь его сомневаться… Сломай уверенность… И смотри, что будет.

В наступившей тишине Катя не сразу поняла, что урок закончен. Бабка подсказала:

- Ступай.

Катя нерешительно поднялась.

- Но помни, что придётся заплатить… А поцацурку свою забирай.

Вернувшись домой, Катя первым делом попросила Дарью Васильевну:

- Матушка, продайте сенную девку Алёну.

- С чего бы это? На носу сенокос, каждый человек на счету. Зачем продавать здоровую девку?

- А у всех сенокос?

- У всех, конечно. Макушка лета на дворе.

- Ну значит, всем нужны здоровые девки, и продать будет легко.

- Да зачем продавать-то?

- Она… она меня оскорбила.

- Что?

Но Катя уже закрыла лицо ладонями – заплакала.

Ей не нужно было, чтобы по поместью ходили слухи о её поездке.

Глава 69

- Да-а… Ехал в гости... танцевал… и не думал, что назад уже на телеге повезут… Вот жизнь… Такая она…

Валенский потянулся к бутылке, ливанул себе так, что вино брызнуло через край, залило скатерть. И на белой ткани заалело пятно, медленно расползаясь и увеличиваясь в размерах. Мужчины некоторое время задумчиво смотрели на него. Но мысли был далеки от скатерти.

- Его недосмотр, конечно… Разве можно чужим работникам доверять?

- И ведь трезвый был… - Валенский икнул. – Я с ним, конечно, так себе… Едва знакомы… Здороваемся только.

Лихачевский согласно кивнул.

- Сам так же. Скучноватый господин… Однако, не пожелал бы никому…

- За его здоровье… Может, ещё поправится…

- Может… Хотя смотреть было страшно… Есть тут нормальный врач?

- Не знаю… Ходит какой-то старик… Я не болею, - Валенский хихикнул.

- Слушайте… Дайте бумагу и перо.

- Что вы задумали?

- Пошлём записку его другу.

- Какому другу?

- Василию Протасову. Тот похлопочет… Ведь у Тарухановa никого нет.

- Давайте завтра.

- Нет… Велите принести. Всего пара строк.

Через несколько минут слуга срочно выехал в село Берёзовое с письмом к тамошнему помещику. И мужчины вновь обратили всё внимание на вино, и оно делало своё дело. Скоро Валенский уже пьяно хихикал.

- Девки у меня хороши… Видели? Вам тоже не мешало бы обзавестись поместьем. Советую…

- Как-то не представляю себя на сенокосе.

- А мужики на что? И бабы… И девки. Сенокос – это по их части… Наша, помещичья сторона хозяйская… О чём я?.. Девки… Вы видели, какая тут у меня краля полы моет? А Манька? Все мои… Кого захочу… Потому что так положено… Я хозяин на этой земле… Понял? Я хозяин над ними… Сейчас пойдём…

- Куда?

- Во флигель… Нас теперь там дожидаются. Только Маньку не трогайте… Моя… Видели её? Во-о такие глазищи… А себе другую выберете… Там дожидаются… Во флигеле… Хватит и на вашу долю… Понравятся, по себе знаю. Скоро ещё одну заимею… А-а, я видел, как вы на неё смотрели. Ещё бы… Такую красоту редко встретишь. Как её только в наши края занесло?.. Ну, её занесло, а я, не будь дураком, попридержал, теперь надо застолбить…

- Вы про ту? Про немую?

- Говорят, дурочка, - Валенский постучал костяшкой пальца по столу. – А мне всё равно… И ей всё равно… Так и живём…

- Из головы не идёт, что я её когда-то видел… Иногда даже думаю, не приснилась ли? Вообще не понимаю. Уже, кажется, всех знакомых в уме перебрал…

Валенский посмотрел мутным взором на своего приятеля, хотел сказать что-то разумно объясняющее его сомнения, но мысли, как назло, ускакали. Пьяно махнул рукой.

- Какая разница? Может, где и встречались. Мало ли на каких дорогах попадалась? Вот попробуете её, тогда перестанете голову ломать. Но только после меня…

- Так вы же говорили, что она не ваша… Бродяжка безродная.

- Ну говорил. Теперь - не моя, завтра моей станет. Со всеми правами. Есть способы… Пойдёмте к девкам.

Валенский схватил бутылку за горлышко, другой рукой потянул барона.

Во флигеле девки встретили неласково. Глазастая Манька смотрела зверем, две другие просто тряслись.

- Ты гля, глазищи, - Валенский незаметно для себя перешёл на «ты». – Вот за это и люблю её... Мань, я тебе конфеты пронёс.

Барин, качаясь, полез в карманы.

Утром Лихачевский проснулся рано. Хотелось пить. Страшно раскалывалась голова. Девок рядом уже не было.

Он не стал стучаться в соседнюю горницу, будить приятеля, оделся, вышел во двор. Здесь уже кипела работа.

Барон увидел девку с вёдрами воды на коромысле, схватился за ближайшее и стал пить прямо из ведра. Девка терпеливо ждала.

- Ох, выручила ты меня, подруга. Ступай.

На душе было муторно. В дом не хотелось. Лихачевский пошёл по двору, завернул на стук молота.

Возле кузницы молодой крепкий малый бил по красному железу.

Лихачевский сел на какой-то пенёк, стал смотреть.

Красивый парень. Светлолицый. Хмурый только. Тоже, видать, не выспался.

Лихачевский прислонился спиной к стене кузницы. Задумался.

Что-то не так он живёт… Пусто… Вот у этого парня и то больше смысла. Трудится…

- Хозяина не видел? – поинтересовался он у кузнеца, когда тот бросил молот, стал что-то рассматривать на железе. Просто так спросил. Чтобы завязать разговор.

Парень с силой кинул железку в ведро с водой, поднял глаза, и Лихачевскому показалось, что под шипение остывающего железа в ведре, у парня из глаз брызнули серые лез-

вия.

- С женой моей ещё почивают.
- С кем?
- С Маней, женой моей.

Пополудни мрачный, как туча, барон возвращался в город.

Глава 70

Пока шла по селу, Ксеня крепилась. Но как только последние хаты скрылись за спиной, дала волю слезам. Сначала они, почуяв долгожданную свободу, брызнули щедро на щёки, потом девушка заревела навзрыд. И от обиды, и от бессилия, и от ещё чего-то непонятного.

Управляющий отправил на коровник дояркой, а какая из неё доярка? Она сроду с коровами дела не имела.

А стыдно признаться. Ведь малые девки умели доить. А она? С луны что ли свалилась? Вот и не призналась. Думала приглядится, как другие, сама всё поймёт. Да не крепко поняла. Доярки стали ворчать. Им не понравилось, что Ксеня возле каждой коровы по часу сидит. А сегодня управляющий дурой криворукой обозвал. И хоть обидно, а она всё же чувствует, что правильно обозвал. Дура и есть.

А тут ещё одна из её коров, как с цепи сорвалась, убегает и убегает из стада. И снова на неё все косо глядят. А может, это Ксени, и без того виноватой, кажется. Но делать нечего. И после обеда, когда у доярок появилась возможность отдохнуть перед вечерней дойкой, она гонит свою непутёвую Ночку на луг.

Ночка ничего – идёт, хвостом машет, наклоняется за сочным пучками зелени, ей лишний раз сбегать в деревню, проведать и Ксеню, и коровник нетрудно. А Ксенины слёзы её

никак не смущают.

Митька… Ксеня на короткий миг застыла, вспоминая, а потом острая жалость обожгла, слёзы брызнули с новой силой.

Митька слышал, как управляющий на неё сердился. Как раз мимо на своём Чалом проезжал, остановился.

А управляющий, как назло, разошёлся.

Ксеня привычная. На неё столько раз орали, что почти привыкла. Кажется… Только не привыкла к тому, что другим за неё больно. А Митькину боль ясно увидела. И боль, и жалость, и негодование, и злость.

И теперь плакала… Просто ревела… Так было жалко… Митьку.

Давно позади дома. Справа тянется лес, впереди виднеется стадо. Пыль приятно щекочет босые ноги.

Ночка вильнула с дороги на зелёный пригорок. Ксеня вильнула следом, села.

Посидит здесь немного, подумает.

Взгляд пробежался по зелёным просторам, остановился на дороге…

Тянется она, вьётся, за собой зовёт.

А ведь было же что-то хорошее в её прежней жизни.

Ксеня наклонила голову, стала вспоминать. Что?

Свобода… Так легко было идти. Так приятно встречать стройные берёзки, так легко держать над головой бесконечное небо, так весело с птицами петь.

И Ксеня поняла…

Ей трудно с людьми… Она с ними не может… Она не умеет…

Не любит она людей… Нет, не ненавидит, это точно. Но вот… нет в душе покоя рядом с ними. Всегда ждёт какого-нибудь тычка… Как бы ни старалась…

Как бы ни старалась, а хорошо всё равно не получается…

Не понимает она людей… Какие-то разные… она и люди…

Наверное, есть в ней изъян, невидимый для неё. Может он, как язва какая-нибудь, живёт внутри, и люди его чувствуют. Потому-то и стараются уколоть.

Вот как у кур, например. Она сколько раз видела. Если заболеет одна, другие норовят её клюнуть. Не дают жить… Так и с ней…

Она знала только четырёх людей, которые никогда не трогают слабых. И её увечная душенька не вызывает у них злобы.

Ксеня чуть улыбнулась, вспоминая бабулю, Митьку, Марусю и Ольгу. И она их любит.

А Стеша?

Ох, какая Ксеня несправедливая. Только четырёх! Да умеет ли она считать? Да смотрит ли она по сторонам? Да сама-то поворачивается к людям открытой душой?

Сама не умеет с людьми, а люди ей виноваты.

Глянула на дорогу.

Нет, не может человек жить один на свете. И если она сейчас уйдёт, это будет её последнее лето.

Долго паслась Ночка на зелёном пригорке, долго сидела Ксеня, размышляя. И так, и этак поворачивала себя и весь остальной мир, совсем запуталась. Глупая потому что.

А потом посмотрела в сторону леса. Чуть позже снова посмотрела. А потом напрягла глаза, пытаясь понять, что она видит, и мысли о несчастливой долюшке выскочили из головы.

Женская фигура… Стоит… И кажется, не в крестьянской одежде. Издалека не разобрать, но такие нежные краски чаще бывают у платьев барышень.

Барышня? Это не диво. Удивительно только, что с места не сходит.

Беда! Догадка накрыла мгновенно. Она встала, двинулась к лесу. Неуверенно двинулась. Всё же к барышням она в своей жизни не подходила, всегда старалась держаться на расстоянии.

Ксеня шла, страшась что женская фигура повернёт в лес. Там ей не место… Она чувствовала. Но незнакомка не шевелилась.

Брошенная Ночка долго смотрела в спину уходившей хозяйке. Потом поглядела на свою родную деревню. Подумала. Махнула хвостом, резко повернулась к своему стаду и торопливо зашагала к рогатым подругам, на ходу приветствуя

их протяжным мычанием.

Глава 71

Ксеня шла, девушка не двигалась, лишь ветер шевелил её платье.

Так и есть - барышня. Ксеня остановилась неподалёку, глянула мельком, отвернулась, хотела трусливо пройти мимо, но тут вырвалось, кажется, само собой.

- Ты, наверное, заблудилась?

И не хотела на «ты», так получилось. С господами общаться Ксене почти не приходилось. А девушка с виду была её ровесница, может, даже моложе.

- Да… Нет…

Голос приободрил. Голос был слабый, безнадёжный, тоскливый. Но живой. А то уж Ксеня успела испугаться, что ей видится нечистое. Мало ли что из леса может показаться? Даже среди бела дня.

- Чего же ты стоишь?

«Да она едва не падает от усталости», - поняла Ксеня.

Только теперь обратила внимание на драный подол платья, на растрёпанные волосы, что небрежно выбились из чепчика, на поцарапанное лицо.

- Чего же ты домой не идёшь?

- Мне некуда идти…

То, что барышне некуда идти, было для Ксени ново. Но особо не удивило. Слишком многое она видела на дорогах,

чтобы теперь удивляться.

А вот жалость к попавшей в беду девушке переполнила сердце и живо вытеснила собственные печали.

Ксеня молча подошла почти вплотную, постояла рядом. Девушка с едва уловимой надеждой заглянула ей в глаза. Взгляд быстро потускнел, барышня опустила ресницы. Кажется, она сообразила, что Ксеня ей ничем не поможет. Но та взяла холодную руку.

- Пошли к нам.

Потянула. Девушка послушно тронулась следом. В этом Ксеня ощутила сходство незнакомки и Ольги.

«Бедные барышни… Не привыкли о себе заботиться. Вот и теряются по дорогам», - подумалось ей. Ксеня впервые для себя определила и Ольгу в высший свет.

- У нас отдохнёшь… У нас живи сколько хочешь. Потому что мы все такие… приблудные… собрались.

Перед деревней девушка замедлила шаги, потом вовсе остановилась. Ксеня попробовала разгадать причину, вгляделась в лицо. Барышня тревожно смотрела на дома и молчала.

- Вон наша изба… Крайняя… Белая с кривой крышей. Пойдём.

Пошли.

Не успела Ксеня скрипнуть калиткой, как из хаты выскочила Маруся.

- Где ты была? Тебя Митька искал… Ой…

- Как тебя зовут? – запоздало поинтересовалась Ксеня у незнакомки.

- Анна…

- Марусь, покорми Анну, а я побегу на коровник.

- Я не хочу есть. Я спать хочу…

- Марусь, справишься?

- Да… Пойдём, Анна, я тебе на сеновале постелю… Там хорошо… Пошли.

Теперь Анна послушно пошла за новой провожатой.

Маруся помогла девушке забраться на чердак. Сена там было немного. Зато было много воздуха и света. Солнечные лучи протискивались в небольшую дверцу и играли с пылинками в воздухе.

- Вот сюда… Тут помягче… Тут наш Митька любит спать.

- Плачет?.. Кто это плачет?

- То рядом… У соседей… Стешкина сестра какая-то… У неё их две… Ложись.

Анна легла, закрыла глаза и тут же провалилась в глубокий сон. Первый сон за последние два дня.

В соседском саду продолжала плакать маленькая девочка. А нежданная гостья во сне хмурила брови… Потом на её губах чуть затеплилась улыбка. Но улыбка была не очень весёлая. Скорбная складочка в уголках её печалила.

Маруся посидела рядом, рассматривая незнакомку. Потом вздохнула, поползла с чердака. Пора было варить похлёбку.

Глава 72 Несколькими днями ранее

«Укради у человека веру… Заставь его сомневаться… Сломай уверенность… И смотри, что будет».

Чушь? Или действует? Или на кого как?

Екатерина мысленным взором окинула знакомых. Далеко окидывать не пришлось, на ближайшей остановилась.

Мать. Более самоуверенного человека не сразу отыщешь. Но разве возможно заставить сомневаться её в собственных суждениях?

Екатерина вспомнила, как дремучая бабка-колдунья её саму с ходу осадила. Интересно, получилось бы у старухи так с матушкой?

Некоторое время позабавилась, представив поединок двух таких разных женщин. Потом вернулась к своей затее. Нужно на ком-то попробовать.

На обед приехала госпожа Ревановская с дочерью. И пока старшие представительницы благородных семейств обменивались любезностями и новостями, младшие радостно щебетали, восхищаясь нарядами друг друга. Впрочем, Катя больше слушала, улыбаясь немного натянуто. Мысли её витали вовсе не рядом с платьями. Она только что нашла идеальный объект для своего эксперимента. Осталось сообразить, в чём он будет заключаться.

Машеньку платья занимали тоже недолго, потом, с плохо

скрываемым восторгом в глазах, она перешла к более интригующей теме – барон Лихачевский.

- Он очень изменился. Я слышала, что раньше был легкомысленный… Теперь такого не наблюдаю. Это очень рассудительный молодой человек. Такой деликатный…

Екатерине осталось лишь скрыть презрительную усмешку. Много ли понимает вчерашняя пансионка во взрослых мужчинах?

А потом и раздражение пришло. Понимает Машенька или нет, но вот сомнения в том, что весь мир теперь принадлежит ей и, в частности, привлекательные мужчины этого мира тоже, даже не коснулись наивной головки. А что касается Лихачевского, Катя всегда считала, что у неё на него особые права. Если бы она приложила немного усилий, то уверена, что рано или поздно, он был бы её мужем. Она ещё и теперь окончательно от него не отказалась. А тут эта!

Что же, вот и случай.

- Какая чудесная погода. Пойдёмте погуляем по саду, - пригласила она с улыбкой Машеньку. Ни к чему рисковать, что её неумелые манёвры заметят старшие дамы. – Маменька, вы не против?

- Идите, - махнула рукой Дарья Васильевна. – Только возвращайтесь к чаю.

В саду медленно двинулись по дорожке.

- Какие цветы! - вежливо улыбнулась Машенька.

- Пойдёмте в дальний павильон. Оттуда открывается вос-

хитительный вид на реку.

Вид и вправду был прекрасный. Девушки некоторое время смотрела на родные просторы. Потом сели на скамейки.

- С бароном меня связывает давняя дружба, - задумчиво вернулась Катя к недавнему разговору. – Не замечала особого легкомыслия. Вернее, тут другое. Что может быть естественней, чем весёлая юность, которая включает в себя известную долю легкомыслия?

- О, верно… - смешалась Машенька.

- И вот… перед моим возвращением в деревню… возникло недоразумение. Между мной и Лихачевским. Оно касалось только нас… Не стоит вдаваться в подробности, но я видела, что он переживал… Каково же было моё удивление, когда он приехал сюда вслед за нами. Возобновил старую дружбу с Валенским. Но это, конечно, предлог. Главной целью этой поездки был, естественно, не визит к Валенскому. Это лишь оказия.

Бровки Машеньки сдвинулись немного к переносице. Она пыталась понять, что скрывается за немного туманными словами Екатерины. Но улыбка девушки уже медленно угасала.

- Да… Кажется, что его характер изменился. Но этому есть простое объяснение. Его гложет сожаление о том недоразумении, которое между нами возникло.

Катя так увлеклась, что в какой-то степени и сама поверила в то, что говорила. Ведь многое было верным, если чуть осветить одни детали и немного приглушить другие.

Разве не было у них с бароном особых отношений? Разве не могло бы у них всё получиться, если бы она сама не воздвигла между ними стену? Разве не мог он искать случай увидеть её в поместье? Разве не мог он быть в угнетённом состоянии духа по причине увлечения Екатерины другим мужчиной?

Всё верно. Всё сходится.

Катя как можно доверчивей заглянула в глаза собеседницы. Лицо Машеньки затуманились от тоски.

Так явно! Бедная глупышка и не догадывается, что чувства надо скрывать.

Екатерине стало смешно. Поверила! Получилось! И оказалось совсем не сложно.

- Боюсь, нам пора! Маменька будет сердиться, если опоздаем к чаю.

Екатерина ласково улыбнулась своей юной подружке. Вот только у подружки вид был совсем несчастный. Она всё поняла. Во всяком случае то, что ей доходчиво объяснила Катя.

Глава 73 На следующий день

- Екатерина, ты готова? – Дарья Васильевна без стука распахнула дверь в комнату дочери.

- Да, маменька.

- Дай-ка взглянуть… Ай, хороша… А почему ожерелье не надела?

- Матушка, не настолько сегодняшний вечер грандиозен… Всего лишь ужин, на котором будут присутствовать несколько семей.

- Не забывай, что Александр Андреевич тоже в числе приглашённых.

- И всё же скромная серебряная цепочка будет уместней.

Екатерина не хотела признаваться, что украшение сестры разонравилось. Ей казалось, что оно холодом давит на грудь. К тому же Александр так странно смотрел на это ожерелье. От этого взгляда ей становилось ещё больше не по себе.

- Ну как знаешь. Пойдём, отец уже ждёт в экипаже.

- Ну что вы там копаетесь? – недовольно буркнул Георгий Лукич. – Я нарочно с обеда не ел… А теперь вот, терпи ещё дорогу…

Но дорога была недолгой. Хотя к подаче холодных закусок всё-таки опоздали.

Гости расположились на открытой террасе. Хозяева потчевали щедро, стол ломился от жареного и пареного, но Ека-

терину еда не интересовала.

Девушка огляделась. Одни и те же скучные лица. Александр запаздывал.

Лихачевский, кажется, не приедет, зато Машенька Ревановская была тут как тут.

На этот раз скромненько сидела за столом рядом с мамашей, молча слушала скучные помещичьи разговоры. На Екатерину глянула мельком, чуть кивнула головой и всё.

Вот так! И куда подевалась неиссякаемая жизнерадостность?

«И смотри, что будет!»

Кажется, увидела.

Екатерина выбрала место у перил. Здесь была видна подъездная дорожка. Здесь она и сама была видна.

Разговор помещиков коснулся прошлогодней драмы.

Екатерина смутно вспомнила разговоры о пропавшей барышне. Прислушалась.

- Скоро год будет…

- София Левиницкая? Кажется, не знакома с ней.

- Да как же вы будете знакомы, если она только из пансиона? А вот родителей её наверняка должны знать.

- Её сестра, кажется, неподалёку проживает.

- Всё верно. Ночаева Ольга Павловна. Муж её, говорят, совсем в последнее время плох.

- А что такое?

Гости понизили голоса и склонили головы ближе друг к

другу, словно сплетни таким осторожным способом были более приемлемы.

- Поражение головного мозга.

- О, ужас.

- Да… Какой только жути не бывает на свете.

- А что София? Так и не нашлась? Это же не иголка в стоге сена.

- Никто не знает…

- Говорили, что зять её напугал. У него уже тогда с головой было плохо.

- Нет, враки. Тот к ней всегда хорошо относился…

- А говорили, что в тот самый день её подруга замуж выходила… Ей, кажется, нравился…

- Наверняка речь идёт о господине Думинском. Уверяю вас, достойный молодой человек. Он бы никогда не позволил. Я знаю, что они с женой, получается, той самой подругой, сами нанимали сыщиков. До сих пор, говорят, ждут. Даже, слышал, что своему первенцу крёстную уже выбрали.

- Осталось найти эту крёстную… Но есть ли шанс?

Повисло долгое молчание.

- Как всё это произошло? Известно хоть что-нибудь?

- В лесу нашли разбитую бричку. Лошадь домой прибежала… Была гроза…

- Говорят, красавица…

- Ну что же вы не кушаете? – притворно возмутилась хозяйка, и разговоры повернули на более весёлый лад.

Екатерина шагнула с террасы на дорожку, задумчиво пошла по саду. Рассказ впечатлил. Как страшно. Трагедия произошла или нет, жива ли та девушка, но история просто душераздирающая.

Она представила несчастную, бредущую по ночному лесу.

Но что с ней могло произойти? Заблудилась? Дикие звери?

На мгновение стали мелки и противны собственные глупые хлопоты, связанные с мужчинами, между которыми она совсем запуталась, с испытаниями по советам старой ведьмы. Да что это с ней? Для чего? Не лучше ли жить просто, любить и быть любимой?

Но сердце сжала досада. В том то и дело, что нет любви. Хоть волком вой, но проносится всё лучшее мимо.

Сзади послышались торопливые шаги. Оглянулась – Машенька. В глазах блестят слёзы.

- Ох, Катя, да я ведь знала Софию. В одном пансионе были. Она на год старше. Помню, как я ей завидовала, когда она его окончила. И ведь совсем не догадывалась, что так мало времени ей осталось.

Маша заплакала.

«Так мало ей осталось».

Кате показалось, что эти слова относятся к ней.

Как мало ей осталось. Юность позади. Ей остаться старой девой?

Все эти сожаления о незнакомой для неё девушке есте-

ственны, но никак ей не помогут. Каждый сам за себя.

-Вы простите меня, Катенька…

- За что?

Но Маша не ответила.

«Плохо про меня думала… Вчера… - догадалась Катя. – Добрая, да не совсем…».

Привычное раздражение прогнало остатки каких-либо сожалений.

«В семнадцать лет и я была доброй. И куда это меня привело?»

Глава 74 В семнадцать лет

Зиму в Петербурге у тётушки по материнской линии Нуварицкие проводили несколько лет назад. Екатерина тогда была маленькая, запомнила огни, мороз и снег, множество извозчиков и частые визиты незнакомых господ. Её иногда выводили поздороваться с ними, вот и всё.

Теперь же девушка была полна ожиданий. В этом году она стала выходить в свет, балы, танцы и кавалеры вскружили головку, но от столицы она ожидала много больше. И не ошиблась.

Зима в Петербурге – череда ярких празднеств. Балы и ассамблеи, прогулки по Невскому проспекту, Святочные гуляния. Весёлое искрящееся время, весёлая искрящаяся жизнь. Казалось, иного не существует. Во всяком случае, для них – для избранных. Какой счастье родиться в одной из лучших дворянских семейств.

Екатерина с лёгким сочувствием поглядывала на младшую сестру. Той всего четырнадцать лет, и многих увеселений она пока лишена.

А Анна чуть-чуть завидовала старшей сестре, но это не мешало ей быть главной помощницей в подготовке к каждому её выходу в свет. Они вместе изобретали причёски, украшали платья, вышивали воротнички и платочки, продумывали каждую мелочь.

И чтобы хоть немного подбодрить Анну, Екатерина после каждого бала в малейших подробностях описывала все детали. Это утешало сестёр.

Но когда они узнали о предстоящем бале-маскараде, то даже немного растерялись. Это было почти так же волшебно, как попасть в настоящую сказку.

- Античная тематика, - объявила Дарья Васильевна, читая за утренним чаем приглашение вслух.

Георгий Лукич выпучил глаза.

- Дорогая, позвольте я в этот вечер останусь дома. Разгуливать в сандалиях и тунике посреди завьюженного Петербурга – это слишком…

- Ну, конечно, же нет, дорогой. И потом, - Дарья Васильевна вздохнула, - это наш последний праздничный вечер здесь.

Да, Нуварицким пора было возвращаться домой, но даже эта, полная драматизма, мысль не долго печалила девочек. Ведь, как бы ни был близок отъезд, он будет потом… После маскарада. А значит, ещё рано грустить.

Девочки едва высидели за завтраком.

А потом тётушка разрешила им поискать в своей богатой библиотеке все книги по Древней Греции, чем они весь вечер и занимались, рассматривая иллюстрации и выбирая персонажа.

- Елена Троянская, - неуверенно протянула Катя.

- Пошли у матушки спросим.

Но Дарья Васильевна категорически была против.

- Образ белокурой Прекрасной Елены прекрасно подойдёт тебе, моя милая дочь, лет через десять. А теперь ты – Андромеда!

Дарья Васильевна гордо вздёрнула подбородок.

- Андромеда? – в один голос воскликнули девочки, переглянулись и побежали в свою комнату перечитывать миф.

- Так… в основе хитон, сандалии. Но что придумать, чтобы было понятно, что я Андромеда?

- Сандалии с крылышками!

- Ты что? Это у Персея такие были.

- Но он, по-моему, отдал одну из них Андромеде, и они вместе летели.

- Не было такого!

- А откуда я тогда это взяла?

Бросились перечитывать миф.

- И правда, не было, - разочаровано протянула Анна. – Но всё равно! Если бы мой жених имел бы такие сандалии, я бы у него их непременно выпросила.

Катя захихикала. Это идея ей понравилась.

- Что ещё? Цепи… Золотые обручи и цепочки?

- Ага! На запястья и на щиколотки.

- Ой, мне придётся показывать щиколотки?

- Может быть, чуть-чуть? Знаешь, я слышала, что во времена Елизаветы Петровны на таких балах дамы вовсе до колен ноги оголяли.

- Какой ужас.

Девочки прыснули смехом.

- А где мы возьмём столько цепочек? У маменьки вряд ли много.

- Можно у тётушки попросить.

- И знаешь что? – Анна задумалась.

Екатерина не торопила младшую сестру. С улыбкой ждала новую идею. Анна всегда была выдумщицей.

- Созвездие! Чтобы приколоть хитон на плече - нужна брошь. А у нас брошь будет не просто так… Она будет ещё намекать… Мы знаешь, как сделаем? Чёрный бархат… А на нём белые жемчужины составляют узор. Не простой, а в виде созвездия. Что скажешь?

- Какого созвездия? Андромеды?

- Да!

- Мне кажется, никто не догадается.

- Неужели никто?

- Ну, я не думаю, что Петербург переполнен астрономами.

Девочки захохотали уже совсем неприлично.

- Но может, хоть один найдётся? А? Мы заодно и проверим.

Позже, выслушав все предложения, Дарья Васильевна многое одобрило, только шить костюм отдала тётушкиной портнихе, сандалиями озадачила сапожника, ну а созвездие вышивать по бархату доверила Анне. Она упросила.

- Пусть, хоть моя брошь побывает на маскараде, раз я никак не дорасту.

Глава 75 В семнадцать лет (продолжение)

Екатерина не спала. Вертелась, крутилась на мягкой перине, никак не могла найти удобное положение.

И это неудобное положение началось в голове. А уж головушка не дала покоя остальным членам.

Как только эта головушка опустилась на мягкие подушки, как только её готов был укрыть сладкий сон, она-то всё и испортила. Создала для своей хозяйки проблему из ничего.

«А друг завтра на балу будет ещё одна Андромеда?»

Всё. Сон улетучился.

А Катя целую ночь решала эту проблему. Представляла возможную соперницу и страдала. Потому что соперница всё портила.

А между тем её образ был такой эффектный, что она сама себя была готова освободить от цепей.

Нежная туника подчёркивает тонкий стан. В семнадцать лет высокий и приятно сформировавшийся.

Причёску перепробовали разную, остановились на высокой, кажущейся немного небрежной, но никакой небрежности не было и в помине. Всё тщательно продумано. Белокурые волны красиво укрывали спину, и несколько прядей опускались на грудь.

Маска закрывала большую часть лица, оставляя открытыми лишь пухлые губы и точёный подбородок.

Неожиданно красивой получилась брошь Анны. Для созвездия она выбрала жемчужины разной величины, соединила их тончайшей золотой цепочкой, и по кругу прошила рамочку из совсем мелких горошин. На фоне чёрного бархата всё это смотрелось удивительно ярко и благородно.

Словом, Катя была готова блеснуть на балу, как одна из звёзд того самого созвездия, и никакой соперницы не могла терпеть. Даже в воображении.

Но всё оказалось не так, как она всю ночь себе сочиняла. Потому что, ступив на бал вместе с маменькой и тётушкой, её вихрем закружил водоворот веселья, оставив где-то позади и матушку, и тётушку, так, что разглядывать других девушек было просто некогда.

Даже после того, как незнакомая Диана шепнула ей на ухо, что в зале сама императрица, это её не сильно отвлекло.

А причина этому – Орфей.

Его лицо тоже скрывала широкая маска, но Катя вскоре поняла, что это самый привлекательный и весёлый молодой человек.

И может оттого, что под маской Катя чувствовала себя смелее, может потому, что, скрывая себя, немного раскрепостились все, а скорее всего, причина в том, что девушка ещё никогда не встречалась с таким интересным человеком, этот бал остался в её сердце навсегда.

- Теперь я понимаю, что имела в виду Кассиопея, когда хвасталась красотой своей дочери, - заявил юноша ещё в первом танце.

Если бы накануне Екатерина с Анной не изучила бы досконально всю историю Андромеды, вряд ли бы поняла о чём речь. Теперь же задорно улыбнулась, соглашаясь.

- Но что это? – заинтересовался Орфей необычным узором броши.

- Это такая загадка, - Андромеда и не думала подсказывать.

- Теперь так освобождают от чудовищ? Разгадывая шарады?

- Можно, конечно, воспользоваться мечом, если какой-нибудь дракон проникнет в этот дворец.

- У меня всего лишь лира, но и лирой я изобью любое чудовище, если оно посмеет недобро посмотреть в вашу сторону.

- Сунуться в этот зал, когда здесь собрались все герои Эллады, оно вряд ли осмелится.

- Совершенно с вами согласен. Одни Гераклы чего стоят.

Катя прыснула смехом.

Танец следовал за танцем, и Орфей неизменно оказывался рядом. В обычные вечера это было бы недопустимо, но теперь никто не обращал внимание.

- Следующий танец нас разлучит.

- О, вы нашли свою Эвредику?

- Я должен с ней танцевать заключительный вальс. Таковы условия маскарада. Но и парочка Персеев на меня уже недобро блещут масками.

Вскоре церемониймейстер действительно объявил, что герои Эллады приглашают своих дам.

Это был единственный скучный танец. Её Персей оказался медлительным и неуклюжим, и Катя больше смотрела по сторонам. Увидела, как Орфей кружится в вальсе с толстой Эвридикой, и немного позабавилась.

Когда гостей позвали на ужин, Орфей потянул Екатерину за колонны. Там, в плохо освещённом уголке, они пытались рассмотреть друг друга за масками. Катя украдкой, Орфей более откровенно.

- Так нельзя… Вы не можете просто уйти сегодня, не открыв мне хоть чуть своей тайны.

Катя слышала, как тяжело бьётся её сердце. Но показать своё лицо теперь было так страшно, словно таким способом она признается этому юноше, что влюблена.

- Нет, нет, нет, - задыхалась она, пытаясь вырвать руку. – Давайте вернёмся в зал.

Но сил не было…

- Ещё немного.

Орфей поднёс слабую кисть к своим губам, и Катя прислонилась к колонне. Ей меньше всего на свете хотелось уходить… Она желала, чтобы эти мгновения длились и длились.

- Вы должны мне помочь. Пусть эта брошь будет украшать

ваше платье на следующем балу.

…

Следующий бал был вовсе не в Петербурге. Как и все остальные.

Тётушка уехала в длительное путешествие по Европе. Катя никогда больше не встречала своего Орфея.

Ах, какой она оказалась дурой. Зачем не сказала о себе?

Юношу она так и не смогла забыть. Он был ни на кого не похож. Он был самым лучшим.

Но годы шли. Катя перестала надевать свою брошь. Это бесполезно.

А потом надо было искать жениха. И это оказалось совсем невесело. Это было даже немного неприятно.

И глядя на более удачливых подруг, у Кати стало складываться впечатление, что жизнь её обманула. Обидела.

Эта жизнь всем раздавала подарки, все от неё получили свою долю счастья, а её удача обошла стороной. Посмеялась и оставила.

И постепенно злоба на жизнь, на подружек, на весь мир стала наполнять сердце.

Почему она такая несчастливая?

И ещё появлялось стойкое ощущение, что если ей так не повезло, то она имеет право чуть-чуть испортить счастье другим. Разве не так? Разве это не будет справедливо?

Глава 76 Несколько дней назад

- Будем надеяться, что София найдётся, - ободряюще улыбнулась Катя.

Машенька вытерла глаза.

- Ах, если была бы возможность хоть что-то сделать.

- Увы… У нас нет этой возможности… Но, кажется, прибыли новые гости.

Катя почувствовала боковым зрением, что Машенька на неё быстро взглянула.

«О Лихачевском подумала», - догадалась она и продолжила задумчиво:

- Барон вряд ли сегодня приедет, - чуть раньше Катя слышала, как хозяйка говорила матушке, что ни Лихачевского, ни Валенского не ждут. Они отказались от приглашения, сославшись на занятость какими-то неотложными делами. Что ж, она преподнесёт это немного по-другому. – Он дал мне понять, что ему… тяжело… встречаться… А впрочем, я не уверена…

Машенька на мгновение опустила голову. Потом медленно, словно преодолевая сопротивление, подняла.

- Ну что же… Пойдёмте здороваться с теми, кто пришёл.

Но прибывший уже сам спешил навстречу.

- Господин Таруханов, - узнала Маша.

Катя тоже узнала, выпрямила спину, откинула голову чуть

назад. Приготовилась. Но неугомонная собеседница отвлекала внимание на себя.

- Я всё хочу спросить о вашей сестрице. Мы в детстве вместе с ней играли. Ещё до моего пансиона. Не виделись, получается, много лет. Но я её прекрасно помню… Так бы хотелось увидеться.

Кате стало досадно. Начинать разговор о сестре, когда Александр вот-вот подойдёт, не входило в её планы. А Маша растерянно замолчала, не понимая, почему не отвечает спутница. Уж не напутала ли она за давностью лет?

- Анна… Я её звала Анечка.

- Анна теперь гостит у родственников, - немного сухо и быстро ответила Катя, надеясь, что этого будет достаточно. Напрасно надеялась.

- Она приедет сюда этим летом?

- Кто приедет сюда этим летом? – весело поинтересовался Александр и поклонился барышням. – Рад вас видеть в добром здравии. Надеюсь, не помешал?

- Ну что вы? – откликнулась Машенька. – Нисколько. Я интересовалась своей милой подружкой детства – Анечкой Нуварицкой. Как бы мне хотелось её вновь увидеть!

- Не только вам. Анна привносит немало радости в любое общество, - Александр прямо взглянул в глаза Екатерины, и та похолодела от плохо скрытой неприязни в глазах мужчины.

Александр не смог ничего сделать. Неожиданное упоми-

нание любимой девушки застало его врасплох. Напускная любезность исчезла на мгновение, обнажая чувство.

Катя опустила глаза, лихорадочно размышляя. Она ему не нравится? Всё это время она глупо ошибалась? Или он играл с ней? Он преследовал свои цели, а ею грубо пользовался?

Волна гнева и уязвлённого самолюбия переполнила сердце, затмила разум.

- Общество моей любезной сестрицы действительно доставляет удовольствие. Но и она не позволяет себе скучать. И даже, думаю, имеет блестящие успехи, когда дело касается покорения этого самого общества, особенно мужской его половины. Ваша подруга этой зимой едва не вышла замуж, - обернулась Катя к немного ошарашенной такой речью Машеньке, и хоть дальнейшее говорила, кажется, ей, но всё же ни на миг не упускала из внимания Таруханова, потому что слова предназначались исключительно ему. – Да-да-да, влюбилась. И он готов был на всё. И вот решились бежать. Но маменька… увы! не позволила совершить столь романтическое и безумное предприятие.

Катя говорила как будто помимо своей воли. Словно кто-то другой говорил за неё. Во всяком случае, слова были необдуманными.

- Д-да? К-как интересно! – Маша ничего не могла поделать с каким-то неуместным и глупым заиканием. – Но… кажется, нас зовут.

Дальнейший вечер для троих продолжился словно в тума-

не. Они участвовали в карточных играх, в беседе, в музицировании, но словно сквозь шум оглушённого разума.

Машенька была растеряна. Ей было больно. Столько лет ждать окончания пансиона, верить, что мир прекрасен, желать окунуться в жизнь. И… вот окунулась.

Что происходит? Отчего на сердце словно камушек острый с бока на бок переворачивается?

Вспомнилась София. Год назад она была в похожем положении. И чем это закончилось для неё?

Катя улыбалась и смеялась, пожалуй, чаще, чем обычно. Так, что даже насторожила свою матушку.

На самом деле ей было страшно. Что она наделала? Эта мысль не давала покоя, но она не могла на ней сосредоточиться. Теперь, когда вокруг множество посторонних глаз, разве она может толком понять, что произошло?

Но мысли, словно червяки, сами лезли.

Она соврала? Она только что оболгала свою сестру?

Почему оболгала? - вставал на защиту внутренний голос. Это вполне могло быть правдой. Что-то происходило этой зимой с Анной. И матушка прекрасно знала, что случилось. Но Кате не удосужились рассказать. Словно она чужая. Вот ей и пришлось самой додумывать. И… если она ошиблась, разве это её вина? А может быть не ошиблась. Раз ей так в голову пришло, значит, вполне возможно, что так всё и было.

И потом… Александр Андреевич такой неприятный.

Он… он её обманул. Заставил надеяться, а сам, как аспид, подкрался к сердцу, чтобы укусить.

Она всего лишь постаралась сбить с него излишки спеси. Эту наглую самоуверенность.

А Александр ждал момента, когда он без лишних объяснений сможет поехать домой. Просто ждал. Минуты тянулись- тянулись…

Но, кажется, теперь уже можно.

Он не попрощался. Сил не было придумывать глупые объяснения.

Сил не было…

Он не очень поверил Екатерине… Он не совсем поверил… Слишком много было нестыковок… Просто сейчас голова не соображала понять, в чём там отсутствовала логика.

Он сегодня верхом… Нашёл своего коня… Вскочил в седло…

Ему показалось, что оно плохо держится.

«Застёгнута ли подпруга?»

Но проверять не стал. Хозяйка могла бы его увидеть, задержать.

Он ударил шпорой под бока своего любимца, и умчался в темноту.

Поздно вечером к ближайшим помещикам прибежали

слуги из усадьбы Таруханова с записками от управляющего. Он просит выслать на помощь слуг. Конь хозяина вернулся один, седока не могут найти. Дорогу, по которой он должен был возвращаться из гостей домой, уже обследовали – не нашли. Теперь нужно расширить зону поиска.

Слуги немедленно были отправлены на помощь. Большинство помещиков тоже поехали следом. Поиски продолжались всю ночь. И лишь когда рассвело, нашли Таруханова.

Живого. Но в тяжёлом состоянии.

Глава 77

Мир изменился…

Танюша проснулась. Не успела как следует оглядеться, как неприятная тяжесть легла на грудь. Привычная тяжесть. Несколько дней она живёт вместе с ней. Вот и теперь эта тяжесть словно стояла в изголовье и ждала, когда Таня откроет глаза, чтобы сразу занять привычное место.

Некоторое время Таня хмуро моргала, пытаясь вспомнить, что у неё за беда.

Вспомнила. И беда, и не беда, не сразу разберёшь что.

Посмотрела в потолок, посмотрела на стены, перевел взгляд на окно. За окном лето.

Если смотреть пристально на каждый предмет, то изменений не видно. Потолок белый, на стенах нарисованные цветы, за окном цветы настоящие.

Но если не вглядываться в детали, а прислушаться к себе, то становится ясно, что мир стал кривой. И душный. Он сломался. Или испортился.

Началось это с той ночи, когда ушла Маруся.

Нет, началось это раньше. Просто Танюша впервые заметила, что мир уже не тот, после ухода подружки. Раньше не замечала. Раньше мамочка видела. Но молчала.

Теперь и мадмуазель Эмили заметила. Но тоже молчит. Плачет только.

При Танюше нет, но глаза выдают. Глаза опухшие, красные и несчастные.

Мадмуазель совсем забросила занятия, и от этого мир искривился ещё больше.

Мамочка держится изо всех сил. Она улыбается Тане, играет с ней, рассказывает сказки. Мамочка не хочет, чтобы Таня догадалась про изменения.

Таня тоже улыбается, играет, слушает сказки, она не хочет огорчать мамочку. Она даже немного притворяется быть более весёлой, словно её веселье – это маленький костылик, которым она подпирает ломающийся мир.

Но она чувствует, как мамочка напрягается, и даже невидимо дрожит. Будто у неё душа боится и немного пальцы. И дрожание это усиливается, когда поблизости появляется папа.

Она знает, откуда идут изменения. Как невидимые волны. И они искривляют мир. Она видела. Ох, как испугалась. Но никому не сказала. И не скажет.

Эти волны идут из глаз папы.

Когда она на него смотрит, эти волны прячутся за тёмными зрачками, ждут. Но когда никто не видит, они вырываются и портят всё вокруг.

Она только никак не может понять, как эти волны оказались у него внутри. И ещё не поймёт, знает ли он о них. И уж совсем не понимает, по-прежнему он её папочка или уже нет.

Глава 78

- Вы сошли с ума! Увидят! – Александра отпрянула от Сергея Дмитриевича.

- Кто? Жена спит, её теперь иерихонские трубы не разбудят.

- Вот счастливица! А я у вас не могу заснуть.

- Сегодня уснёте, – пообещал Сергей Дмитриевич и вновь пошёл в наступление. Он схватил женщину за тонкую талию и прижал к себе, - я лично прослежу.

- О, нет. Не заставляйте меня пожалеть о том, что я приехала в ваш дом. Не хватало ещё скандала. Лидия…

- Да говорю вам, Лидия не проснётся, - Сергей Дмитриевич отпустил Александру, стал разливать вино. – Я лично обеспечил ей надёжный сон.

- Снотворное?

- То, что доктор прописал. Ничего лишнего.

Александра немного успокоилась, пригубила вино.

- А слуги?

Сергей Дмитриевич в изумлении уставился на женщину.

- Вас ещё и слуги беспокоят?

Александра засмеялась.

- На этот раз нет. Но мне кажется, что это должно беспокоить вас.

- Дорогая, поверьте, в этой жизни меня мало что беспоко-

ит по-настоящему.

- И всё же что-то есть? – заинтересовалась Александра.

На какое-то мгновение он замер, задумчиво уставился в свой бокал, потом залпом осушил его. Всё это время Александра наблюдала.

- Как бы мне хотелось знать ваши мысли, - не без грусти произнесла она.

- Ну что вы, дорогая. Мои мысли все, как на ладони.

- Покажите же, - она вскочила с места. – Дайте вашу руку.

Александра схватила ладонь и стала в неё жадно всматриваться.

- Какая странная линия жизни… Кажется, с вами в детстве что-то произошло…

Сергей Дмитриевич резко сжал кулак.

- Глупости это. Неужели вы верите в узоры на руке?

Александра беспомощно пожала плечами.

- Узоры на вашей ладони меня безусловно интересуют.

Сергей Дмитриевич сел в кресло.

- Ничего со мной в детстве не происходило. Ну, может быть, пару раз с лошади упал. Глупости всё это. Но если вы со мной сейчас пойдёте в мою комнату, обещаю вам рассказать парочку своих страшных тайн, - Сергей Дмитриевич поймал пояс, что охватывал платье на талии любовницы и медленно потянул к себе.

Танюша снова не могла уснуть. На этот раз пропала кукла

Лиза.

Таня обыскала всю свою комнату. Теперь лежала и вспоминала, где она её сегодня могла потерять.

Наконец выскользнула из-под одеяла. Не стала в полутьме нащупывать свои домашние туфельки под кроватью, побежала босиком. Надо проверить в гостиной. Перед сном она там с Лизой играла на диване.

Через минуту застыла в дверях. Она стояла, смотрела и долго не понимала, что видит.

Александра Ильинична Танечке всегда нравилась. И хоть та относилась к ней свысока, к Марусе вовсе немного брезгливо, Таня ей это прощала за красоту и весёлый нрав. Ей казалось, что благородные дамы имеют право быть такими, какими им заблагорассудится.

Но всему должен быть предел. А Таня теперь наблюдала, как всё зашло за границы безумия.

В одном кресле сидели двое. Один на другом, как дети. Вот только дети так не играют. Так взрослые предают…

Так папа теперь предаёт мамочку. Так Александра Ильинична стала отвратительной мерзкой жабой.

Александра, словно почувствовала недобрый взгляд, подняла голову.

На мгновение её глаза расширились от ужаса. Но потом в них что-то дрогнуло. И вскоре презрительный вызов блеснул

в них. Казалось, она задала Тане немой вопрос: «Ну и что ты теперь будешь делать, малышка?»

Таня отвернулась и побежала в свою комнату.

Кособокий мир только что рухнул.

Утром Лидия обнаружила дочь без сознания. Она металась по скомканной постели и бредила. Щёки её были обжигающе горячими.

Глава 79

- Сбежала, негодница, - у Дарьи Васильевны на языке вертелось слово покрепче, но сдержалась при старшей дочери.

- Как сбежала? Куда сбежала? – изумилась Катя.

- Да вот представления не имею куда. Да и с кем – тоже. Жениха у старой к… бабушки умудрилась найти. Только одного не пойму, как у неё быстро всё получилось? Или он у неё раньше уже был? Старая д… бабушка даже её благословила, тиару подарила.

Дарья Васильевна вынула из поясного мешочка драгоценность, потрясла её. Голубые искры брызнули по стенам и потолку.

- Ничего не понимаю. Так ты отыскала Анну?

Дарья Васильевна безнадёжно махнула рукой, и снова искры заплясали по комнате. Она с досадой шмякнула драгоценное украшение на стол, села в кресло.

- Да никого я не нашла… Сейчас расскажу…

Дарья Васильевна вкратце пересказала последние события.

- Вот теперь ищи ветра в поле, - закончила она. – Перед знакомыми стыдно – дочь замужем, а мы, как воды в рот набрали. Теперь бы желательно узнать раньше них имя жениха, на большее уже и не рассчитываю. Вот до чего дочь докатилась. И нас за собой потянула.

От таких новостей и Катя без сил опустилась на стул.

- Но ведь… Анна бабушке сказала, что выходит за Таруханова.

- За какого Таруханова? Таруханов ни жив, ни мёртв лежит.

- Так, может, она за него собиралась?

- Если бы собиралась, да не сложилось, вернулась бы в усадьбу к бабке. Нет, тут другой кто-то…

Дарья Васильевна с явным сочувствием взглянула на дочь.

- Дорогая… не хочу тебя огорчать… но придётся. Анна врёт. И тебе, и мне, и бабушке. Не знаю, для чего она приплела Александра Андреевича, видать, её жених весьма плох, раз его имя не осмелилась сказать даже своем старой заступнице. Надеюсь, хоть не местный конюх…

- Что вы! – ужаснулась Катя.

- Увы! От своей младшей дочери я теперь ожидаю чего угодно. Но, конечно же, это не господин Таруханов. Все видели, какие знаки внимания в последнее время он оказывал тебе, дорогая. Наконец, у него открылись глаза, чтобы оценить истинное сокровище…

В дверь постучали. Вошла горничная.

- Письмо, барыня.

Пока Дарья Васильевна читала, Катя сидела, опустив голову.

Нет…

Маменька, кажется, не совсем права. Она не всё знает… Она не видела тот недобрый взгляд господина Таруханова. Не было в нём ни капли симпатии к ней.

Но признаться в этом так и не решилась.

- Только этого не хватало! – с великой досадой воскликнула Дарья Васильевна.

- Маменька, что? – испугалась Катя.

- Ооо! И как теперь быть?

- Матушка, не пугайте.

- Да это от господина Усанова. Пишет, что принимает приглашение твоего отца и едет в гости.

- Какой кошмар, - теперь и Катя ужаснулась.

- Пойду обрадую отца… Не знаю, как ему про замужество дочери объявить… Или пока повременить? – Дарья Васильевна в раздумье покачала головой. – Пока промолчу… И ты гляди не проговорись. Вот кур… подлая, что вытворяет.

Глава 80

Демьян вспомнил, что в печи у него стоял горшок с кашей. В последнюю его готовку она сильно подгорела, он побрезговал по стенкам отскрёбывать коричневые шкварки, а сейчас бы не отказался. Полез в печь. Оттуда неприятно пахнуло холодным пеплом.

В серых горках золы не сразу отыскался горшок. Но печь родная, это не дремучий лес, Демьян сориентировался и извлёк на тусклый свет лучины одинокий чугунок.

Долго отковыривал чёрным ногтем крышку, а когда она сковырнулась, смрад из посудины шибанул Демьяну и в нос, и, как ему показалось, куда-то под дых.

Озадаченный таким неприятным сюрпризом Демьян заглянул внутрь. Густая плесень махнула ему навстречу свою пыльцу.

- Эт скока же дней прошло? Ай недель? Да…

Демьян хотел вынести чугунок во двор, кинуть в бочку с водой, которую наполнил недавний ливень. Ну как, недавний? Может, ровесник каши… А потом махнул рукой. Завтра кинет. А теперь бы найти чего-нибудь поесть.

Выглянул в окошко. Ещё не совсем стемнело. Надо идти в огород.

Калитку Демьян открыл с трудом – вросла в землю. Почесал башку, вспоминая, когда последний раз сюда заходил.

Кажется, в мае кинул кое-какие семена, с тех пор в огороде не был. Теперь же его ждал ещё один сюрприз. И снова неприятный. Неизвестно, что там из его семян выросло, а вот бурьян заколосился местами выше его. В сумерках искать урожай в таких зарослях бесполезно.

Демьян растерянно заморгал глазами по сторонам.

- Это что же? Со вчерашнего дня в брюхе ни крошки не было, так теперича и нынче туда ничего не попадёт?

Пошёл к чахлой яблоньке, поглядел, что на её ветках делается.

Яблоки висели мелкие и зелёные – середина лета. Поколебался, нарвал горсть. Задумчиво посмотрел на сочный куст крапивы. Сорвал другой рукой и его верхушку. Повернул назад.

В хате положил добычу на стол, сел рядом на лавку.

- Нынче у Матвеевны козёл и то, наверное, слаще поел.

Дверь скрипнула.

Демьян поднял глаза. Кого это к нему принесло?

- Кузьма? Братка…

- А ты, я вижу, дома решил заночевать? Тот раз приходил – тебя не было.

- Заходь, заходь, садись во… - вечерять язык не повернулся предложить.

Брат сам скользнул взглядом по столу, усмехнулся.

- А жрать хоть есть что?

- Дык… нету.

- Эх, что бы ты без меня делал? – Кузьма вынул из-за пазухи краюху хлеба, следом четырёхгранную бутылку из толстого зелёного стекла.

Демьян глянул на гостинцы, проглотил слюну. Кузьма посмотрел на пустые полки.

- Ты бы хоть лука, что ли, принёс…

- А где ж его теперича в потёмках найдёшь? Давай без лука, - заторопил Демьян брата. – Садись. – Полез отвинчивать пробку.

Вскоре часть жидкость перекочевала из полуштофа в гостеприимный желудок Демьяна и там разлило приятное тепло. На хлеб он глянул уже без прежнего интереса. Не взял. Пить на пустой желудок – лучше. Больше жару получится. Веселей.

- Да уж, - оглядел Кузьма неприбранные хоромы брата, - ты бы хоть граблями сгрёб в угол хлам…

- Дак и сам не пойму, откуда что берётся. Тута я нечасто бываю.

- Жениться тебе надо…

Демьян с досады плюнул на грязный пол.

- И ты туда же! Скоро женюсь! – выкрикнул он раздражённо.

- Что такое? – поднял брови Кузьма.

- А то… Снова-здорова. Барин, благодетель, не оставляет без вниманья. Женит.

- Ты как будто не рад.

- Ага! Обрадуешься тут. Одна не успела утопиться… То бишь, утопиться она, как раз-таки, успела… - Демьян немного помолчал, приводя в порядок мысли, продолжил, - теперича другая на очереди.

- Опять для барина назначена?

- Ну не для меня же.

- Да… уж…

- Во-во. Дурочка тут объявилась. Говорить не может, зато обличьем красна, за что и полюбилась барину. А мне она на что? Кашу ещё и ей варить? Хотя… не придёт она в эту хату. Барин к себе поближе пристроит. А я опять бобылём при живой жене… Наливай…

Хлебное вино весело забулькало по глиняным кособоким чаркам. Выпили. Крякнули, отщипнули хлеб.

- Ну, а ты как?

- Я хорошо, - похвастался Кузьма. – Жизня свободная, ни барина на шее, ни жены, ни работы, одним словом – лепота.

- Ага… Гляди, чтобы с такой лепотой до каторги не докатился. Балуете по дорогам-то?

- А как же? На то мы и разбойнички. И ты бы шёл к нам. Чего тут одному загибаться?

- Нетушки… С моей удачей я не долго с вами поразбойничаю. Меня живо полицейские схватят и в кандалы нарядят. Уж лучше здесь помаленьку… Наливай…

После новой порции горячительного проснулось любопытство.

- И что там у вас? Как разбойничаете?

Кузьма довольно кивнул.

- Без жрачки и вина редко когда сидим… Теперь, во, кладом интересуемся.

- Неужто?

- А то. Говорят, в наших краях Кудеяр клад схоронил. Слыхал про такого?

- Да как будто… Разбойник, вроде… Как и вы…

- Как и мы? Да уж где нам? Нам бы хоть от краюшку зачерпнуть той силы, что Кудеяр имел… Тот необыкновенной удачи был человек. Богатство нажил – невиданное… И вот что, - Кузьма понизил голос, - говорят в наших лесах тоже…

- Клад?

- Тихо… Заклял его Кудеяр на двести лет.

- Ааа, так то когда ещё будет.

- Дурак, пришло уже время. Теперь его можно отрыть.

- Да где ж его найти? Лес-то большой.

- Слыхали люди плач девки в одном месте… Из-под земли доносится… И огоньки по ночам.

- Да ты что? Это уж верный признак.

- Признак-то верный, только, видать, тот клад Любуша охраняет. Она-то, небось, и плачет…

- Кто такая Любуша? Любушу не знаю.

- Дочь Кудеяра.

- Так у него и дочь была?

- Была… Проклял он её…

- За что? – испугался Демьян.

- А вот за что… Росла она, значит, среди разбойников, да только ей отцовы дела были не по нраву. А выросла, так совсем поперёк пошла. Жалко ей убиенных стало, вот и супротивиться начала.

- Понятно… Дак как же клад?

- А вот как… Раз Любуша тот клад стережёт, да коли она такая жалостливая и над чужой бедой плачет, то мы надумали сиротку в землю в том месте спрятать…

- Чего??

- Что чего? Любуша придёт над сироткой поплакать, а мы её сзади железной рукавицей по плечу. Она и рассыпется золотыми монетами. Понял?

- Ааа… А сиротка?

- А что сиротка? Не получилось ничего. Пробовали, не приходит Любуша.

- Пустое дело, - безнадёжно махнул рукой Демьян.

- А не скажи… Есть у нас человек, всё про Кудеяра знает... Вспомнил он, что у Кудеяра-то была жена Настя. Она то и родила ему Любушу. А ещё была полюбовница Анна. Так Анна тоже родила ему дочь – Ксению… Понял?

- Не-е…

- Так через Ксению-то можно и добраться до Любуши. Та её по-любому пожалеет, сестра, как-никак.

- А где же вы Ксению возьмёте? – изо всей моченьки попытался понять Демьян разбойничью логику.

- Так мы её уже нашли! – завопил Кузьма, радостный, как будто уже вырыл половину клада.

- Тихо ты, не ори, - оглянулся Демьян на дверь.

Кузьма послушно понизил голос.

- Ходит по белу свету… с виду обыкновенная девка… Узнаешь её только ночью, когда она облик меняет. Понял?

- Понял, не дурак… И что? Получилось?

- Да не… Мы-то её нашли, спрятали в яме, а ночью она обернулась змеёй и выползла. Можа, конечно, не змеёй… Никто не видел. Да только выползла она. Вот в такую щель, - Кузьма растопырил пальцы, показывая небольшой размер.

До поздней ночи братья делились событиями своей жизни, потом зелёная бутылка опустела, головы отяжелели, мысли окончательно запутались, а языки стали плохо выговаривать слова. Завалились спать.

Утром Демьян первым открыл глаза. Кузьма храпел на полу возле лавки. То ли так ему захотелось, то ли ночью с непривычки упал.

Демьян пошёл на колодец за водой. В хате ни капли. А пить хотелось – спасу нет.

Вернулся с ведром. И соблазнительный плеск разбудил Кузьму.

- Ооо, водичка, - опустил он лицо в воду и прямо из ведра стал пить, заодно купая нос, бороду и усы.

Демьян покосился, но ничего не сказал. Стал открывать

волоковые окна.

- Вон она, - схватил брата за плечо. – Вон… Бегом смотри, а то уйдёт…

Кузьма бросил пить, поспешил к окну.

По улице шли две девицы и ещё маленькая девка.

- Вон, видишь? Какую за руку тянут… Эту мне в жёны отдают.

Но Кузьма смотрел на другую.

Он только что снова нашёл Ксеню.

Глава 81

Доктор наконец вышел из комнаты больного.

- Иван Алексеевич, как он? – встал со стула Василий. Здесь он провёл несколько томительных часов в ожидании, не решаясь побеспокоить лекаря. А тот, похоже, за хлопотами о больном, забыл, что под дверью сидит обеспокоенный друг.

- О, - чуть смутился Иван Алексеевич, - положение господина Таруханова серьёзное, но я думаю, что его жизнь все опасности.

Василий вновь сел на стул. Огромное облегчение на какое-то мгновение лишило сил. Но почти сразу же вновь поднял голову – расслабляться рано.

- Можно к нему?

- Теперь он спит. Но и в ближайшее время его лучше не беспокоить. Сознание Александра Андреевича ещё некоторое время будет спутанным из-за удара головой.

- Что ещё?

- Сломанная рука. Остальное не столь серьёзно. Синяки и царапины.

- Вы останетесь здесь?

- Да… С вашего позволения, я бы хотел пробыть несколько дней где-нибудь поблизости.

- Что ж, я думаю, Александр Андреевич не будет против,

если вы займёт одну из его комнат.

К своему другу Василий попал лишь на следующий день. И не без труда.

Доктора теперь было не узнать. Из покладистого, весёлого и доброжелательного молодого человека он как-то резко, во всяком случае, в глазах у Василия Егоровича, превратился в подозрительного и неуступчивого лекаря.

- Не давайте ему повода для волнений, - напутствовал он перед тем, как разрешить Василию шагнуть через порог. – Не разрешайте ему подниматься – нельзя. И, пожалуйста, без излишнего выражения чувств.

Василий даже хотел рассердиться на последнее, но взглянув в обеспокоенное лицо Ивана Алексеевича, сдержался.

Александр лежал с закрытыми глазами. Его лицо было в синяках и ссадинах. Василий нерешительно остановился в дверях. Может, действительно, лучше пока не беспокоить? Но тот открыл глаза.

- Как ты?

- Василий? – взгляд Таруханова был мутным. – Рад тебя видеть. Кажется, я упал с коня.

«Не помнит?»

- Да, бывает… Ничего…

- Не помню… Я ведь собирался в город, а оказался, кажется, в поместье у деда…

- Да… в поместье…

- Закончилась моя учеба… за границей… Как Анна? Ты мне ничего про неё не писал…

Глава 82

- Ах ты лахудра! Свинья в сарае визжит некормленая, а она всё никак не нажрётся! Детей бросила, кашу хлебает! А мать должна одна за всем доглядать!

Анна открыла глаза. Где она? Кто кричит?

Оглядела дощатый низкий потолок, пахучие волны сена вокруг, маленькую дверцу, в которую заглядывали зелёные берёзовые ветки и кусочек голубого неба, вспомнила.

Вспомнила страшную одинокую ночь в лесу, когда она шла сама не понимая куда. Но остановиться и подумать было ещё страшнее.

Вспомнила день, который пришёл на смену ночи, принёс некоторое облегчение, но ясности не добавил.

Анна ужасалась своей безумной выходки, ей страшно было подумать, как ко всему этому отнесётся мать. Она уже хотела бы вернуться в поместье, она готова была сдаться, лишь бы закончился бесконечный лесной путь. Но дороги назад не знала. Совсем не понимала где она. Анна давным-давно заблудилась.

Кружилась голова. Чтобы не потерять сознание, Анна стала есть землянику. Ягод было много. Но совсем не было аппетита. Девушка заставляла себя…

К вечеру вышла из леса. Закат окрасил мир волшебным сказочным светом. Позолотил дома вдалеке, поля, небо. Бы-

ло невероятно красиво и Анна испугалась, что это бред. Но в эту сказку побоялась шагнуть. Правда, сказка была недолгой. Вскоре солнце скрылось за горизонтом, и наступила вторая беспризорная ночь.

Анна шла вдоль опушек, мимо сёл, мимо лающих собак, мимо редких деревенских огоньков, не решаясь приблизиться к ним. Там могут быть знакомые помещики. Как им объяснить своё положение? Никто не поверит ей, посчитают безумной.

А ведь, похоже, что она и впрямь сошла с ума. Вряд ли бы человек, тем более девица, в здравом уме оказался бы в таком положении.

Права была мать. Она это предвидела.

А она глупая и упрямая. Думала найдёт свою дорогу. Надеялась пойти по своему пути.

Пошла… Только недолго получилось… Надо было слушаться мать. Нет в жизни свободы. Только обман и тупики.

Второй рассвет встретила на ногах, но больше не смогла сделать ни шагу. Побоялась и сесть. Помутнённой головушке казалось, что сесть в высокую траву, значит, спрятаться окончательно от мира, значит погибнуть. Потому что сама она больше не встанет, а здесь её найдут не скоро. Может, вообще не найдут. Лесные звери позаботятся.

Долго смотрела на мир. Думала, что в последний раз. Прощалась. И с небом, и с летом, и с дочерью, и с Александром. И со своей дорогой. Кажется, пришла.

А потом появилась девушка. Анна сразу поняла, что она за ней, как только увидела её фигуру издалека.

И ещё поняла, что если ослабеешь на своём пути, если совсем не будет сил, то помогут ангелы. И эта девушка одна из них.

Глава 83

- Я тебе щаскну! Я тебе крапивой щас щаскну! Не щас, а бегом… Щаскает она…

Крик доносился со стороны открытой чердачной дверцы.

Анна попробовала встать, но резкая боль в ступнях полоснула словно ножами.

- Вот это находилась я, - озадачилась новой проблемой девушка. Стала продвигаться к дверце на коленях, благо недалеко. К тому же на невысоком чердаке всё равно нельзя было встать в полный рост.

Осторожно выглянула наружу, держась одной рукой за полусгнившие доски косяка.

Чердак был расположен невысоко, но всё же возвышался над садиком, плетнём и соседским двором. И в соседнем дворе перед взором Анны предстала безрадостная картина.

Довольно плотная крестьянка стояла, уперев руки в бока, и честила худенькую девочку, которая пробегала по двору то с охапкой травы, то с какими-то горшками.

Тётка вертелась на месте, в зависимости от того, в какой стороне девочка, и продолжала вопить визгливым голосом.

В увиденном Анне показалось что-то смутно-знакомое.

- Это тётка Фетимья на Стешу ругается.

От неожиданности Анна вздрогнула так, что, если бы не держалась за доски, запросто могла бы кувырнуться куда-ни-

будь поближе к тётке Фетимье.

Оглянулась. Рядом стояла белёсая девочка и тоже наблюдала за соседями.

Анна отодвинулась от дверцы, села.

- Она скоро уйдёт на работу, - судя по тону, эта новость должна была обрадовать.

- Я тебя, кажется, видела…

- Конечно, видела... Когда тебя Ксеня привела.

- Тебя как зовут?

- Маруся… А ты Анна? Будешь с нами жить?

От такого простого приглашения Анне стало легче. По крайней мере ей есть где остановиться хотя бы на какое-то время.

- А вы вдвоём с Ксеней живёте?

- Нет… Ещё есть бабушка Нюра, она теперь с Ксеней на коровнике. Ещё есть Митька, он тоже работает. Ещё есть Ольга. Она там, - Маруся ткнула пальцем куда-то вниз и в сторону. – Пойдём есть.

- Есть? – живот словно тоже услышал, сердито заурчал.

Анне стало неловко, но Маруся, кажется, не обратила внимания. Она снова выглянула в чердачную дверцу. – Всё, ушла тётка Фетимья. – Потом резко обернулась к Анне. – Слушай… а ты с детьми умеешь сидеть?

- Как… боюсь… кажется… - Анна окончательно растерялась.

- Нам со Стешей надо сбегать… кое-куда… Но это не се-

годня… А с девками некому остаться. Думали, тётка Фетимья на барщину не пойдёт, а не получилось. Сенокос начался, теперь она каждый день уходит… А нам надо…

- Что?

- Пошли сначала поешь, потом объясню.

- Я, кажется, повредила ноги… Не могу ходить…

- Ну-ка… попробуй-ка ступить, - Маруся, как заправский лекарь стала помогать Анне встать.

- Ай, - вскрикнула та, как только попыталась опереться на ногу. И снова плюхнулась в сено.

- Так это, наверное, оттого, что ты долго с непривычки ходила. Ты долго ходила? С непривычки? У меня тоже так было. Надо потихоньку расхаживаться.

- Да? – Анна прониклась доверием к такой маленькой, но уже опытной девочке. – Попробую…

Расхаживаться пришлось долго. Но спускаясь по лестнице с чердака, Анна поняла, что жить будет.

Пока с опаской ковыляла взад-вперёд по двору - расхаживалась, Маруся куда-то убежала. А потом Анна подняла голову.

За руку Маруся вела девушку несказанной красоты.

- Это Ольга…

Анна сразу поняла, что с Ольгой что-то не то. Она никак на неё не реагировала, не подняла глаз, её лёгкая улыбка скорее относилась к внутреннему созерцанию.

Но в то же время Анна почувствовала какое-то родство.

Эта девушка – не крестьянка.

- Что с ней?

Маруся оглянулась по сторонам, наклонилась к Анне и зашептала:

- Заколдована…

От неожиданности Анна растерянно захлопала ресницами.

- Пойдём завтракать, - обычным тоном пригласила Маруся. – А потом я Стешу с девками позову. Ладно? А то ей никак одной не управиться…

На белой скатерти лежал хлеб, стоял кувшин с молоком, дымились в котелке щи.

Анна на некоторое время замерла в нерешительности. Так она ещё не ела. Из тёмной глиняной самодельной посуды.

- Ну что же ты? – засуетилась Маруся, усаживая на лавку Ольгу.

- А… где мне можно сесть?

- А-а… Сейчас подумаю. Тут-то у нас сидит бабушка, тут Митька, тут Ксеня… - она пальцем указывала места, перечисляя домочадцев. – Садись сюда.

Анна несмело села, взяла большую неудобную деревянную ложку, посмотрела на Марусю.

Но той теперь было не до неё.

- Оленька, возьми скибку… Вот так… Молодец… Кушай. Давай щи зачерпнём…

Голод – не тётка. Живот снова заурчал, намекая Анне, что

теперь не время привередничать, и та потянулась ложкой в общий котёл.

- Иди отведи Ольгу в сад, а я пока чашки помою.

Это простое обращение, как к равной и своей, Анне было внове. К ней так раньше не обращались. В этом не было неуважения. В этом было другое… Словно… Словно Анну приняли в семью.

Она осторожно взяла девушку за тонкую руку, потянула за собой.

Вышли во двор. Анна оглянулась.

- Так… А где тут сад? Кажется, за той калиткой. Пойдём, Ольга.

За калиткой действительно был сад. Анна провела Ольгу к деревянной лавочке под яблоней. Девушка послушно села. Анна прислонилась спиной к дереву. Тишина, не смотря на то, что мир наполнен летними звуками. Но они её только приятно выделяли. Покой… И вдруг…

Острая живая глубокая – до самых израненных пят, радость жизни нахлынула, окатила, затопила всю – с ног до головы.

«Это потому, что я снова есть!» - догадалась она.

- Ты Анна? – пропищал голосок из-за забора.

И девушка едва сдержалась, чтобы не вздрогнуть от неожиданности в который раз за это утро. Она оглядела плетень. В одной из дыр хлопал ресницами голубой глаз.

- А ты Стеша? – догадалась тоже. – Тебя Маруся с какими-то девками ждёт.

- Ща я приду, - глаз исчез.

Анна огляделась. Что за чудный уголок? Трава была густая и мягкая, кажется, приятно-прохладная. Так и хотелось попробовать походить босиком. Может, это помогло бы больным ступням?

Кустики ягод и несколько деревьев дополняли уютную картину. Дальше плетень укрывал от всего мира и от недобрых глаз.

Послышались девичьи голоса. Кажется, Маруся и Стеша встретились во дворе.

Открылась калитка, и в сад действительно вошли девочки. А на руках у каждой сидели глазастенькие малышки.

Маруся протянула свою Анне.

- Подержи Маньшу, а я пока тряпку постелю.

И Анна несмело взяла на руки малышку. И замерла. И мир замер. А Анна желала бы теперь только одного, чтобы так было вечно.

Глава 84

Вторая ночь без сна. Второй день – на диване, рассмотрел уже весь потолок до трещинки-паутинки.

Барон сел. Вытянул ноги, опустил светлую кудлатую голову. Уставился теперь на ковёр.

- Барин, кушать не изволите? – камердинер несмело заглянул в дверь.

- Пошёл прочь…

- Что?

Секунду боролся с желанием запустить туфлю в дверь.

- Не хочу, - повторил громче.

- Заболеете, Никита Фёдорович…

Лихачевский взял в руку туфлю. Дверь тихонько закрылась.

Мужчина повертел обувь в руке. Может, на улицу выйти? Подошёл к окну, выглянул. Жара... Пыль… Народ взад-вперёд бегает с какими-то корзинами. Извозчики ругаются. Собаки блох вычёсывают.

Может, в гости? Кто там в городе остался?

Не хочется.

Так и в самом деле заболеть недолго.

Может, в трактир?

А сколько можно пить?

Зато время убьёт…

Время убьёт… Время… убьёт… Убьёт ещё один скучный день, как убил до этого немало, так, что если сложить вместе, получатся годы. Он свою жизнь убивает?

Он убивает свою жизнь… Он себя убивает… Потому что жить не умеет… Не научился… Не понимает как…

А как люди живут? Поднял голову, вспоминая знакомых и их жизнь, какой она кажется с его стороны. Поморщился… Ничего интересного.

Как так?

А если и в самом деле заболеет? А если придётся умереть прямо сейчас? Минуту поиграл с этой мыслью, прикинул.

Нет… Там тоже весёлого ничего не будет… Вряд ли... Тоска…

Потянулся к столику. Письма, газеты, книги… Кому они интересны? С раздражением сгрёб рукой на пол. Ковырнул босой ногой.

Сверху бумажной кучи оказалось письмо. Почерк на конверте знакомый. Минуту тупо смотрел. Потом понял, на что...

Казалевский соскучился. Или снова без денег сидит. И как он умудряется влезть во все ловушки, которые ему расставляют липкие до чужих денег и дураков плуты всех мастей?

Ну его… Пусть на этот раз сам попробует выпутаться. Может, поумнее.

Но тут же вспомнилось толстогубое, щекастое, добродуш-

ное лицо Казалевского. Когда-то давным-давно он помог ему выпутаться из сомнительной истории, с тех пор его бесконечные истории почему-то становились его проблемой.

Вздохнул, потянулся к письму.

На этот раз его ожидали известия совсем в другом роде.

Казалевский наследник. Да ещё богатый. Что-то, правда, не совсем понятное с наследством. Разделить его надо с пропавшей родственницей. Опять какая-то сомнительная история. Но Казалевский полон оптимизма и надежды на светлое будущее, несмотря на то, что только что похоронил милую тётушку.

Зовёт непременно в гости, обещает вернуть все долги.

Лихачевский кинул письмо туда, откуда его выудил несколько минут назад, лёг на диван, снова уставился в потолок…

На рассвете озверевший от бессонницы барон велел заложить экипаж. Бросил в дорожный сундук всё, что попалось под руки и поехал куда глаза глядят. Глаза глянули в направлении далёкого поместья Казалевского.

Глава 85

- Я тут пока ничего не понимаю, - выпучил Казалевский круглые наивные глаза.

На открытой террасе он угощал друга всем, чем были богаты помещичьи закрома. А они были богаты. Стол ломился. Лихачевский уже чувствовал, что сыт, однако снова протянул руку за пирогом с грибами. Давненько он так вкусно не ел.

– Как тут вести хозяйство? – продолжал сокрушаться Казалевский. - Сенокосы, удои, рожь… Голова кругом. Хорошо, что хозяйство по большей части катится само собой.

- Как это само собой? – нахмурился барон. У этого дурня укатится свалившееся наследство не пойми куда, а он будет глазами хлопать.

- Налажена работа. Каждый знает и понимает, что за что браться и куда идти. Мне только остаётся делать вид, что я со всем согласный и не мешать.

- Ну, это правильно.

Лихачевский в сельской жизни понимал не больше, поэтому одобрил поведение приятеля как наиболее разумное. Раз не понимаешь, значит, не мешай.

- И страшно как-то делается… А вдруг разорю имение? Не за себя страшно… За Софию.

- Женитесь?

- Да что вы! София… она мне кто? – Казалевский уставился на барона, словно и впрямь ожидал от него ответа.

Лихачевский на всякий случай пожал плечами.

- Она… как племянница… только… Короче, - перебил сам себя, – тётушка завещала своё имущество мне и своей внучке. В равных долях… Тётушка была бездетной. Жалко мне её, конечно… Не тётушку… А Софию… Из всей родни её… жалко.

- А-а. Вы что-то писали… Уехала она куда-то…

- Пропала. Да я ведь вам рассказывал ещё зимой. Даже медальон с её портретом показывал.

Барон что-то такое смутно припомнил. Правда, его не особо интересовали родственники Казалевского. Кивнул…

Тогда про себя решил, что девушка, скорее всего, сбежала с женихом, и выкинул эту историю из головы. Теперь тоже особо не вникал. Разберутся сами как-нибудь.

Вот только что-то внутри зазвенело тревожно. Но это наверняка оттого, что переел. Положил остаток пирога на тарелку. Поглядел на ухоженный сад. Похоже, Казалевскому действительно повезло.

- Пойдёмте, посмотрим моих коней.

Лихачевский с трудом встал.

- Пойдёмте через дом. Так быстрее, чем вокруг кружить, - Казалевский потянул в комнаты.

- Кстати, вот кабинет тётушки. Тут и портрет Софии…

Барон не успел возразить. Ему не хотелось бродить по тё-

тушкиным кабинетам, но приятель уже распахнул дверь, и портрет, хоть и висел на противоположной стене, бросился в глаза… Словно ударил.

- Вот она София… Только что из пансиона… Такой я её не знал. Мы с ней маленькими детьми гостили у тётушки. Здесь… Она младше… Хорошая была… Потом я её не видел… Вот так…

- Так вот почему мне она показалась знакомой…

- Что?

- Я, кажется, видел…

- Софию? Где?

- Тот портрет… та миниатюра, что вы показывали…

- Это копия… Вот он, - Казалевский полез в карман. – А… Он, наверное, в моей комнате…

- Я, кажется, знаю, где она…

- Что?

- Очень похожа… Но не уверен…

- Что?

- Девушка… Бродяжка немая… Не знаю…

Барон был ошеломлён. Она? Нет?

Сходство было несомненное. Но и разница велика.

На портрете девушка чуть-чуть улыбалась. Смотрела прямо, внимательно.

Та бродяжка глаз от цветочка так и не подняла. Глядела вниз, потом заплакала.

«…Теперь - не моя, завтра моей станет. Со всеми права-

ми. Есть способы…».

Слова Валенского ясно прозвучали в голове.

Барон в смятении обернулся к Казалевскому.

- Мне надо срочно ехать.

- Куда? Вы знаете где София? Я с вами. Где она?

- Далеко… Дней семь… Может, пять… Надо срочно… Сейчас. - Лихачевский взглянул на приятеля. - Но я не уверен, что это она…

С минуту взволнованный Казалевский вглядывался в лицо барона.

- Едемте.

Глава 86

- Завтра опять не получится.

- Чего так? – Стеша вскинула взгляд на подружку.

- Завтра мы с бабушкой Нюрой идём куда-то за телятами.

- Надолго?

- Нет, наверное. Она сказала, что к вечеру должны вернуться… Если, конечно, телята не разбегутся.

Маруся вздохнула.

Девочки возвращались от колодца. У обеих на плече по коромыслу. На коромысле деревянные маленькие вёдра. Эти вёдра больше предназначены для семян или ягод, но настоящие для воды были большими, тяжёлыми и неудобными. Вот девочки и приспособили то, что нашли. Поэтому, чтобы наполнить глубокие кадки во дворе и кадки в хате поменьше, приходилось делать несколько ходок.

Но девочкам нравилось.

Нравилось и воду из колодца доставать. Хоть это было немного страшно.

Колодезные брёвна уходили в темноту. Вода тихо плескалась в глубине. Ведро медленно уменьшалось в размере, пока девочки перебирали руками, опуская гладкий шест.

Шест опускался с неохотой, норовил вырваться вверх и поднять заодно любую из подружек. Обе худые, лёгкие, зато цепкие. Крепко хватались тонкими пальцами за его гладкие

бока.

Потом ведро плюхалось в воду. Рассмотреть, что там делалось в глубине было непросто, но шест тяжелел, становился послушным и назад возвращался уже усмиренным, легко вынося наружу полное ведро.

Оставалось его ловко подхватить и опрокинуть в собственное, расплёскивая прохладную воду на босые ноги. Потом обратно вниз за новой порцией.

- Эге-гей, - тихонько ухала Маруся. Ей нравилось, как колодец глухо ворчал в ответ. - Самое страшное – это упасть туда.

- Ага, - соглашалась Стеша. – Но ещё я боюсь ведро упустить. Видишь, оно на крючке держится? Если отсюда сорвётся, то утонет в колодце, тогда новое надо вешать.

- А кому надо будет вешать?

- Вот кто упустил, тому и вешать. Такой закон.

- А ты уже упускала?

- Ага. Мать знаешь как орала? А отца как раз дома не было.

На Марусин взгляд, Стешиного отца дома часто не было. За всё это время она его видела лишь несколько раз и то через забор.

Теперь и она стала бояться упустить ведро. Всё время всматривалась в крючок – выдержит ли на этот раз?

Случись неприятность, вешать новое ведро некому. Сама она понятия не имела, как крючки крепятся к шесту. Девки

тоже не разберутся. Если только Митька что-нибудь сообразит. Но лучше поостеречься.

- А куда вы за телятами идёте? – вернулась Стеша к первоначальной теме.

- Зелёный Кут какой-то. Ты знаешь?

- О, это вёрст девять от нас. Ты устанешь…

- Ничего. Я привычная. Я пока не нашла бабушку Нюру, знаешь сколько ходила? С чужими людьми! Это хуже не придумаешь.

- Я знаю… Ты рассказывала…

Воды на целый день требовалось много, девочки успевали поделиться всеми событиями, которые случились у каждой после последней встречи. Теперь спешить и бежать им уже незачем. Теперь есть кому за детьми присмотреть.

К некоторому удивлению и облегчению обеих, Анна прямо-таки прикипела к Стешинам сестричкам.

Правда, в начале она боялась с ними одна оставаться. Ей казалось, что она не справится, не досмотрит, не сумеет покормить.

Но теперь привыкла.

Поэтому с утра Стеша приносила сестричек в соседский сад, а Анна их уже с нетерпением поджидала. Так, что девочки удивлялись – кажется, барышня, а простых детей любит так же, как и они.

Бабушка Нюра Анну приняла.

- Вижу, ты непростая девица, - сказала она в первый же

вечер, когда вернулась из телятника, а нежданная гостья тревожно вглядывалась ей в лицо, ожидая решения хозяйки. - Может, и нелюбо тебе будет в чёрной избе с нами жить, но выбора, по всему видать, у тебя нет. Что ж, живи. Угол для тебя найдётся, хлебом поделимся.

Анна и осталась. Ночевала на чердаке с Ксеней. Митька своё место уступил, новое нашёл. Днём помогала Марусе хозяйничать, на улицу не выходила да с детьми сидела.

- А вы вдвоём идёте? – Стеше не давало покоя завтрашнее расставание с подружкой на целый день.

- Ага. Только я чего-то не поняла. Управляющий сказал бабуле, чтобы Ксеня и Митька тоже пошли, а бабушка не хочет с ними. Только со мной. Нет, мы из дома все вместе выйдем. Митька даже на своём Чалом. Как будто с нами. Только потом Митька с девками завернёт в лес за грибами. И они нас там будут ждать. А когда мы с бабулей назад телят будем гнать, снова встретимся и домой опять вместе пойдём.

- А-а… Понятно, - Стеша кивнула, хотя тоже не очень разобралась в причине такого манёвра. – А вы вдвоём управитесь?

- Не знаю. Митька боится, что телята от нас разбегутся.

- Ну да, - Стеше казалось, что это вполне возможно. – Ты хлеба побольше набери. За хлебом они куда угодно пойдут. Особенно если с солью. У вас есть соль? Я могу отсыпать. Отец недавно мешок принёс.

- Да найдётся.

- А сколько их? Телят?

- Вроде, пять.

- Управляющий не мог, что ли, послать кого-нибудь… помоложе?

- Ну так он и послал Митьку и Ксеню. Только они не пойдут…

Маруся вздохнула. Трудно объяснить подружке то, чего она и сама не поняла. Но бабушка в последние дни ходила встревоженная, о чём-то с Митькой тихо говорила. Марусе сказать не захотела.

- Мне кажется, бабуля боится, что Ольгу украдут, - поделилась со Стешей своей догадкой.

- Кто украдёт?

Маруся подняла плечи чуть ли не до ушей.

- Так-то она с чужими не пойдёт… Только… - замолчала, а Стеша и сама догадалась, о чём подружка не сказала.

Чужие люди не будут спрашивать у Ольги, хочет она идти с ними или нет.

Стеша уже стала догадываться, что красивой иногда опасно жить на свете.

Она помнила, как баре тогда у озера смотрели на Ольгу.

Ей тоже стало не по себе.

Глава 87

- Не беги шибко, а то уморишься, - волновалась Нюра.

Но Марусе казалось, что у неё много сил, хватит на дорогу туда и назад, и ещё немного остается.

Она пылила босыми ногами по тёплому песку, хотя лапти были - висели у бабушки на плече. За пазухой топорщились краюшки хлеба, посыпанные крупной серой солью и завёрнутые в чистую тряпку – это для телят. Для Маруси с бабулей тоже была еда и вода. В узелке на плече у старушки, рядом с Марусиными лаптями.

- Ба, а Анна кто?

- Как кто? Девица, барышня.

- Так барышни все вон в каких домах живут… в красивых. А Анне почему негде жить?

- Всяко на свете бывает. Вот я, к примеру, жила себе да жила. Хоть и не в красивом доме, а в тёмной избе, но своя, кажется, хата была… А оказалась где?

- Где? На улице?

- Не-е, ты не подумай, что меня выгнали, или ещё что…

- Я знаю. Ты сама ушла, когда голова помрачилась от болезни.

- Во-во.

- И у Анны голова помрачилась?

- Откуда мне знать? Она же не рассказывает.

- А ты у неё спроси.

- Нет… В душу лезть тоже не годится. И потом – кто я? Простая бабка. Простым бабкам такие барышни душу не раскрывают.

- Почему не раскрывают?

- Потому, наверное, что не поймём ничего. Ты же своей Мурке всего не рассказываешь?

- Рассказываю, - Маруся с таким изумлением взглянула на бабулю, что та усмехнулась.

Нюра смеялась так редко, а потому так дорого, что Марусе захотелось продлить момент.

- Я ей всё рассказываю. И про Танюшу, и про Ольгу… Ба, а Ольгу можно расколдовать?

Бабулину улыбку как ветром сдуло.

- Не знаю, деточка. Ольга наша - особая статья… Думаю, порча на ней…

- А порча – это как?

Нюра в сомнениях посмотрела на девочку, уклонилась от прямого ответа.

- По-разному… Да и неизвестно, где правду говорят, где выдумывают… Но бывает, что был человек как человек, а потом…

- Так наша Ольга раньше тоже была… как все? И разговаривала?

- Я думаю, что она была как все. И разговаривала… А потом что-то случилось…

- А мне могут сделать порчу?

Настроение Нюры окончательно упало. Не хотелось отвечать. Тем более, сама в этих вопросах толком не разбиралась. Но объяснила, как понимала.

- А ты не ругайся бранными словами, не делай худого людям, чужого не бери. Вот и не будет тебе никакой порчи.

- Почему?

- Потому… когда человек делает плохое, он как ворота открывает для плохого… Вот и бегает это плохое туда-сюда…

- А если не делать плохого, тогда можно уже не бояться?

- Тогда не бойся. Остерегаться оно никогда не помешает… а бояться не надо. Иначе бы люди на свете перевелись. Недобрые бы всех перепортили.

- А Ольга разве ругалась? Мне кажется, что нет. И людям худого ничего не делала. Что-то я никак не могу такого представить... Или чужое красть? Разве Ольга похожа на воровку?

Марусина логика бабку совсем сбила с толку.

- Не знаю, деточка. Не ругалась она, и чужого не брала. Это по ней сразу видно. Да только попала, видать, в беду… Вот и не может никак выбраться.

- Значит, не порча?

- Может, и не порча… Много на свете неизведанного и непонятного…

- И ты про всё не знаешь?

- Что ты! – испугалась Нюра. – Какое про всё? Тут хоть

бы с краюшку зачерпнуть.

- А Ксеня – тоже особая статья?

Бабка помолчала. Вздохнула.

- И Ксеня – особая статья.

- А Митька?

- Митька молодец! Настоящим мужиком растёт. Сам не пропадёт, своих не бросит. Про таких как он говорят «мал золотник, да дорог».

- А потом вырастет, и про него будут говорить «большой золотник… ещё дороже стал». Да?

Бабуля снова повеселела, усмехнулась.

- Точно…

- А ты тоже особая статья?

- Не. Вот я как раз обыкновенная.

Маруся заглянула бабуле в глаза.

- Нет… Ты тоже особая… А я?

Бабуля в ответ заглянула в светлые Марусины. И увидела в них ожидание и надежду.

- Экие мы гордячки. Всё нам хочется особыми быть. А чем плохо быть обыкновенной?

- Так ску-учно.

- Ску-учно! – передразнила бабуля. – Да если хочешь знать, на обыкновенных людях земля держится.

- Нет, я всё равно хочу быть особой… Так интересней…

- Ага. То-то от интереса нас швыряет по белу свету, как…

- Ба, вон Зелёный Кут?

Впереди запестрели дома.

- Нет, это другое какое-то село. Зелёный Кут дальше. Давай-ка мы эту деревню кругом обойдём.

- Ба, давай зайдём.

- Зачем это?

- Водички попьём.

- Ты пить хочешь? А чего молчишь? – засуетилась Нюра с узелком.

- Нет, давай холодненькой. У тебя она уже нагрелась.

На самом деле Марусе хотелось заглянуть в чужой колодец.

- Ну пойдём, - согласилась бабуля.

По мере приближения к селу Маруся сделалась молчаливой. Нахмурила брови, задумалась.

- Ба… А мы тут уже были?

- Кажись, нет. Не помню…

- А я помню… И дом вот этот помню… И…

Маруся растерянно оглянулась по сторонам, замолчала окончательно.

- Вон колодец…

Но интерес к колодцу угас.

Бабуля положила узелок на лавку, потянулась за шестом. На дороге показался экипаж. Барин.

Бабуля бросила шест, повернулась, ожидая, когда бричка мимо проезжать будет, чтобы поклониться. А Маруся где?

Оглянулась – сидит Маруся за колодезными брёвнами ни

жива, ни мертва от страха, палец прижала к губам, показывая бабуле, чтобы она её не выдавала.

Нюра ничего не поняла, на всякий случай загородила девочку своими юбками.

- Ба… Это Сергей Дмитриевич, - зашептала перепуганно, когда помещик проехал мимо.

- Какой Сергей Дмитриевич? – тоже испугалась бабуля.

- Мой… Это я у них жила. - Девочка ткнула пальцем в стоящий неподалёку на пригорке помещичий дом. – Вон туда мы приезжали прошлым летом… Ба, я, кажется, нашла Танюшу.

Бабка растерялась не меньше самой Маруси.

- И что дальше?

Но та пожала плечами.

- Не знаю. Пойдём отсюда быстрее, пока Сергей Дмитриевич не увидел.

- А пить?

- Не хочу…

Глава 88

Митька привязал Чалого к тонкой липе, повернулся к девкам.

- Я здесь буду. А вы собирайте грибы, - махнул рукой вокруг. – Только чтобы я вас видел. Ольга пусть со мной.

Анна с некоторым удивлением выслушала эти приказы, перевела взгляд на Ксеню – послушается? А та вопросительно заглянула в лицо мальчика.

- Мить, там в низине прошлый раз я нашла маслята. Туда можно?

Митька отвязал Чалого, дёрнул за узду.

- Пошли в твою низину.

Прошли чуть дальше. Но опять же недалеко от опушки. Митьке не только за девками надо следить, но и поглядывать в сторону деревни. А ещё смотреть бабку и Марусю. Они, правда, только недавно ушли. Но всё равно поглядывал и в направлении Зелёного Кута. Мало ли?

Анна неуверенно пошла с корзиной в кусты. Грибы она любила, а вот собирать их не доводилось.

- Вдвоём ходите, - нахмурился Митька. – Анна, слышишь?

Девушка оглянулась, Митька уже сидел на траве к ней спиной. Скомандовал, но не удосужился даже проверить, как она его команду выполнит. Словно был уверен, что она сделает так, как он сказал. Анна поколебалась. Не очень было

любо, что деревенский пацан ею руководит.

- Ну что же ты? – спросила Ксеня. Она, похоже, не разгадала сомнения Анны. – Пойдём.

Пошли.

Туфли Анны не были предназначены для лесных прогулок. Острые каблучки проваливались в землю. Она даже стала побаиваться, что скоро совсем их оставит под очередным кустом.

Выходя из дома, бабка ей предлагала надеть лапти. Лапти… До лаптей Анна ещё не докатилась. Хотя…

Теперь, глядя, как мягко шагает Ксеня, как не боится наступить на сучок, Анна догадалась, что бабка знала, о чём говорила.

Так и есть. Соскользнув с очередной кочки, девушка услышала неприятный треск. Наклонилась – ничего хорошего. Яркая парча расползлась в нескольких местах ещё во время её двухдневного путешествия, теперь и вовсе зияла дырой. Анна испугалась. Не сегодня – завтра туфли придут в негодность. А дальше? Босиком?

- Дальше не ходи, - предостерегла Ксеня. – Митьку уже не видно.

И эта туда же.

Анна не хотела вмешиваться в странные отношения людей, с которыми её свела судьба. Зачем? Она с ними временно. Пусть живут как знают, это её не касается.

Но теперь, раздосадованная испорченной обувью, она не

выдержала новой нелепости.

- А почему нас Митька должен видеть? Не настолько мы беспомощные, чтобы заблудиться, когда даже в лес ещё толком не зашли. А он всё же мальчишка. Не рано ли приказы начал раздавать?

В голосе послышалось больше досады, чем Анна хотела показать. Чем и в самом деле чувствовала. Не так уж её задели командные нотки Митьки. Дело в туфлях.

Ксеня посмотрела в чуть покрасневшее лицо Анны. Глаза затуманились грустью.

- Он большак.

- Ему хоть десять исполнилось?

- Не знаю. Но он большак.

На этот раз Анна сдержала раздражение. Это их жизнь. Её не касается. Она потерпит. Может, несколько дней всего. Александр найдёт её, и они уйдут. А пока лучше молчать.

- Мы должны быть поблизости от него и Ольги… В любую минуту нужно быть готовыми помочь…

- Митьке? – удивилась Анна.

- Ну… На самом деле – Ольге.

Анна захлопала ресницами. Оглянулась. Ольга сидела на пеньке недалеко от Митьки. Её новый зелёный сарафан среди густой листвы уже не сильно бросался в глаза, но всё же был заметен. Они недалеко ушли.

К Ольге у Анны были особые чувства. Она понимала, что, несмотря на крестьянскую одежду, она не крестьянка. Она

ей ровня. Она такая же дворянка, как и она.

- Как… мы можем помочь Ольге? Разве ей грозит беда?

Беда, на скромный взгляд Анны, уже сделала своё дело. Непонятное.

- Кажется, барин на нашу Ольгу глаз положил.

Анна вспыхнула. Она не привыкла говорить о таких вещах.

- Он хочет на Ольге жениться? – попробовала предположить что-то попристойнее. Эти крестьяне иногда бывают слишком грубыми.

- Он хочет Ольгу погубить…

- Как погубить? Она же… не простая девка…

- Валенский…

- Валенский? – перебила Анна. – Я с ним немного знакома. Слышала про него… Но ведь он не имеет права…

- Митька с бабкой боятся, что он хочет выдать её за одного мерзкого пьянчугу. И она станет крепостной. И окажется целиком в его власти. И сделать тогда мы уже ничего не сможем.

Анна почувствовала тошноту.

- Мы думаем, что он поэтому отправил нас за телятами.

- Поэтому… мы здесь?

- Да…

Анна снова посмотрела на Ольгу. Перевела взгляд на Митьку. На маленького мальчика, у которого сердце большака.

Отвернулась. Глаза защипали. Опустила голову. Где тут маслята? Но прозрачная пелена затуманила весь мир.

Глава 89

Ближе к вечеру стали беспокоиться.

- Мить, что-то их долго нет.

Мальчик посмотрел в сторону деревни. Там безлюдно. Обернулся к Ксене.

- Будьте здесь. Я быстро.

Вскочил птицей на Чалого и помчался по чистому полю. Девушки долго смотрели, как серая рубашка надувается пузырём.

- И когда только научился? – удивилась Ксеня.

- Красиво… И ведь без седла, - высоко оценила Анна.

- Вы что же? Вдвоём пришли? – хмурый мужик в сапогах сдвинул мохнатые брови ещё ближе к переносице.

- Не-е, там за околицей нас поджидают, - не моргнув глазом, соврала Нюра.

И расстроенная Маруся пригляделась к бабкиному рту – не открыла ли она проход для порчи? Но ничего толком не разглядела, кроме редких зубов.

- Ну смотри, бабка, из деревни поможем телят вывести, дальше сама.

- Сама, сама, не тревожься.

- Да я-то не тревожусь. Тебе, если что, отвечать.

И Маруся поняла, что проход открылся. Вот и первая

угроза нависла над их бедными головушками.

За деревню, как хмурый мужик и обещал, помогли выйти незнакомые ребята.

- Благодарствую, дальше мы сами управимся, - отпустила их бабка, когда последняя хата осталась позади.

Ребята побежали назад.

Маруся поглядела на своих подопечных.

Телята растерянно стояли посреди дороги, прижимались друг к другу, и не понимали, куда им дальше. Маленькие, рыжие, лопоухие.

- Ну, хоть смирные, - с облегчением выдохнула Нюра. – Сейчас мы одного, пошустрей которого, за верёвку привяжем да потянем, остальные сами за ним побегут.

Бабуля прищурила глаза, определяя главного. Прищурилась и Маруся.

- Вот этот, - догадалась она. – С белой звёздочкой на лбу.

У телёнка были большие коричневые глаза, умные и красивые. А звёздочка выгодно отличала его от похожих братьев и сестёр.

- Ты думаешь? А ну-ка, иди ко мне, милай.

Бабуля размотала верёвку с пояса, ловко накинула телёнку на шею.

- Пошли.

Но телёнок никак не хотел отрываться от товарищей. Он упирался всеми четырьмя копытами и жалобно мычал.

Маруся полезла за пазуху. Теперь должны пригодиться её

горбушки.

Развернула тряпку. Вкусный запах заставил и её проглотить голодную слюну, и заинтересовал телят. Они дружно потянулись к Марусе.

- Мека, мека, - побежала она задом наперёд, вытянув руку перед телятами. Те побежали следом.

Бабуля тронулась последней.

Хлеба надолго не хватило, но и эти несколько кусочков указали телятам направление. И они бойко последовали за Марусей.

- Ба, они, наверное, думают, что я их мамка.

- Лишь бы не передумали.

И по луговой дороге потянулась интересная компания.

Впереди Маруся. Она часто оглядывалась на своих спутников, умиляясь неожиданной преданности и любви.

Следом топали лопоухие питомцы, жизнь которых часто ставила в сложные ситуации, но они привыкали отыскивать в них выход. Вот и теперь быстро сообразили, что идти нужно за этим, пахнущим вкусными горбушками, маленьким человечком.

Позади плелась бабуля. Облегчение от удачно складывающегося похода успело покинуть её, на смену пришла усталость. А ведь дорога дальняя. Остаётся только терпеть.

- Ба, давай ту деревню обойдём стороной, - ткнула Маруся пальцем на запестревшие далеко впереди дома.

- Боишься хозяина встретить? Как его? Сергея Митри-

ча…

- Не знаю… Мне нельзя… Барыня сказала, беги Маруся… Ба, а куда ты дела бумаги?

- Припрятала подальше. А они тебе нужны?

- Да нет… Интересно, как там Танюша? – пробормотала тихо и задумалась.

Ближе к вечеру уже и Маруся едва передвигала ноги.

- Ба, а ты корову будешь покупать? Ты же собиралась.

Нюра промолчала. Собиралась… Но теперь стало тревожно за Ольгу. Как бы ни пришлось опять уходить… на все четыре стороны.

- Повременим пока с коровой…

А глаза тоскливо уставились на телят. Эх, себе бы такую «звёздочку».

Полезла в узелок.

- Марусь, перекуси хоть на ходу, - протянула яичко с хлебом.

- А отдыхать не будем? – Маруся устало взглянула на бабушку.

- Как с ними отдыхать? Мы с тобой усядемся, а они ждать будут?

Маруся вздохнула, поплелась дальше.

- Не горюй, - попыталась утешить Нюра, - немного осталось.

Беда свалилась неожиданно. И выглядела сначала, как две

тёмные точки сбоку. Маруся глянула на них, отвернулась. Потом снова посмотрела.

- Ба, собаки!

Откуда они взялись?

Какое-то время теплилась надежда, что пробегут мимо.

Но, видимо, слишком завлекательно махали телята рыжими хвостиками. А охрана не показалась достойной опасений.

С лаем ворвались в их компанию, накинулись на телят, те брыкнули копытами и побежали куда глядели их телячьи глаза.

- Телятки!! - закричала Маруся и бросилась следом.

Нюра тоже побежала… Или нет? Но точно с ужасом смотрела, как приближаются к высокому берегу реки пять рыжих пятнышек, как сзади на них бросаются и кусают, гонят в погибель собаки.

- Пропали телята…

И то ли от напряжения, то ли от страшной беды, глаза её постоянно мутнели от слёз. Она не успевала вытирать их ладонью.

А между тем отчаянный всадник уже мчался наперерез. Не сразу его увидела Нюра. Заметила, когда он у самого берега преградил путь телятам. Те повернули в другую сторону. Собаки, казалось, догадались, что на этот раз могут отведать кнута своими лохматыми боками, потеряли интерес к телятам, побежали дальше.

- Митька, - узнала бабуля. – Родной…

Митька развернул Чалого, снова помчался за телятами. И теперь ему удалось повернуть их к Нюре.

Та в бессилии стояла и смотрел, как целые и невредимые телята вприпрыжку бегут в её сторону, как уверенно гонит их Митька, как плетётся по кустах уставшая Маруся.

- Что-то вы долго, - Митька спешился, закинул уздечку вперёд.

- Так двадцать вёрст без малого, - бабуля убрала руки за спину. Не хотела показывать детям, как ходуном ходили её пальцы.

- Марусь, залезай на Чалого, - повернулся к подошедшей девочке Митька.

- Я?

- Не бойся, он смирный. Я за уздечку буду вести.

- А как залезать?

- Я руки подставлю, - Митька показал сложенные ладони в замок. – Ты прямо в них становись. Ба, держи пока уздечку.

Через минуту Маруся была наверху.

Мир качался и двигался мимо. Уставшие ноги повисли вдоль крутых боков Чалого и впервые за день отдыхали.

Сначала было страшно. Но недолго. Скоро она привыкла и с восторгом смотрела, как смирные телята послушно идут по дороге, как время от времени Митька сердито покрикивал на них. Но не часто.

Пережитый недавно страх вызывал длинные, со всхлипы-

ваниями, вздохи.

- Ба, правду ты тогда мужику сказала.

- Что сказала?

- Что нас поджидают за околицей. Вот они и поджидали…

Бабка долго хмурилась, пытаясь понять, что имела в виду Маруся. Поняла. Посмотрела на девочку долгим взглядом. Усмехнулась удивлённо.

- Вот тебе и обыкновенная… - пробормотала себе под нос.

Глава 90

Анна хмуро рассматривала свою обувь.

Всё… Надо выкидывать. После вчерашнего похода в лес это уже развалины, а не туфли.

Прошла босыми ногами по глиняному прохладному полу, по домотканым полосатым половикам - даже здесь непривычно стопе. А на улице как? Да на улицу она босиком никогда в жизни не выйдет. Что же ей в этой хате теперь безвылазно сидеть?

Маруся долго наблюдала, наконец не выдержала.

- Может, лапти померяешь?

- Давай, - вздохнула.

Маруся подскочила с лавки, принесла из сеней заготовленные впрок лапти, вытащила из сундука светлые тряпки – онучи.

- Садись на лавку, сейчас буду учить тебя обуваться.

Анна послушно села. Маруся стала ловко наматывать онучи на ноги девушки, попутно знакомя её со своими планами.

- Мы со Стешей хотим с лес сбегать… Помнишь, тебе говорили?

- Ага, что-то припоминаю… Сегодня?

- Да. Пока тётки Фетимьи нет. А то она Стешу не отпустит.

- А с детьми? – Анна вскинула перепуганные глаза – догадалась.

- Мы быстро, - криво улыбаясь, пообещала Маруся.

Если бы Анна не была так напугана перспективой остаться одной с детьми, она бы расспросила, за какой надобностью девочкам в лес. Грибы и ягоды вчера принесли.

- Готово, - Маруся оглядела результат.

Лапти тупыми носами нелепо выглядывали из складок нежно-лилового порванного на подоле платья.

- Знаешь, - поморщилась Маруся, - надень-ка ты лучше сарафан. У нас их несколько. Ещё даже ненадёванные.

- Ксени?

- Общие.

Маруся полезла в старый сундук.

- Тебе какой больше нравится – красный или лазоревый?

- Давай который поменьше в размере.

Ольга и Ксеня хоть и стройные, но всё же не такие тощие, как Анна.

- Они одинаковые.

- Тогда давай лазоревый.

Но когда Анна натянула сверху белой рубахи сарафан, к её удивлению, он не болтался на ней, как на палке. Она оглядела свои бока. Кажется, теперь они не такие уж и ребристые, как были совсем недавно.

Озадаченная такой метаморфозой, она выбежала в сени, распахнула во двор дверь, чтобы было больше света, и уставилась в ведро с водой.

Оттуда на неё смутно глянуло знакомое отражение. Зна-

комое-то, знакомое, но, кажется, изменившееся.

Анна потрогала ладонями свои щёки. Это ей чудится, или на них действительно появился лёгкий румянец? Да она почти хорошенькая! Во всяком случае – в ведре с водой.

- Чего ты? – выбежала следом Маруся.

- Да так… Ничего.

- Ну, ты побудешь с девками? А то нам бежать уже надо.

И снова на Марусю глянули перепуганные глаза.

- Только ненадолго. Ладно?

- Мы бегом, - уклончиво пообещала девочка. – Пошли в сад. Там уже Стеша с детьми.

Когда Стеша увидела Анну в крестьянском наряде, она всплеснула руками, но в глазах мелькнуло разочарование. Крестьянок знакомых у неё было много, а вот барышень можно было по пальцам пересчитать. Даже двух пальцев хватило бы, поэтому они ценились больше.

Но тут вспомнила новости, которыми не терпелось поделиться.

- Вчерась к вам мужики приходили.

- Какие мужики? – удивилась Маруся. Анна нахмурилась.

- Двух знаю… Это дядька Демьян, с которым ваш Митька в конюшне работает, второй управляющий, третьего не знаю.

- И что они?

- Ничего… Постучали, покликали хозяев, я из-за плетня им крикнула, что все в Зелёный Кут пошли, они потоптались и ушли. А что?

Маруся пожала плечами.

- Может, бабушке Нюре что-то хотели сказать? Погнали…

Стеша обернулась к Анне, торопливо выпалила:

- Там на лавке рожок и молоко в кувшине… Ещё рубашки положила… Девки, если после обеда поспят, мокрые будут, ты тогда переодень.

Калитка за девочками захлопнулась.

- После обеда поспят? Эй, а вы надолго?

Но Стеши и Маруси уже след простыл. Анна в растерянности повернулась к своим подопечным.

Ольга привычно сидела под яблоней, смотрела в траву.

Девочки глядели на Анну. В их светлых глазах блестел лёгкий интерес. В маленьких пальчиках темнели корки хлеба, которые они изрядно обслюнявили и изгрызли новыми беленькими зубками.

Глава 91

Кажется, справилась.

Анна выдохнула с облегчением. С детьми в последнее время она часто оставалась одна, но на такой долгий срок, да ещё когда Стеша не крутилась поблизости, впервые. Но, кажется, обошлось.

И теперь наигравшиеся и наевшиеся Глая и Манечка сонно и глубоко дышали, их веки тяжелели и глазки медленно закрывались. Засыпали…

Анна с улыбкой смотрела на девочек.

Странно. Казалось бы, что рядом с такими крошками, она будет выть от тоски по своему ребёнку, но каждый раз она успокаивалась. Только рядом с ними боль утихала.

Глая уснула… Манечка с большим трудом подняла длинные ресницы и остановила свой взгляд на Анне. И выражение её глаз показалось таким взрослым, таким разумным и всепонимающим, что Анне на миг стало не по себе. Разве дети так смотрят?

Но Манечка уже закрыла свои голубые огоньки.

Анна легла рядом с детьми. Вот так лежала бы бесконечно, прислушиваясь к лёгкому дыханию малышек. Так тепло и уютно. Так мирно. Так хорошо.

Но Ольга.

Анна села.

Всё время, пока она занималась детьми, Ольга была предоставлена сама себе и цветам.

В другое время за ней ухаживала бабка. Иногда Маруся и Ксеня, но не Анна.

И вот теперь Ольга сидела и хмурила тёмные брови, а это верный признак, что её что-то беспокоит. И Анна со страхом догадывалась что.

Ну уж нет! Кусок хлеба в руку дать – это пожалуйста, а что-то большее – увольте. Анна отвернулась.

Водить немощных в уборные – это удел прислуги и крестьян, но ни в коем случае не дворянской девушки.

Никогда!

Но… ведь Ольга тоже дворянская девушка…

Очень жаль. Но она не собирается ей помогать! Тем более – в этом! Да если кто-нибудь когда-нибудь узнает…

«И что? Ты в своей жизни никогда не делала такого, что приходилось скрывать от других?»

«Но в уборную я её не поведу!!!»

В раздражении Анна снова легла. Только теперь ей уже не было уютно, тепло и хорошо даже с маленькими девочками.

«Она больна… Это может случиться с каждым… Это может случиться с тобой…».

«Я не виновата в её беде!»

Беда… беда… С такой юной и красивой.

Анна скосила глаза. По щекам Ольги потекли слёзы.

Анна отвернулась.

Где Маруся?

«Не стыдно тебе перекладывать всё на девочку?»

«Она уже привыкла… Я не перекладываю… Это не я перекладываю… Я ведь сама хожу в уборную!!!»

«Ольга тоже сама когда-то ходила!!!»

«Я не могу…».

Теперь слёзы потекли по щекам Анны. Она правда не могла. Никак. Всё в ней противилось от этого ужаса.

«Люди и вчера, и сегодня, и завтра попадали, попадают и будут попадать в беду. А другие люди и вчера, и сегодня, и завтра перевязывают гнойные раны, выносят горшки. Это называется долг. Долг одного человека, которому дано здоровье, помочь другому, у которого здоровья нет… Это делали наши отцы и деды испокон веков. Ты читала о добром самарянине, одобрила его самоотверженность. Но закончив урок богословия, оставила все выводы в классной комнате, ничего не взяла с собой в жизнь. А между тем, такие люди были всегда. Такие, как бабка Нюра… А ты? Сбоку?.. Ты считала себя добрым человеком… Можешь дальше не считать…»

«Я не готова… Только не сейчас…. Может, когда-нибудь я и смогу…».

«Помощь нужна или сейчас или никогда... Но остерегись. Не поможешь теперь, никогда не узнаешь счастья… Потому что счастье тоже пугливое. Оно никогда не приблизится к гордым и брезгливым».

Последние слова прозвучали не в голове. Они прозвучали в том месте, где по мнению Анны находилась всякая душа – в центре груди. В том месте, где у её маленькой дочки темнел цветок с тремя лепестками.

Анна встала. Подошла к Ольге, протянула руку.

- Ольга, пойдём.

Та никак не отреагировала. На мгновение Анне захотелось отойти.

«Я же ведь предлагала. Она сама не захотела».

Но лишь на мгновение. Анна наклонилась, взяла тонкую руку в свою.

- Пойдём…

Через несколько минут все снова сидели на своих местах. Казалось, ничего за это время не изменилось. Но это казалось.

Анна внимательно смотрела на Ольгу. Та теперь опять улыбалась.

К несчастной девушке она всегда относилась с сочувствием. Но сейчас это поверхностное сочувствие переросло во что-то другое. Более глубокое.

- Бедная… - прошептала Анна. Из её глаз брызнули слёзы. – Что с тобой случилось? Что произошло? Какая гроза громыхнула в твоём сердце? Какие недобрые люди тебя погубили?

Анна плакала и не могла остановиться. Впервые собствен-

ная беда и собственные трудности отодвинулись на второй план. И, может быть, первый раз в жизни Анна жалела кого-то больше, чем себя.

Анна легла на спину, стала смотреть на голубое небо, на мирно плывущие облака. А слёзы катились и катились по щекам. И постепенно она поняла то, что никогда не приходило ей в голову раньше.

В этом мире многим трудно. Некоторым гораздо тяжелее, чем ей. Но они мужественно несут свою ношу, попутно помогая и поддерживая других.

А она?

До сегодняшнего дня на других ей было наплевать. В этом мире для неё существовала лишь она и её проблемы.

А мир оказался намного больше, глубже и шире.

Глая закряхтела, заагукала. Следом проснулась и Манечка.

- Тихо, Глая, не шуми, не надо.

Анна наклонилась над детьми. Так и есть. Мокрые. Брезгливо отдёрнула руку. Но лишь на миг. Потом потянула мокрую рубашку с Манечки.

- Потерпи, детка, сейчас я тебе помогу.

Теперь, преодолев невидимый барьер с Ольгой, с детьми было легче. Анна поняла, что сможет. Что многое сможет. А руки после помоет. Вот и всё.

- Что это?

Это было похоже на удар. Только внутренний, невидимый

для посторонних. Сердце застучало где-то в горле. На миг Анне показалось…

Нет, показалось. Но как странно. На том же самом месте, где у её ребёнка было родимое пятнышко, у Маняши тоже темнело пятнышко. Только уродливое. Шрам.

И у Глаи.

- Разве так бывает? Что за странное совпадение?

Анна вспомнила недавний разговор со Стешей. Та утверждала, что одна из девочек родилась накануне Николы, вторая после.

Несмотря на глупость этого утверждения, Анна тогда отметила совпадение. Свою девочку она родила тоже перед праздником Николая Угодника.

- Сте-ешка! – пронзительный вопль заставил девушку вздрогнуть.

Фетимья, похоже, вернулась раньше времени.

Дети почувствовали напряжение Анны, скривили губки, поглядели друг на друга, словно совещаясь – что дальше, а потом заплакали громко и обиженно.

Над забором показалась голова соседки.

- А… Вот они, - теперь Фетимья говорила елейным голосом, что ей не шло. – А где Стешка? – зыркнула глазами по сторонам.

- А Стеша сейчас придёт… Они с Марусей побежали… туда…

Анна растерянно замолчала.

- Ну я ей побегаю. Пущай только вернётся. Она у меня нынче отведает хворостины! Всё никак не набегается. Давай детей.

Последнее относилось уже к Анне.

Детей отдавать не хотелось.

Она же мать! - ужаснулась своего нежелания Анна. Передала через забор сначала Глаю, потом Маню.

- Стеша скоро придёт… Они с Марусей ненадолго…

Анна не знала, как ей защитить загулявшихся девочек.

Недовольная Фетимья скрылась за забором.

Анна закусила губу. Действительно, где девочки?

- Ольга, пойдём… - снова взяла Ольгу за руку, потянула. – Пойдём…

Вышли за калитку. Анна оглянулась – куда? Повернула к околице.

- Пройдём немного по лугу, посмотрим девочек. Надо Стешу предупредить… Поторопить.

Навстречу ехала бричка. В ней сидели две женщины. Барыня с дочкой.

Анна до того расстроилась, что не догадалась отвернуться. Укрыться же как-то понадёжней от посторонних взглядов было негде.

Но, кажется, напрасно она беспокоилась. Барыня даже не взглянула в их с Ольгой сторону. Крестьянские девушки её не интересовали.

Но с молодой красивой барышней Анна встретилась гла-

зами. И они словно зацепились взглядами. Долго-долго не могли оторваться друг от друга. Пока кони не укатили бричку дальше по дороге.

Так подружки детства – Анна Нуварицкая и Машенька Ревановская встретились после многолетней разлуки.

Узнали ли друг друга?

Глава 92 Этим же днём чуть ранее

- Смотри, сосна двойная… Ствол внизу разделяется, и кажется, что две растут. А? Нам эта нужна?

Стеша придирчиво оглядела указанное Марусей дерево.

- Похоже… Только, по-моему, мы ещё до колдыбани не дошли.

Девочки растерянно оглянулись, ища более правильный ориентир. Но другие сосны были без всяких сюрпризов, стройными свечками тянулись ввысь.

- Ну, пойдём тогда сюда, - согласилась неуверенно Стеша, и девочки свернули с дороги в чащу.

- Надо только побыстрее, - заторопила Маруся нахмуренную подружку. Та всё ещё сомневалась и вертела головой.

- Да, - согласилась Стеша и быстрее зашагала по лесной подстилке. – Анна, хоть и большая, а с детьми боится оставаться.

- Потому что барышни с детьми никогда не сидят.

- Знаю. Даже когда у них свои родятся, они их отдают всяким кормилицам.

- Всегда?

- Всегда. У них так положено – хочешь или не хочешь, а отдай.

- Ужас… Смотри, лисички!

- Какие лисички? Спешить надо.

- Это я так.

- А мы не будем к … «ней» заходить? – Стеша не смогла упомянуть яснее ведьму поблизости от её логова.

Но Маруся поняла.

– Нет. Мы только найдём её хибару. И бегом назад. Потому что надо сначала придумать, что говорить.

- А она не заколдует нас?

- Бабушка Нюра учила, что если плохого не говорить и не делать, то тогда никто никого не сможет заколдовать.

Стеша помолчала. Потом робко спросила:

- А думать считается? Я про мамку плохо думала… Когда она меня хворостиной хлестала.

Маруся промолчала. Потому что, по её мнению, думать плохо - тоже считается.

- Я тоже, - тихо добавила и она. - Про Сергея Дмитриевича.

- Про своего бывшего хозяина?

- Да… Но он мне ничего плохого не делал.

- А кому делал?

- Он… как будто любил Лидию Ивановну… Как будто ласково с ней разговаривал, а сам…

- Что сам?

- Он иной раз так зло на неё смотрел. Когда она спиной поворачивалась… Даже мне страшно становилось… Словно хотел ударить… У него глаза какие-то становились… Как будто уже не его…

- Ну так все ругаются. Мои мамка и тятька тоже ругаются. И глазами сверкают…

- Нет… Ты не поняла. Они не ругаются… Тут… Как бы объяснить? Как будто Сергей Дмитриевич притворяется, что любит её. Изо всех сил притворяется… Хотя… иногда и любит. Но и ненавидит тоже.

Стеша в недоумении взглянула на подружку. Ничего не поняла.

- У бар всё набекрень, - скривила в насмешке рот. – То детей кому попало отдают, то не могут понять, любят они или не любят.

- А ещё я видела…

- Что?

Но Марусе вдруг расхотелось вспоминать.

- А! – махнула рукой. – Ничего. Тем более, я могла напутать.

- А мы не заблудимся? – оглянулась Стеша.

Маруся встревожилась. Это было бы совсем скверно.

- Смотри! Следы. Это лосиные?

- Не-е, лошадиные. Видишь, подковы?

- И ещё одни.

- Смотри, много.

- Теперь не заблудимся… Да? Если следы…

- Только вот куда они ведут? Не думаю, что к «ней».

- Почему?

- Потому что к «ней» табуном не ездят. К «ней» по одному

ходят. Ну, или по двое, как мы.

- Тише…

Впереди послышались мужские голоса. Потянуло дымком.

Девочки остановились. С трудом переборолись желание бежать назад.

Стали осторожно пробираться дальше, укрываясь за широкими стволами.

Вскоре за зелёными листьями открылась небольшая поляна. Перед костром сидели два мужика, чинили какие-то уздечки.

- …Вернётся Чума, и надо брать… Девку-то. А то опять потеряем…

- Да что-то задерживаются. Не случилось бы чего.

- Чур на тебя! Беду накличешь!

- Да что я? Я ничего… Говорю, скоро должны возвернуться… Я нынче опять будто плач слышал…

- Любуша… Больше некому. Мне самому по ночам не по себе…

- Так страшно одним… Быстрей бы уже Чума возвращался…

Маруся кивком головы показала Стеше, что надо уходить. И девочки сделали шаг назад. Потом другой. И вскоре побежали в обратную сторону.

- Я, кажется, знаю, кто это. – Только когда снова выбрались на дорогу, Маруся, едва отдышавшись, рискнула заго-

ворить.

- Кто?

- Помнишь, я рассказывала про разбойников?

- Которые Ксеню украли?

- Да.

- Которые клад ищут?

- Да…

- Это теперь, значит, они в нашем лесу прячутся… А кто плачет?

- Я не поняла. Пошли домой.

- А к «ней»?

- К ней надо сначала получше узнать дорогу.

Глава 93

- Доктор, что вы сегодня скажете? – казалось, Лидия была спокойна. Но глаза выдавали. Глаза застыли в ожидании. Глаза выражали отчаянную надежду и страх услышать в ответ недоброе.

Иван Алексеевич задумался. Что сказать? Взглянул мельком на Лидию. Нет… пока повременит откровенничать о своих подозрениях. Слишком много бед свалилось на эту женщину, нужно поостеречься, чтобы не навредить ей… ещё больше.

- Лидия Ивановна, покажет время… Сейчас можно только верить и ждать, что детский организм выдержит.

- Но ей, кажется, лучше? Она уже не такая горячая. Да и сознание… Может, конечно, не совсем ещё вернулось, но уже…

Лидия попыталась указать доктору на признаки начинающегося выздоровления.

И нельзя сказать, что их вовсе не было. Иван Алексеевич задумчиво посмотрел на девочку…

За последние несколько дней доктор в поместье господина Протасова, где уже несколько лет жил и работал, возвращался лишь несколько раз и на короткое время – нужно было осмотреть своих больных. Но там всё было относительно благополучно, в случае непредвиденной ситуации сельская

знахарка должна была справиться.

Самому же пришлось перебираться от одного соседа к другому.

Сначала Василий Егорович настоял, чтобы доктор переселился к его другу. Александр Андреевич и теперь ещё не выздоровел, но страшная опасность миновала, и тут доктора позвали к больной девочке Чарудановых. Он снова поменял дом.

Лидия Ивановна за те несколько дней после их встречи изменилась. Тогда она опасалась за свой рассудок, теперь им вместе приходилось опасаться за жизнь её ребёнка.

Маленькая дочь Лидии Ивановны настолько тяжело заболела, что у Ивана Алексеевича появилась неуверенность – справится ли он?

Созвали консилиум. Расстроенный Сергей Дмитриевич сам ездил за врачами в город. Но совет докторов мало что добавил к тому, что Иван Алексеевич и сам знал.

Горячка. Воспалён головной мозг. И что из этого последует – большой вопрос.

Приезжие лекари одобрили начатое лечение, пожали плечами – очень многое было не во власти человека, уехали.

А Иван Алексеевич продолжил пытаться что-то сделать.

Они с Лидией по очереди сидели у постели больной. Иногда их сменял Сергей Дмитриевич.

Девочка немного пришла в себя. Она была в сознании, но сознание было неустойчивое и часто искажённое. Она бре-

дила, страдала видениями.

И Иван Алексеевич чувствовал страх бедной матери не только за жизнь малышки, но и за её рассудок.

- Огонёк… Нет, это бабочка… Это бабочка спряталась в свече и теперь пытается вырваться. Мамочка, помоги ей… Помоги. Её ножки прилипли к воску, - слёзы градом покатились по щекам девочки, и Лидия не могла сообразить, как быть.

Сообразил Иван Алексеевич. Он попросил принести раму для картины, вставил в неё белую ткань и отгородил свечу от девочки. Она перестала плакать о бабочке. А когда спустя время вновь глянула на огонёк, бабочка ей уже перестала мерещиться.

- Папочка, сгони его с плеча… Зачем ты разрешаешь ему у себя сидеть? Прогони… Он страшный, - плакала она несколько минут назад, когда отец наклонился, чтобы поцеловать дочь в щёку.

Сергей Дмитриевич так и не поцеловал. Девочка всё громче кричала от страха и пыталась спрятаться под одеяло.

- Могло ли на ребёнка повлиять наше недоброе наследство? – Лидия взглянула на доктора. И в её взгляде была бесконечная печаль.

Доктор не сразу догадался, о каком наследстве речь. Потом сообразил.

- Я не видел недоброго наследства. По материнской линии его нет. По крайней мере, у ближайших родственниц.

Но Лидию ответ не удовлетворил. И болезнь девочки подтверждала, что есть у них в роду печать безумия. Кто-то несёт её. Передаёт своим потомкам.

Вина… Страшная вина не давала свободно вздохнуть. Кто стал причиной страдания дочери? Она?

Как с этим жить?

Иван Алексеевич догадывался, что терзает молодую женщину. Но как переубедить её – не знал.

Глава 94

Маша подняла глаза от книги.

- Маменька, отчего я не могу узнать, где сейчас Анна Нуварицкая?

- Что значит, ты не можешь узнать?

- Я спрашивала у Екатерины, у Дарьи Васильевны, даже у Георгия Лукича, но они как-то странно смущаются. Говорят, что у родственников, и никаких подробностей. Но я ведь не из праздного любопытства интересуюсь. Анна моя подруга, мне хочется её увидеть. Или хотя бы написать ей.

- Хм… Думаю, тебе показалось, дорогая.

Маша снова опустила глаза на страницы.

Ревановские коротали вечер в гостиной. Маменька за шитьём, Машенька за чтением.

Но буквы привычно складывались в слова, слова сплетались в предложения, а смысл прочитанного никак не улавливался. Мысли Маши были далеки от главной героини, хотя страдания той Элиза Хейвуд весьма красочно описала в своём романе.

Показалось… А что тут может показаться, когда ей не удаётся получить прямой ответ на прямой вопрос?

Что в действительности ей показалось, так это то, что она навязчива со своим желанием узнать про подругу. Что Нува-

рицкие её стали тихо ненавидеть. Ей показалось, что её подруга попала в беду.

Ей показался странным рассказ Кати о неудавшейся попытке сестры сбежать под венец. Разве такие вещи выносятся на суд общества? Разве в присутствии постороннего мужчины об этом говорят?

Ей уже крестьянка показалась похожей на подругу детства. И это действительно странно.

А то, что Нуварицкие не хотят говорить об Анне – это ей не показалось. Маменька тут не права.

- Хорошо, дорогая, - госпожа Ревановская всё это время наблюдала за дочерью и видела её хмурую задумчивость. – Я завтра сама спрошу.

Немного погодя Машенька, лёжа в постели, вспоминала встречу с деревенскими девушками.

Конечно, она слышала о невероятной красоте некоторых из них. Но…

Что-то в тех фигурах было тонкое, хрупкое, некрестьянское…

А впрочем, много ли она понимает в крестьянках?

Но та… в голубом сарафане… Она так напомнила Анну… И ведь девушка тоже пристально смотрела на неё. Словно они узнали друг друга. Только где могли встречаться? В каком сне?

И Машеньке захотелось снова взглянуть на ту девушку.

- Дорогая Дарья Васильевна, - заявила следующим вечером на званном ужине госпожа Ревановская, вспомнив о своём обещании. – Где же проводит сезон ваша младшая красавица-дочь? Увидим ли мы её нынешним летом? Машенька очень грустит по своей подруге.

Дарья Васильевна чуть приподняла подбородок.

- Очень надеюсь, что у неё останется время заглянуть сюда. Но в данный момент она с тётушкой за границей. Сейчас путешествуют по Франции. Уверена, что она тоже соскучилась по Машеньке. В следующем своём письме к ней я непременно упомяну это.

Госпожа Ревановская кивнула головой, полностью удовлетворённая ответом. Если бы Машенька глядела в этот момент на Дарью Васильевну, она бы, может быть, тоже поверила. Но Маша смотрела на Екатерину. И видела, как та смутилась. И ещё Маша прекрасно помнила, как Катя утверждала, что Анна гостит у родственников в каком-то поместье. Речи о Европе не было совсем.

«Врут!» - девушка ужаснулась. Обвела взглядом собравшихся.

На некоторое время её накрыла неприятная волна нереальности происходящего. Словно наблюдала за собой и другими со стороны. Словно чуть вышла за невидимый круг компании. Словно шагнула в потусторонний мир.

Ощущение было коротким и отвратительным.

«Кажется, одна лишь я догадываюсь, что с Анной случи-

лась беда…».

Глава 95

- Митька, пойдём что скажу, - Маруся потянула мальчика за рубаху.

- Ну? – далеко не пошёл, затормозил между грядками репы и капусты.

- Понимаешь, Митька… Ты только не откажи… И бабуле не говори… Обещай, что поможешь…

- Ну?

- Мне нужно…

- Да говори ты уже!

- Я нашла Танюшу.

- Какую Танюшу? А… понял.

- Оказываются, они совсем неподалёку живут. Как идти в Зелёный Кут, так посреди дороги их село. Я узнала…

- И что?

- Митька, мне надо сходить к ней.

- Ты же хозяина боишься.

- Так тайком от хозяина.

- Как это?

- Ночью. Я знаю, где окно Таниной комнаты. Мы прошлым летом там вместе спали. Она в своей кровати, я в другой. Возле двери. Я знаю, как окно можно открыть снаружи. Мы с ней лазали через окно, когда мадмуазель не видела. Понял?

- Нет.

- Ну что тут непонятного? Я к ней залезу, разбужу, скажу, что у меня всё хорошо. Попрошу, чтобы она у Лидии Ивановны спросила, куда мне бумаги девать. Понял?

- Понял. А если застукают?

- Не застукают. Я осторожненько. А если попадусь, ты беги, а мне ничего не будет.

- А мне что делать, пока ты в окна будешь лазить?

- А ты возле забора жди.

Митька задумался.

- Ладно… Можно попробовать. Заодно разузнай, для чего тебя урядники искали.

Митька не стал говорить, что недавно опять их видел, ехали на бричке по дороге. Может, по другим, конечно, делам. Но те же, от которых они с Марусей по лесу убегали.

- Сегодня пойдём?

- Да, как темнеть начнёт.

- А бабуле что скажем?

На этот раз Митька задумался крепче.

- А бабуле завтра скажем. А то она волноваться будем. А сегодня скажи, что к девкам на чердак полезешь.

- А девкам?

- А девкам ничего не говори. Они подумают, что ты в хате ночуешь.

- Тогда надо, когда все разойдутся спать.

На ночлег расходились по-разному.

Бабка с Ксеней сразу после ужина. Им вставать ещё до солнца, раньше петухов. Вот бабуля повечеряв тем, что Маруся за день наготовила, лезла на печку, там пошептав молитвы, скоро затихала. Ксеня зевала ещё за столом. Потом уходила на чердак.

Ольгу чуть позже укладывала Маруся на лежанку. Правда, в последнее время Анна укладывала. Она почти полностью взяла заботу об Ольге на себя. Освободила и без того всегда занятую бабулю и не слишком занятую Марусю.

Анна ложилась позже других. Поднималась на сеновал к Ксене, но ещё долго сидела у открытой дверцы чердака, смотрела на угасающее небо, на первые звёзды. Маруся частенько к ней приходила, сидела рядом. И они тихо разговаривали.

Но не сегодня.

Когда последний солнечный луч догорел на горизонте, Маруся и Митька были уже в пути.

Глава 96

- Наконец в своём собственном доме я могу хоть пару дней чувствовать себя свободно. До чего же этот тип мерзкий, - Сергей Дмитриевич уселся в кресло, вытянул длинные ноги.

АлександраИльинична с интересом взглянула на любовника. Не часто он показывал истинные чувства.

- Вы о докторе? Разве он уехал?

- Убрался восвояси. Так будет точнее.

- Танечке лучше?

- Кажется, да. Но убрался он ещё и по другой причине. Если не путаю, какая-то крестьянка не может разродиться. А впрочем, я не очень вникал. Но пару дней его точно не будет. И я смогу вздохнуть полной грудью. Вам не кажется, что в его присутствии даже в самом воздухе витает… как бы точнее определить?.. что-то мерзкое.

Александра удивилась.

- Мне ещё раньше показалось, что вы недолюбливаете Ивана Алексеевича, но теперь поняла, насколько я недооценила ваше чувство.

- Омерзительный хлыщ.

- Хлыщ? Уж не ревнуете ли вы?

Но Сергей Дмитриевич уже взял себя в руки.

- Разумеется, нет. И мои, может быть, излишние душевные волнения – следствие того облегчения, которое я испы-

тываю, вновь оказавшись единовластным хозяином дома. А потому, моя дорогая, вы должны сегодня восполнить всё то, что я недополучил, пока рядом шатался этот докторишка.

- А Лидия?

- Ожидал этот вопрос. Лидия будет спать. Она тоже безмерно устала за это время.

- Ты в темноте дорогу найдёшь? – шепнул Митька.

Ему было страшно отпускать Марусю одну в помещичий сад. Даже, если этот сад не совсем чужой для неё.

И только что ещё в голову пришло. Если Маруся крепостная, а скорее всего это так – какая же ещё? - то её могут больше никуда не отпустить. Если попадётся на глаза своему хозяину, она будет в его власти.

Но бойся – не бойся, а жизнь – она такая штука, что, если нужно идти навстречу страху, сцепи зубы и иди.

- Найду… Вон, видишь, чуть светится окошко?

- А сторож? Или садовник? Вдруг здесь кто-то караулит?

- Может, и караулит. Только я тихо, как мышка.

- Ну давай, - с неохотой согласился Митька.

Маруся робко двинулась от забора. Ей тоже было не по себе. Вспомнилась ещё более страшная ночь, когда Лидия Ивановна сунула ей за пазуху бумаги, открыла окно и велела бежать.

А ведь окно было на втором этаже. И карниз, на который она ступила, и все выступы в стене, за которые цеплялась

руками, были мокрыми и скользкими. А молнии сверкали, и гром грохотал так, словно они вместе хотели её сбросить вниз.

Но это там, в городе.

Здесь другое окно. Гораздо ниже. И другие выступы. Долго стоять на них неудобно, но прошлым летом девочки часто поддерживали друг друга.

Теперь Маруся одна. Забралась на выступ, прижалась животом к стене и стала пальчиками свободной руки быстро передвигаться вдоль деревянной рамы. Где-то тут должен быть гнутый гвоздик. Его нужно чуть сдвинуть, и тогда окно можно открыть снаружи. Это был для девочек короткий путь из сада в детскую комнату. И обратно. Когда мадмуазель не видела.

Если, конечно, окно изнутри не было заперто на крючок. Но мадмуазель его редко запирала.

Под пальцы ничего не попадалось. Маруся почувствовала разочарование – неужели за год здесь всё изменилось? Может, Танюша теперь не лазит в окно? Может, гвоздик кто-то вытащил? Тогда придётся тихо стучать.

Вот он! Маруся, оказывается, двигалась не по той деревяшке.

Девочка потянула за выпирающую часть рамы. Это был самый сложный момент. Пальцы гнулись и, казалось, вот-вот переломаются напополам.

Рама скрипнула и поддалась. Всё… Теперь можно лезть.

И главная проблема впереди – не запутаться в шторе.

Через минуту Маруся оглядывала комнату. Всё, как и год назад.

Танечка спала. Комната слабо освещалась лампадой. Больше никого.

Маруся тихо подошла к изголовью. Сердечко застучало сильно-сильно от предвкушения обоюдной радости.

- Эй, - потрясла за плечо. - Таня, я пришла.

Девочка открыла глаза. Долго смотрела, не узнавая. Испуга и удивления не было.

«Никак не проснётся», - догадалась Маруся, и щербатая улыбка сама собой расползлась чуть ли не до ушей.

- Маруся?

- Ну, а кто ещё?

Танюша села в кровати.

- Ты пришла? Откуда?

- Ой, я тебе сейчас всё-всё расскажу.

- Нет… - Таня заплакала. – Сначала я тебя обниму. Лезь ко мне.

- Я в лаптях. Пока размотаю…

Но Таня уже обхватила подружку за шею и тянула к себе на кровать.

- Это правда ты? Ты больше не уйдёшь? Ты будешь жить со мной?

Только теперь Маруся разглядела, насколько Таня похудела. Она выглядела слабой и больной. И теперь её руки скоро

ослабли, соскользнули с Марусиной шеи, и она без сил откинулась на подушки.

- Ты болеешь?

- Кажется, да.

- Ты простудилась?

- Не знаю… Мир…

- Что мир?

- Он сломался… Нет, я понимаю, что он остался таким же, как был. Он сломался в моей голове. Или моя голова сломалась.

- Как это?

- Не знаю… как объяснить… Я смотрю, а все ненастоящие… Как… куклы… Они притворяются…

- И я ненастоящая? – глаза Маруси так широко распахнулись в изумлении, что Таня усмехнулась.

- Где ты была?

- О-о-о, где я только не была… Сначала я долго бежала под дождём. Потом наступило утро, и я шла и шла. Я боялась вернуться. Твоя матушка сказала, чтобы я унесла бумаги, а куда не сказала. Я поняла, что нужно, чтобы твой отец их не отобрал.

- Зачем? – теперь Таня распахнула свои глаза.

Но Маруся пожала плечами.

- Ты спроси у Лидии Ивановны, что мне с ними дальше делать.

- Хорошо… А ты? Как ты жила?

- Сначала мир тоже сломался.

- И у тебя? – Таня вновь поднялась в своей постели. – И у тебя также было? Как будто всё серое… Как будто ты видишь только кусочек под носом, - Таня не могла объяснить своё состояние, ей не хватало слов. Она не знала таких слов. Но невероятное облегчение хлынуло в душу, вытесняя остатки дурной болезни.

Оказывается, она не одна такая. Оказывается, бывает так и у других.

- Уж можешь мне поверить. – Маруся так энергично кивнула головой, что клацнула зубами. – Ой, я, кажется, язык прикусила.

Таня тихонько захихикала.

- Я таких людей видела! - продолжила Маруся. - О-о-о! И не сразу поймёшь, то ли настоящие они, то ли не пойми какие.

Девочка с жадностью смотрела на подругу.

- Рассказывай.

- Я к тебе другой раз приду… Сейчас долго не могу. Там меня Митька ждёт.

- А Митька – это кто?

- Я же нашла и бабушку, и Митьку. Он наш ровесник. Я тебя с ним познакомлю. Ты выздоравливай быстрее, и мы где-нибудь встретимся.

- А когда ты ещё придёшь? Завтра?

- Завтра не смогу. Мне ещё надо расколдовать одну деви-

цу.

- Что-о?

- Знаешь, какая красивая! – Маруся закатила глаза, демонстрируя невероятный восторг.

Танюша в изумлении глядела на подружку. Оказывается, у неё жизнь полна приключений. А она тут в постели валяется.

- Ты главное знай, что я к тебе обязательно вернусь.

- Обещаешь?

- Обещаю. И спроси ещё у своей матушки, почему меня ищут урядники.

- Тебя? А-а-а, кажется, знаю. У нас есть один родственник, такой важный и сердитый, генерал какой-то. Мамочка его попросила, чтобы он тебя отыскал. Вот он и приказал, наверное, своим урядникам.

- Понятно… Значит, мне можно их не бояться?

- Наверное…

- Гм… Но всё равно, лучше держаться от них подальше. А то ещё потащат к генералу. А оно мне надо?

Таня снова тихонько засмеялась.

- Мне пора…

Маруся крепко обняла Таню за шею и пошла к окну.

Вернулась, вынула красную ленточку из косы.

- На… А то подумаешь, что я тебе приснилась, - и снова щербатая улыбка озарила лицо.

Таня смотрела, как скрылась её подружка за шторой, как

та долго колыхалась. Слушала, как Маруся кряхтела, как скрипнуло окно.

Всё…

Та же комната. Те же цветочки на стенах. Тот же шкаф в углу…

Словно почудилось. Только ленточка в руке подтверждала, что Маруся жива-невредима и только что была у неё в гостях.

А в груди медленно разливалась непривычная лёгкость…

Глава 97

Ксеня и Анна медленно брели по лесу. Соседи сказали, лисички пошли, люди плетушками носят, а у Ксени как раз выдался праздный день. Вот девушки и воспользовались им.

- Найдём ли только? – переживала Ксеня ещё дома. – Люди-то места знают, а мы?

Маруся услышала, открыла рот, чтобы подсказать, где она лисички видела, а потом закрыла. Подсказала другое.

- Вы только к колдыбани не ходите. Там ведьма.

- А где эта колдыбань?

Маруся объяснила, как могла. Девушки и пошли. Правда, по дороге забыли Марусины напутствия, шли, куда лесная дорога вела, за разговором чуть про грибы не забыли.

- …Ты так и ходила всю жизнь? А маленькая?

- Совсем маленькую я себя не помню. А постарше ходила… Смутно, правда, припоминаю… То одна, то с людьми, то жила у кого-то, то снова брела.

Анне жутко было представить такую жизнь.

Вспомнилась мать, отец, сестра.

С Катей они в детстве дружные были. Лишь в последние годы отдаляться стали. Началось после того, как вернулись домой из Петербурга. Сестра стала злой.

Анна пыталась пробиться через эту злость к прежней Кате, но так и не смогла. Решила, что прежней Кати уже нет.

Мать… Анна вздохнула.

- У меня всё было… И тёплая постель, и заботливая мать, и незлой отец. Но судьба завела меня в вашу кособокую хату, и только в ней, кажется, стала жить, дышать, радоваться. Отчего так?

Ксеня мельком глянула на спутницу, хотела что-то сказать, да передумала.

- Надо как-то матери весточку послать, что жива… - Анна только теперь осознала, что дома, может, не так весело, как ей. Что родители и сестра переживают.

И снова подивилась своей чёрствости. Как такая простая мысль не приходила ей в голову раньше?

- А как ты пошлёшь?

- Можно записку написать… Митька подбросит как-нибудь? Да? Или передаст. Сможет?

- Митька всё сможет…

- Вот вернёмся, поговорю с Митькой. Вместе сходим, я подожду где-нибудь…

- Могу и я передать. Чего там?

- Ладно… Дома подумаем… Но ты в этих вечных дорогах… Всегда одна… Бесконечное одиночество… - вернулась Анна к первоначальной теме.

- Что ты! Вовсе не одна… Со мной было небо, облака, птицы, цветы…

Анна в изумлении покачала головой.

- Я могу понять летом, а зимой?

- А зимой по-разному… Иногда смотрела на сверкающий нетронутый снег и ждала, что вот-вот появится он…

- Кто?

Ксеня смутилась, не сразу продолжила.

- Мне всё представлялось, что однажды выбежит мне навстречу золотой конь с гривой до земли, встанет передо мной и будет моим другом навеки. Я вскачу ему на спину, и умчимся мы в дальние края, в тёплые земли, где всегда лето…

Ксеня окончательно смешалась от собственной дури, посмотрела пытливо на Анну, не смеётся ли она.

А Анна отвернулась. Ей не хотелось, чтобы девушка видела, как она едва сдерживает слёзы.

Ксеня сама засмеялась, чтобы скрыть смущение.

- Но он так и не прибежал… А чего я ждала? Ездить верхом всё равно не умею.

Анна продолжала молчать.

- А на ночь зарывалась в стог, в солому. Она хорошо согревала… Когда не было морозов. Доставала душу-птицу, и она мне пела… пела… А вьюга вокруг пела, пела…

- Душу-птицу?

- Хочешь, покажу?

Девушки уселись в траву. Ксеня вынула из-за пазухи свою драгоценную вещь.

- Я её так-то с собой не каждый день ношу, - смутилась она. Не захотела, чтобы Анна догадалась, что сегодня её спе-

циально захватила показать.

- Автоматон, - узнала Анна.

- Как ты сказала? – испугалась Ксеня.

- У меня другая была… Дорога вещь… Заводи.

Вскоре печальная мелодия заставила девушек замереть.

- «Сарабанда» господина Генделя, - улыбнулась Анна.

- Что ты сказала?

- Эта мелодия способна ввергнуть мою душу в меланхолию.

- Да? И Ольге это тоже слушать нельзя.

- Почему?

- Ой, что с ней было прошлый раз! Она так плакала, так плакала, просто сердце разрывалось, на неё глядючи.

- Да? Может, она эту мелодию раньше слышала?

- Наверное…

Анна хмуро уставилась перед собой. В голове вертелась какая-то смутная догадка. Что-то важное… Но она никак не могла сообразить.

- Вот тут что-то нарисовано, - Ксеня вопросительно поглядела на Анну.

Та взяла в руки «душу-птицу», взглянула на донышко.

- Тут имя… А где ты её взяла?

Ксеня пожала плечами.

- Всегда со мной была… Только ты не подумай, что я украла.

- Даже в мыслях не было.

Ксеня пытливо заглянула в глаза Анны, поискала в них ответ, вздохнула легко, с улыбкой. Всё-таки приятно, когда в твоей честности не сомневаются.

- Слушай! – воскликнула Анна. - Может, вас поучить читать? А? Тебя, Митьку, Марусю, может, бабуля согласится.

- Да ну! У нас не получится. Может, только у Митьки. У меня точно нет.

- Вот ещё глупости какие. У всех получится.

- Ну, поучи… тогда…

- Сегодня же вечером начнём. Ксеня, а знаешь, что ты по ночам иногда разговариваешь? Так странно… Вчера вечером тоже…

И на Анну распахнулись страшно перепуганные глаза Ксени.

- Не знаю…

Но судя по испугу, кое-что она знала.

- Почему тебя это испугало?

- Я не виновата… что я там бормочу…

- Конечно, не виновата. Разве тебя кто-то винил?

- Винил… Могли и палками побить… А что я вчера говорила?

Анна хмуро глянула в напряжённое лицо Ксени, отвернулась.

- Не помню…

- Я не хотела… Я постараюсь дальше молчать… Я и так стараюсь подождать, пока ты заснёшь, но иногда не выдер-

живаю. Тот раз про хату сказала, что она сгорит, хата и сгорела. Но я не хотела… Я буду рот завязывать.

Анна знала, что такое вина. Знала, как её острые зубки способны день за днём изглодать душу. Она ринулась на защиту девушки.

- Ксеня! Разум в скором времени будет способен объяснить такие непривычные вещи, которые происходят с тобой. Граница между естественным и сверхъестественным будет преодолена, учёные мужи расскажут всё об устройстве мира. Ну, почти всё. Может… может, ты как-то чувствуешь больше, чем другие люди. Были же всякие предсказатели. И они ни в чём не виноваты. Наоборот, ценились всеми. Поняла?

«Некоторых из них сожгли на костре…».

- Правда, будет лучше, если другие об этом будут меньше знать, - добавила она совсем тихо. – Ведь не все из нас – учёные мужи.

Ксеня толком ничего не поняла из такой замысловатой речи, но сообразила, что Анна её никак не осуждает. Повеселела.

- Но я всё равно буду завязывать рот.

- Со мной можешь не завязывать. А вот когда с чужими…

- Что же мы с тобой сидим? Солнце вон как высоко! А мы ещё ни одного грибочка не нашли.

- Сейчас… Лапоть развязался…

Неподалёку в чаще сидели трое лохматых мужиков.

- Она… Точно она.

- Будем брать… А со второй что делать?

- Кулёша[1], второй займёшься ты. Упокоишь… Нам послух[2] не нужен. Понял?

- А чего я?

- Упустишь – пеняй на себя. Чума все твои кишки по кустам развесит…

Ксеня вдруг оглянулась на разувшуюся Анну. Нахмурилась… Насторожилась…

- Ты… здесь побудь… Я одна… Я посмотрю грибы и вернусь… Не ходи за мной… Я быстро…

Анна с некоторым удивлением посмотрела на Ксеню. Что с ней?

- Ну посмотри. Может, там грибов нет. А я пока тут с онучами разберусь.

---

[1] Кулёша – персонаж книги «Не плачь, моя белая птица». Крепостной, бывший «липовый» помещик, вместе с братом занимался разбоем, теперь в бегах.

[2] Послух – свидетель (устар.)

Глава 98

Кулёша неслышно подошёл к девке сзади. Ну как неслышно? Сук какой-то треснул, одежда тёрлась – шуршала, сердце стучало, как дятел. Но раз девка не оглянулась, значит, можно считать, что неслышно.

В руках толстый сук. Нож он не переносил. От ножа у него случалась тошнота и дрожание пальцев. А ещё от крови кружилась голова, но об этом уж лучше даже брату Ваське не знать. Про остальных дружков-лиходеев и говорить нечего.

Зачем он с дураками связался? Разве это жизнь? Это какая-то лихоманка, а не жизнь. И уйти никуда нельзя. И девку оставить в живых тоже нельзя.

Кулёша почувствовал, что покрылся липким противным потом. Тошнотворная волна прошлась по внутренностям и ослабила организм.

В своей жизни он ещё никого не убивал. Как-то удавалось выкрутиться. А теперь? Что Бугор про кишки на кустах говорил?

«Эх, и зачем ты меня, мамка, на свет родила!»

В кустах что-то затрещало, раздался короткий девичий крик, а потом шум, топот удаляющихся ног и невнятные вопли.

Девка подняла голову.

Кулёша воспринял это как руководство к действию и раз-

махнулся.

Рука получила сразу два сигнала – лихорадочный приказ ударить и переполошную команду затормозить. Вдогонку отправилось ещё запоздалое напутствие увести сук от столкновения.

Рука послушно выполнила все указания. Как смогла.

Анна упала в траву.

- Убил… - сук у Кулёши упал рядом с девкой. Сам же он едва держался, чтобы не свалиться туда же.

Лиходей глядел на бледную, молодую, красивую… Эх, жить бы ещё да жить! И не мог поверить в реальность происходящего. Это он? Только что стал душегубом?

Зачем?

Только теперь сообразил, что её смерть не имела никакого значения. Она ведь ничего не успела заметить. И дружки сбежали с добычей. Откуда бы им узнать, что он не тронул девку? Он бы им набрехал, сказал бы, что убил и закопал. Что они? Проверять бы стали?

А теперь? Закапывать?

Ноги Кулёши отказались держать хозяина, и он, наконец, рухнул на колени.

- Мммм… - сказала девка.

«Живая?»

Тёмные густые ресницы затрепетали, и Кулёшу словно ветром сдуло за ближайшую сосну. Оттуда он стал осторожно высматривать что дальше.

Анна открыла глаза…

Солнце… зелень… птичьи трели. Она в лесу?

Вспомнила. Они с Ксеней пошли за лисичками.

Дёрнулась, чтобы встать, и почувствовала боль в затылке.

Подняла голову, провела рукой.

Волосы слипшиеся, влажные.

Ещё до того, как увидела пальцы, догадалась, что это кровь.

- Ксеня…

Вспомнила… Перед тем, как удар обрушился сзади, превращая летний день в беспамятство, Ксеня закричала. На неё кто-то напал. На них напали.

Анна испуганно огляделась. Всё тихо и мирно.

- Ксеня!

С трудом поднялась. Голова страшно закружилась. Затошнило. Несколько минут Анна стояла, привыкая к вертикальному положению, потом сделала неуверенный шаг к кустам, за которыми недавно скрылась подруга.

Бабка уже стала волноваться, что девок долго нет.

- Может, грибов много набрали? – неуверенно предположила Маруся. Но и сама тут же поняла, что это чушь. Было бы много грибов – давно бы вернулись.

- Я пойду… - заявил Митька.

- Куда? – всполошилась Нюра? – Пойдёмте вместе к лесу.

Только вышли из хаты – вот и околица, дальше луг, за ним лес. Дорога петляет.

- Вон они! – завопила радостная Маруся, увидев яркую фигуру вдалеке.

Но фигура была одна.

Бросились навстречу.

Растрёпанная Анна с красными сосульками на голове напугала страшно.

- Не могу найти, - плакала она. – Только душа-птица осталась, - протянула заводную зелёную фигурку.

Глава 99

- Суй её в мешок, ткни по башке… дура… ай… укусила… Куда смотришь, убегит щас.

- Дык… брыкается сильно… Ты гляди, какая… Вот я её усмирю…

Тяжёлый удар в лицо заставил яркими искрами брызнуть свет и рассыпаться осколками.

Ксеня затихла. Может, и к лучшему.

Два заросших, чёрно-седых мужика сунули её в мешок, обвязали сверху верёвками и потянули в глубь леса.

Позже смутно, словно во сне, слышала голоса.

- Задохнётся так-то… Дырок надо понаделать…

- Ну и хрен с ней…

- Как хрен с ней? Так Любуша пока учует… Эта ж её звать должна…

- Звать? А я думал рот кляпом заткнуть…

- Надо у Чумы спросить… Позови его…

- Ага… Она сквозь эти дырки выползет, как тот раз.

- Так маленькие… Из маленьких не выползет…

- Чума, наковырять в бочке дырок?

Очнулась Ксеня не скоро.

Долго моргала в темноту, но темнота осталась непроницаемой.

Вытянула руку и сразу же наткнулась на стену. Пробежалась пальцами – деревянная. Попыталась сгоряча сесть и снова ударилась головой.

Затошнило. Зашуршала руками по сторонам – везде доски.

Ничего не поняла, а сердце уже догадалось, грохнуло в груди тяжело, заколотилось.

Поняла Ксеня. Завизжала страшно, забилась в тесной черноте, заколотила кулаками, зацарапала.

И сразу дышать стало нечем, тяжёлая волна сдавила грудь.

От этого ещё сильнее стала вертеться в своей темнице, разбивая колени, локти, несчастную побитую голову…

Очнулась Ксеня… открыла глаза...

Темно…

Вспомнила.

Но на этот раз огромным усилием воли не шелохнулась.

Снова стала прощупывать всё. Медленно, не пропуская ничего.

Круглое… Бочка? Над головой дно. Дырки в досках… маленькие – мизинец не пролезет. Свет через них не проходит. Снаружи тоже темнота…

Ноги не выпрямляются, там другое дно. Надо его выбить.

Ксеня приподняла ноги, насколько позволило пространство, и с силой ударила.

Дно не шелохнулось. Зато она снова стала задыхаться.

Вспомнила свою уловку, когда в соломе или сене сильно зарывалась, тоже, бывало, воздуха от страха не хватало. Но приспособилась дышать. Длинный выдох – короткий вдох, длинный выдох – короткий вдох… Так становилось легче.

«Воздуха хватает…» - сказала себе. Может, обманула.

Прижала ноги – снова ударила.

Отдых…

Прижала ноги – ударила…

Отдых.

Прижала – ударила.

Дно с треском оторвалось, и на ноги Ксени посыпалась земля.

Всё. Замерла.

Земля сыпалась недолго.

Вскоре в кромешной тьме раздавался лишь очень шумный, со свистом, выдох. И отчаянный жадный вдох…

- Любуша придёт непременно о полночь. Потому как такое её время.

- Нынче?

- Может, и не сегодня. Может, завтра, ай ещё через день. Если она далёко.

- А как же она услышит? Я возле ямы и то ничего не слышу. Вначале ещё пропищала что-то, а теперь… Можа, уже сдохла?

- Да не должна бы так быстро… Может, в беспамят-

стве лежит? Очухается – заревёт. А Любуша почует… Сестра всё-таки. Сядет у ямы и начнёт горевать и звать-величать сестрицу милую. Тут-то к ней и надо сзади подкрасться.

- И что?

- Надо крикнуть – не заробеть, - ты мне клад, а я тебе сестру назад. Она оглянется, сверкнёт глазищами, а ты её ударь железной рукавицей в плечо, она и рассыпется золотыми червонцами.

- Я ударь?

- Ну не ты… Чума, а кто бить будет?

- Что стоишь, качаясь, тонкая рябина,

Головой склоняясь до самого тына.

Дорога длинная-длинная. Хорошо по ней ступать на закате. Песок к вечеру остывает, пальцы проваливаются, нежно обволакивают пылью.

А через дорогу, за рекой широкой

Так же одиноко дуб стоит высокий.

Так и не свидимся мы больше с ромашками. Поднимут они свои головки, будут меня высматривать. А нет уже Ксени на свете… Они есть, меня нет…

Как бы мне, рябине, к дубу перебраться.

Я б тогда не стала гнуться и качаться.

Ещё бы последний разок взглянуть на небушко… Попрощаться… Сколько лет ходили мы с ним вместе, а главное я

ему не сказала…

Тонкими ветвями я б к нему прижалась

И с его листами день и ночь шепталась.

Не надо бояться… Ничего в этом по-настоящему страшного нет… Сколько людей до меня ходили по тем же дорогам… Теперь уж там… Вот и я к ним пойду…

Но нельзя рябине к дубу перебраться,

Знать, ей, сиротине, век одной качаться.

Бабуля искать будет… Маруся плакать. И Митька тоже… украдкой, чтобы никто не видел… Их жалко…

Глава 100

- Эй, мужик, к Логутовке куда сворачивать?

Неказистый мужичок преисполнился важности, расставил пошире ноги в лаптях, сдвинул брови и, немилосердно растягивая слова, стал объяснять.

- Оно… смотря что вам надобно… Ежели вы желаете через Зелёный Кут, то сворачивайте на эту сторону. Как раз доедете… Может, к вечеру… А коли вам надобно побыстрее, то эта дорога через лес аккурат вас вывезет к Логутовке пораньше…

Лихачевский не стал дослушивать мужика, свернул в лес.

- …тока тама лужа… Можете не проехать, ежели не высохла…

Но последние его слова уже никто не услышал.

- Ох, через лес рискованно, - Казалевский беспокойно поглядел по сторонам.

- Чего так?

- Лихие люди – разбойнички пошаливают…

- Приходилось встречаться? – с лёгким интересом оглянулся барон на своего приятеля.

Тот промолчал. Но судя по встревоженным глазкам – приходилось.

- У меня пистолет, - Лихачевский указал на пояс, но Казалевский вздохнул. Пистолет его, по-видимому, не успокоил.

Барон отвернулся. Волков бояться – в лес не ходить. Разбойников бояться – тогда вообще лучше из дома нос не высовывать.

Но Казалевского он не осуждал. В последние дни они совсем измучились. Ехали почти без остановок, правили по очереди. Пока за вожжами сидел один, второй позади на неудобном сиденье пытался хоть чуть вздремнуть.

Немного отдыхали в дорожных трактирах, меняли лошадей на почтовых станциях, и вот, кажется, скоро прибудут.

По дороге Лихачевский осторожно рассказал о девушке, которая поразила его при встрече, про которую он решил, что она та самая пропавшая родственница Казалевского.

- Немая… Во всяком случае, при мне не разговаривала. Как будто не от мира сего… Живёт в лачуге с какой-то бабкой и детьми. Одета по-крестьянски…

Свою спешку объяснил тем, что девушка может куда-нибудь уйти. Но Казалевскому про спешку не надо было объяснять. Он сам торопился. Поэтому не возразил, когда барон свернул в лес, хотя недавно действительно ему случилось встретиться с разбойниками.[1]

Про Валенского барон не стал ничего говорить, хотя думал всю дорогу.

И острая неприязнь поднимала со дна души всю муть, вызывая тошноту и по отношению к себе, и к Валенскому.

Ведь погубит… Легко, играючи, со смехом, без зазрения совести.

И то, что, возможно, эта девушка была благородного происхождения, что у неё есть семья и родственники, что она, в конце концов, богатая наследница, делало Валенского подлецом.

И его заодно. Ведь он точно с таким же вожделением смотрел на неё тогда у озера, точно так же, как и Валенский, желал бы воспользоваться её беззащитностью и красотой.

И ещё одно...

А если она крестьянка? Что тогда? Тогда можно?

Никогда раньше не приходило в голову, что крестьяне – тоже люди. Вот так! Такая простая истина в голову не заходила, гуляла где-то рядом.

Потому что так удобнее жить. Так совесть не мучает, так можно себя холить и ублажать.

Ну какие они люди? Они почти животные, рождённые, чтобы тупо работать. Ну не книжки же читать?

Так думалось совсем недавно.

А теперь себе задал вопрос – а ты когда книгу последний раз в руках держал?

Любая крестьянка рада лечь с барином. А как же? Это ей льстит. Правда, такое слово они не знают, но от этого событие для них не становится менее радостным.

Да?

А он видел, какими глазами Манька смотрела на Валенского. И видел её мужа – того красавца кузнеца. И, положа руку на сердце, он может сказать себе откровенно, что даже

в ажурных манжетах на парадном камзоле Валенский проигрывает кузнецу в его прожжённом кожаном фартуке.

А сколько он слышал историй, когда крепостные нападали на своего барина? Теперь, кажется, он их понимает. И сам бы не прочь набить морду тому же Валенскому… Да и себе…

- Тпру-у, - натянул Лихачевский вожжи. – Кажется, приехали.

- Что такое? - спохватился задремавший было Казалевский. – Ого!

Дорогу преградила огромная лужа. Объехать её не было возможности – кругом деревья и кусты, развернуть дорожную карету… почти невозможно.

- Что делать будем?

- Может, проедем? Мужик-то говорил…

- Но!

Это было ошибкой.

Лошади с первых шагов погрузились чуть ли не по колени, но продолжили шаг.

Карета нырнула следом, но ненадолго.

- Застряли…

- Почему? – по-детски распахнулись круглые глазки Казалевского.

- Кажется, по самые оси. Всё. Приехали. Можете сходить.

И барон первым спрыгнул в лужу.

---

[1] В романе «На исходе земных дорог» упоминается эта

встреча, хотя обе книги почти не связаны между собой.

Глава 101

- Подожди… Не спеши. Расскажи сначала… По порядку… - Нюра чувствовала, что её голова перестала соображать. Пустой гулкий котелок. Никаких мыслей.

Только в груди стало больно.

Как так? Была Ксеня – и нет. Разве так бывает? Разве человек – это иголка, чтобы пропасть без следа?

- Я кричала… Я искала…

- Тихо, деточка… Не плачь… Ты искала, теперь отдохни… Теперь я пойду искать…

- Ба! Это те разбойники! - завопила Маруся. – Мы со Стешей видели их…

- Где? Теперь ты всё расскажи.

Бабка с Митей и девками стояли посреди луговых трав и пытались сообразить – что дальше.

А дальше солнце почти село, наступала ночь.

- Я знаю, как туда идти… Я запомнила дорогу… Они ещё разговаривали… Мы со Стешей слышали. Про какую-то девку… Точно! Про Ксеню! Они её снова украли. Ба, зачем?

- Пойдёмте в хату… Будем думать, как быть.

- Ба, надо сейчас идти в лес.

- Ты в потёмках найдёшь дорогу?

- Можно факелы…

И Маруся сама поняла, что факелы не выход. Факелами

они выдадут себя. Бабуля права. Надо ждать рассвета.

Вернулись домой. Нюра помогла вымыть голову Анне, обвязала волосы чистой тряпкой. Легли все в избе.

- Анна, мы завтра, как только рассветёт, с Митькой и Марусей пойдём. Ты с Ольгой останешься.

- Поняла…

- Береги её.

- По..поняла…

Когда Анна открыла глаза, солнечный луч нашёл вход в избу через маленькое волоковое окно и играл с пылинками.

Анна подняла тяжёлую голову.

Бабули и детей уже не было видно. Неужели ушли? Она и не слышала.

Ольга спала на своей лавке.

«Береги Ольгу!»

- Не переживай, бабушка, - прошептала Анна. Она впервые так тепло, с неясным добрым чувством подумала, по сути, о чужой для неё, старой женщине. – Не переживай, милая… Себя береги. Кто мы без тебя? Рассыпемся, развалимся. А с Ольги я глаз не спущу.

Анна не знала, что жизнь приготовила для неё новое испытание.

Загулявший с вечера Демьян ночь провёл под кустами за деревней. Как раз неподалёку от крайней хаты. Ранняя прохлада разбудила его на рассвете, и первые, кого он увидел

этим утром, были Нюра и дети. Без Ольги.

Он долго провожал их взглядом.

Пошли в лес. Ну пусть идут.

А потом, согнувшись в три погибели, поспешил на барский двор с докладом. Кажется, ему сегодня перепадёт обещанный штоф.

В господский дом его и на порог не пустили.

- Одурел, никак? – намахнулась какой-то тряпкой горничная. – Барин раньше полудня не встаёт. Какое-такое срочное дело? У барина все дела срочные. Иди отседа… проспись…

Раздосадованный Демьян уселся на лавке. Вот и пойми ихнее благородие. То никак не терпится, а то потерпеть нужно до обеда. А к обеду бабка вернётся, и опять всё пропало.

- Пётр Назарыч! - подхватился он, увидев управляющего.

- Ты чего до сих пор не на конюшне? – сдвинул тот хмурые брови.

- Так девка, кажись, одна в хате осталась. Бабка с детьми в лес попёрлась… А то вернутся... А барин почивать до обеда изволит…

Минуту управляющий пытался понять о чём речь, потом соображал, что делать.

- Так… зачем беспокоить барина? Барина в это дело втягивать не след… Барину доложим, когда сами всё управим. Сиди здесь, никуда не уходи. Я сейчас крикну надёжного человека…

Анна через плетень тихо переговаривалась со Стешей. Девочка пыталась вспомнить все подробности.

- Да… так и сказали, что надо девку брать, пока опять не сбежала. Только они, кажется, говорили про какую-то Любушку.

- Понятно… - ничего не поняла Анна.

Стеша едва сдерживала слёзы…

Куда ушла Маруся? К каким разбойникам? Они её убьют… Анну побили, с повязкой на голове ходит, Ксеню погубили, теперь и…

Стеша чувствовала, как в груди всё затряслось от подступающих рыданий.

- Хозяйка! Есть кто дома? – со двора послышался мужской голос.

Анна отступила от плетня, подошла к Ольге. Приготовилась, напряглась.

«Глаз не спущу…» - сказала себе твёрдо.

Калитка скрипнула.

Вошёл крепкий мужчина в сапогах. Увидел её, резко остановился. Анне показалось, что в его тёмных глазах промелькнула растерянность.

Позади топтались ещё двое.

- Где… Нюра?

- Её нет.

- Как нет? А телята… Что она с телятами натворила? А?

- Я не… А что с телятами?

- Передохли все… Валяются. Чем она их траванула? Какой-такой отравой?

Анна испугалась. Телята? Ещё одна беда, откуда не ждали… Как так? Что теперь будет? Как же им за телят рассчитаться? У неё есть колечко… Бедная бабуля, только этого не хватало.

- Ну всё… Готовьтесь на каторгу.

Анну затошнило.

- Мы заплатим… Не сразу…

- Вот что, девка, пойдём барину докладывать.

- Так я же ничего не знаю…

- Бабка сбежала, теперь тебе ответ держать…

- Бабушка не сбежала. Она… вернётся…

- Вот барину и будешь рассказывать свои басни. Собирайся.

Анна растерянно оглянулась на Ольгу.

- Пойдём, Оленька.

- Её можешь оставить. Какой с неё ответ?

Но Анна молча потянула Ольгу за собой.

Мужики разочарованно переглянулись.

- Куда мы? – удивилась Анна, когда повернули от помещичьего дома в сторону сараев.

- Телят покажу… Все как есть передохли. Надо же закапывать. А то потом будете возмущаться, что такого не было…

Анна хотела отказаться. Мол, не будем возмущаться. Но потом всё-таки решила посмотреть.

Если бы девушка не была такой расстроенной, она бы насторожилась, почему сарай, к которому её вел управляющий, так не похож на телятник. Скорее это был небольшой амбар без окон. Но теперь ей было не до особенностей скотных построек.

Подошли.

Ольга… А вот ей лучше не смотреть.

Анна остановилась.

- Оленька, подожди здесь минуту… Я скоро… Возьми вот этот цветок…

Управляющий открыл дверь, посторонился, пропуская Анну вперёд.

«Ещё и манерам обучен…» - непроизвольно отметила девушка и шагнула внутрь.

В сарае было темно.

- Где… - обернулась.

Дверь перед её носом захлопнулась.

Глава 102

На этот раз Екатерина предпочла бы поехать к ведьме одна. Но ведь повозку посреди леса не бросишь. Поэтому снова выпросила у матушки сенную девку для прогулки по окрестностям. И теперь молча тряслась по лесной дороге, обдумывая предстоящий непростой визит.

- Останови здесь, - приказала у четырёхствольной сосны.

- Здеся? – вылупила девка перепуганные глаза.

Екатерина поняла, что и от этой дуры придётся избавляться. Раз уж догадалась, куда прибыли, значит, может сообразить и зачем. А сплетни Екатерине не нужны.

На этот раз шла по тропе скоро, по сторонам не смотрела и назад не оглядывалась. Всё уже обдумано и решено.

Накануне отец навестил Таруханова.

Здоровье Александра почти восстановилось, отец пригласил его в гости. Теперь ему можно разъезжать, доктор разрешил. Завтра приедет на ужин.

Вот она и решилась…

У неё просто не осталось выбора. Лихачевский уехал, новых кавалеров нет. Один Александр и остался.

А то, что он тогда зло на неё глянул, ведьма поправит. Ведь имеют же они тайную силу? Или это всё сказки? Заодно и проверит.

И если всё окажется враньём, она ведьминой кривой ко-

чергой разгромит её же дряхлую избушку. Потому что голову морочить можно деревенским бабам, а не дворянским девушкам. Пусть знает разницу.

Хватит… Больше никому спуску не даст. За каждую обиду спросит.

Перед мысленным взором опять предстал Александр. Когда она доберётся до его денег, тогда забудет тот взгляд. И может, простит, что с ней крутил, а про сестру думал.

На этот раз не стала топтаться у порога, а сразу подошла ко входу и громко постучала кулаком.

Дверь распахнулась так скоро, словно бабка стояла сразу за ней. Глянула хмуро, скривила беззубый рот.

- Зачем на этот раз пришла?

- За зельем приворотным. Имеется такое?

- У меня всё имеется. А рассчитаться сможешь?

Ясно-голубые и почти чёрные глаза сверкнули навстречу друг другу в обоюдной неприязни.

- Тиара всё ещё со мной.

- Да на припадка она мне сдалась.

- Чего же ты от меня хочешь?

- Проходи.

Катя молча прошла к лавке, уселась на своё прежнее место, поискала глазами на чём остановиться взгляду на этот раз. На старуху смотреть не хотелось.

В углу в светце торчала лучина. Маленький жёлтый огонёк и стал тихим ориентиром.

- Я буду тебе задавать вопросы, а ты отвечай.

- И всё? Это будет моя плата?

- А вот свои вопросы придержи при себе… Ладно… бесплатный совет. Иногда очень полезно много знать… Можешь намотать на ус. И тебе пригодится.

Катерина подавила раздражение. Постаралась расслабиться. Чушь какая-то… Какие тайны она может раскрыть?

Далёкий огонёк тихо плясал, успокаивал…

- Так чья эта тиара, что ты её так не взлюбила?

Огонёк приблизился… Или она вдруг стала лёгкая, как мотылёк, и подлетела к нему.

Пламя расширилось, прогоняя темноту, окутало своим теплом.

И в этом свете поплыли лица.

Анна… Печалится. Смотрит вдаль, а в глазах невыразимая тоска… Молчит Анна…

Александр… Улыбается, ведёт её в танце, а сам смотрит в сторону…

Матушка… Поджала недовольно губы. Опять младшая дочь раздосадовала…

Батюшка… Потянулся за куриной грудкой… Вином запивает…

Бабка Ульяна… Старая карга… Екатерина её тоже не любит… Как и мать… Вечно недовольна… Богата, а для неё мошна всегда завязана… Всё только для Анны… Вот и тиару подарила младшей правнучке…

Усанов… Толстый, брюзжащий, вечно недовольный, падкий на молодых девушек… Только зачем они ему?

Маска… Орфей… Сердце болезненно сжалось… Блаженство… Самый лучший…

Жемчужное созвездие…

Потом лица отодвинулись, уменьшились в размерах, исчезли. Тёмные тени стали плясать на фоне оранжевых языков… Екатерина сначала пыталась вглядеться, рассмотреть их, потом оставила…

- Вот тебе, девка, зелье… Добавишь в чай… Всё добавишь. За один раз. Тебе же один жених нужен? Или… как твоей прабабке? Всё мало…

- Что?

Екатерина словно вернулась из другого мира. Она и забыла, что всё это время сидела в тёмной лачуге.

- Давай, иди уже… Неколи мне с тобой… Люди идут… Да гляди с зельем поаккуратней. Приворотное, - старая карга каркнула каким-то вороньим смехом и распахнула скрипучую дверь.

Ошеломлённая Екатерина шагнула за порог. Она ещё толком не пришла в себя.

На обратном пути встретилась баба. Дёрнулась от неё, зашла за кусты, переждала, пока Катя пройдёт мимо.

Глава 103

- Не беспокойтесь, Дарья Васильевна. - Александр Андреевич чуть поморщился. Он уже устал всем соседям рассказывать, насколько у него всё хорошо. – Просто несколько месяцев исчезли из жизни. Вот и всё.

- Да… Мы слышали… Ужасно, конечно…

- А где же Анна?

- Анна? – растерялась хозяйка, раздумывая, какую версию подать гостю.

- Барыня, там господин… - вошедшая горничная не успела ничего доложить, её небрежно отодвинули в сторону, и на террасу выкатился господин Усанов.

- Григорий Фёдорович, - восторженно всплеснула ладонями Дарья Васильевна, лихорадочно соображая, как быть. И принесла же его нелёгкая не вовремя. Хоть бы уж к вечеру. Но теперь ничего не поделаешь. – Проходите же, дорогой. Мы вас заждались… Как дорога? Как здоровье? Мы как раз обедаем… Это господин Таруханов…

- Знаю… Моё почтение…

- Садитесь же… Чаю с дороги? Или наливочки?

- Екатерина Георгиевна, позвольте вашу ручку, - кланялся и здоровался Усанов. – А где же Анна Георгиевна?

И Дарья Васильевна поняла, что в таком шатком положении, подойдёт более ранняя версия.

- Гостит… у родственников… Александр Андреевич, что с вами? Вы как будто побледнели…

- А? Нет…

Доктор говорил, что память может вернуться. И это так и случилось… Вот просто так… Неожиданно… Прямо за столом. Словно опустилась пелена.

Услышав вопрос Усанова об Анне, он вспомнил о помолвке… Он вспомнил о тиаре с сапфирами, он вспомнил о дочери. Он вспомнил!

Анна! Он же должен был с ней обвенчаться! Сколько дней уже прошло? О-о-о!

Нетерпеливое желание встать и убраться отсюда он подавил. Теперь уже несколько минут значения не имеют. Он высидит этот обед.

- Дорогая, помоги мне разлить чай, - елейным голосом позвала Дарья Васильевна дочь. И та поняла, что матушка хочет ей что-то шепнуть. Что ж, вовремя. Екатерине есть что шепнуть в ответ.

- Маменька, мы же договорились! А теперь как быть?

- Дорогая… Я всё устрою… Немного оказалось сложнее, чем я думала… Придётся подключить к этому отца.

Перед обедом Катя попросила мать оставить её наедине с Александром на несколько минут. Тогда это не казалось проблемой. Но с приездом Усанова проблемы появились.

- Садись и ни о чём не беспокойся. Я всё сделаю… Дорогой, подите сюда на минуту, - елейным голосом пропела

она теперь мужу. – Там, кажется, принесли вам обещанного щенка…

С мужем лучше договариваться подальше от свидетелей.

- Какого щенка? Мне никто не обещал, - начал Георгий Лукич всё портить. Но пошёл вслед за женой.

Екатерина не сразу вернулась за стол.

Пришло время… Сердце лихорадочно застучало в груди. Страшно… Может… Надо!

Вылила из бабкиной кубышки янтарную жидкость в стакан с красным вином. Вернулась на своё место, по пути поставив стакан около Александра.

Чуть позже, оставшись с ним наедине, она найдёт возможность уговорить его выпить до дна.

Но есть большой шанс, что это он сделает сам.

- Послушайте, - торопливо забормотала Дарья Васильевна мужу в лицо, как только удалось увести его подальше от гостей. – Непременно надо оставить Катерину на несколько минут с Тарухановым…

- Зачем это?

- Ох, дорогой, поверьте мне… Вы должны позвать Григория Фёдоровича… посмотреть… на борзых… Они же, кажется, глаза уже открыли?

- О да. Представляете, дорогая, кобелёк просто чудный…

- Да не мне… Господину Усанову всё это будете рассказывать… Идите… Но не сразу… Минут через пять. А я то-

же уйду… Мне надо… Скажите там, что мне надо отойти по хозяйству…

И Дарья Васильевна на террасу не вернулась.

Минут через пять Георгий Лукич с сожалением оторвался от жареного гуся.

- Александр Андреевич, вы непременно должны посмотреть моих щенков.

Пожилой глава семейства немного запутался, кого надо уводить, кого оставить.

Александр давно уже ждал возможности уйти, теперь с готовностью встал.

- Очень любопытно… Прошу вас непременно показать, - сюда он решил не возвращаться.

- Идите-идите, я в следующий раз, - Усанов махнул вслед рукой. – У меня теперь с дороги нет сил.

И в результате сложных хитросплетений, Екатерина осталась наедине не с тем, с кем планировала.

А потом Григорий Фёдорович схватил вино, не для него приготовленное, и не очень разбираясь, чей это стакан, одним махом осушил его до дна.

Екатерина в ужасе застыла.

Шутки с таким важным и пожилым господином могли плохо кончиться. А если он упадёт прямо сейчас и забьётся в судорогах? А если ему станет плохо с сердцем?

Господину Усанову, похоже, стало жарко. Он покраснел, как рак, лоб его покрылся каплями пота, он дёрнул ворот

рубахи.

- Однако… - сказал он.

И Катя не решилась уточнить, что это значило.

- И куда все подевались? – беспокойно оглянулся он.

Катя не могла раскрыть рот.

- Пойдёмте и мы тогда глянем на этих щенков.

Усанов - гость. Катя должна прислушиваться к его желаниям. Так её учили.

Она молча встала.

Хозяйские постройки располагались позади сада. Катя не знала, в какой из них могли быть щенки. Собаками она совсем не интересовалась. Отца с Александром Андреевичем не было видно.

- Однако… - повторил непонятно Григорий Фёдорович, и вконец расстроенная Катя ускорила шаг.

- Здесь? – отворила дверь в крайний сарай. – Ой, кажется, здесь жеребята…

Здесь было ещё и много сена.

Неожиданно Григорий Фёдорович толкнул её в ближайшую высокую кучу, так, что она оказалась в неудобном положении полустоя-полулёжа, и стал торопливо задирать платье.

На какое-то мгновение она замерла в ужасе. И напрасно. Потому что эти мгновения господин Усанов не стал тратить зря, и уже шарил руками по её телу.

- Оставьте, - шепнула она. Кричать, звать на помощь не

решалась. Ведь это она заварила такую кашу.

От бабкиного приворотного зелья он сошёл с ума?

Господин Усанов дышал тяжело и часто. Екатерина не была уверена, то это у него не приступ. Какой-то странный, необычный, непонятный.

В некоторых вопросах, как и большинство девушек до брака, она совсем не разбиралась.

Потом этот приступ зашёл настолько далеко, что она стала вырываться.

Не тут-то было. В господина Усанова словно вселился бес. Она ничего не могла сделать. И откуда вдруг столько силы у старика? Его руки были везде, а потом и ноги тоже.

А потом боль пронзила Катю, а Григорий Фёдорович, скрутив её и зажав, довольно запыхтел.

- Ну что же, жеребята – это хорошо. У меня в этом году пятеро… - голоса раздались у самой двери, она открылась, и Катя повернула голову ко входу. А господин Усанов продолжал своё дело.

В светлом проёме показался Таруханов. С минуту он щурился, привыкая к темноте, потом захлопнул дверь.

- Но жеребят я посмотрю следующий раз. Теперь мне пора, - раздалось уже за дверью, и голоса стали удаляться.

- Не горюй, девка… - господин Усано

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.